

Александр ПИЛЯСОВ,
доктор географических наук,
Директор Центра экономики Севера и Арктики
Совет по изучению производительных сил

Без чего освоение АРКТИКИ немыслимо

О целесообразности создания единого оператора Северного морского пути

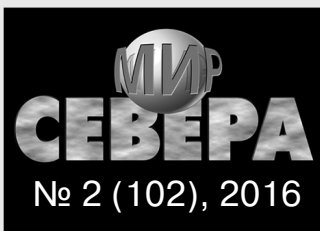
Считаю, что вопрос о целесообразности создания единого оператора Северного морского пути должен решаться в конкретных обстоятельствах времени и места и обязательно с широких, системных позиций. Последнее десятилетие 20 века стало для России периодом драматичных, радикальных экономических реформ. Фрагментация крупных хозяйственных структур советской административно-командной системы под влиянием «шоковой терапии» в экономике была очень чёткой приметой того времени.

Правда, нужно отметить, что как раз в арктической зоне она проявилась существенно слабее – именно Арктика стала местом преимущественного сохранения «интегральных комбинатов» советского времени в виде Норильского никеля, Газпрома (отчасти «Алросы»), крупных хозяйственных структур в горнохимической отрасли Мурманской области («Апатит» и другие). Уже в зоне Севера этой закономерности абсолютно не было – и он стал ареной катастрофического рассыпания крупных региональных хозяйственных структур, десятков градообразующих

предприятий в монопрофильных северных городах и посёлках.

Негативные последствия поспешной «диссипации» хозяйственных структур советского времени не сразу, но были осознаны, и со второй половины нулевых годов (в нефтегазовом секторе ещё раньше – со второй половины 1990-х годов) в стране началось медленное, постепенное собирание по крохам уцелевших предприятий в единые холдинги, способные конкурировать с зарубежными аналогами хотя бы на национальном рынке. Так возникли (были воссозданы) «Объединённая судостроительная корпорация», «Полюс-золото», некоторые другие суперструктуры в добыче природных ресурсов, обрабатывающей промышленности, лёгкой, пищевой промышленности, промышленности строительных материалов. Рейтинг крупнейших промышленных предприятий России журнала «Эксперт» чётко свидетельствует об этой тенденции «собираения», укрупнения хозяйственных

→ Продолжение на 3-й странице

**Этнополитический
и литературно-
художественный
журнал**

Учредитель:
редакция газеты «Литературная Россия»

Главный редактор
Вячеслав ОГРЫЗКО

Заместитель главного редактора
Евгений БОГАЧКОВ

Исполнительный директор
Александр ДОРОФЕЕВ

Редационный совет:
Еремей АЙПИН (Ханты-Мансийск),
Михаил АНДРЕЕВ (Томск),
Андрей БОРИСОВ (Якутск),
Галина БУТЫРЕВА (Сыктывкар),
Людмила ЕФРЕМОВА (Надым),
Николай КУРИЛОВ (Якутск),
Татьяна МОЛДАНОВА (Ханты-Мансийск),
Анатолий ОМЕЛЬЧУК (Тюмень)
Александр ПИЛЯСОВ (Москва)
Дмитрий ЧЁРНЫЙ (Москва)

Компьютерный набор
Татьяна ЕГОРОВА
Дизайн/Вёрстка
Евгения МОИСЕЕВА

Обложка:
Александр КАРПЕНКО (1, 4)
Ольга ПЕЛЕНКОВА (2)
Павел БЫКОВ (3)

Подписано в печать
25 апреля 2016 года.

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ
по печати. Свидетельство о регистрации
№ 015849 от 14 марта 1997 года.

Тираж 1200 экз.

Адрес редакции:
127051, Москва,
Цветной бульвар, 32, строение 3.

Телефоны: 8 (495) 694-23-24,
8 (495) 694-03-65,
Факс: 8 (495) 694-50-10

E-mail: litrossia@litrossia.ru

Отпечатано
в ППП «Типография «Наука»,
121099, Москва, Шубинский переулок, 6.
Тел./факс: 554-21-86, 554-25-97,
974-69-76.

Заказ 808к

СОДЕРЖАНИЕ

- 1** **ЭКСПЕРТНОЕ МНЕНИЕ**
Александр ПИЛЯСОВ.
Без чего освоение Арктики невысказано
- 6** **НУЖНА ДИСКУССИЯ**
Евгений ЧЕБАЛИН.
Nano-плесень, или сук-кины дети
- 10** **МОРСКОЙ РЕЙД**
Олег ХИМАНЫЧ.
Слово о буксире «Бугрино»
- 13** **ПОСЛЕ ВОЗВРАЩЕНИЯ С КАМЧАТКИ**
Павел БЫКОВ.
На девять часов старше
- 17** **ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ**
Инна ИВАНОВА.
Хибины
- 18** **НАРОДНЫЕ ПРОМЫСЛЫ**
Алина ЧАДАЕВА.
Филимоновский солнцеворот
- 24** **У НАС БЫЛА ВЕЛИКАЯ ЛИТЕРАТУРА**
Вячеслав ОГРЫЗКО.
Непрощённое пребывание в эсерах:
Виталий Бианки
- 35** **ВЕРНИСАЖ**
Лев МИЛОВИДОВ.
Искусство шагнуло в глубину
- 36** **ДОВОЛЬНЫ ЛИ ВЫ СОБОЙ**
Светлана ГРИНЬ.
Плевков в могилу писателя. И... ответ на него!
- 53** **СЛЕД В ЖИЗНИ**
Сергей СУЩАНСКИЙ.
Пишу тебе из тундры: Владимир Тынескин
- 61** **РУССКИЕ СУДЬБЫ**
Анфиса Шарьпова.
Космические жертвы ГУЛАГА

← Продолжение. Начало на 1-й странице

структур (вослед прежней диссипации, фрагментации), которая обозначилась в нулевые годы.

Что происходило на этом национальном фоне на трассе Северного морского пути? Это можно проследить на примере компании по завозу грузов на Север и в Арктику по Северному морскому пути. Первоначально, в первой половине 1990-х годов, важнейшая задача состояла в том, чтобы удержать, сохранить продовольственную и энергетическую безопасность людей, проживающих в береговых поселениях в условиях катастрофического обвала национальной экономики. Шёл постоянный поиск, кому, каким субъектам, государство может вменить функции завоза грузов на Север и в Арктику. Ввиду явной затратности этого мероприятия, все потенциальные получатели этой функции отпихивались от неё как могли. Именно поэтому практически раз в несколько лет менялся организационно-финансовый механизм завозной компании: сначала федеральные власти отвечали, потом транспортные операторы получали эти функции и федеральные деньги, потом банковские структуры, потом, наконец, с конца нулевых годов, региональные власти, которые получали для этих целей федеральные трансферты.

Из одной структуры в другую передавался атомный ледокольный флот: сначала в доверительном управлении Мурманского морского пароходства (но содержание было частично за счёт «Лукойла»), потом был выведен из Мурманского пароходства и передан в корпорацию «Росатом». Эти организационные шараханья в арктической зоне, где они исключительно опасны и расточительны, отражали поиск, пробное нащупывание оптимальной схемы, которая гарантирует людям и экономике приемлемый уровень безопасности и определённости. В этот период возникла «мягкая» консолидирующая структура Ассоциации пользователей трассы Северного морского пути. Сохранилась и Администрация Северного морского пути при Минтрансе, которая, правда, имела абсолютно декоративные, в основном уведомительные функции, без значимых рычагов влияния на ситуацию на трассе.

Недостатки сложившейся схемы очень слабого, можно даже сказать, безвольного, управления Северным морским путём осознавались очень многими экспертами, но решительного толчка к изменению ситуации не происходило ещё длительное время, практически десять лет – вплоть до середины десятых годов. Весь этот период недостатки унаследованной от рыночных реформ фрагментации морского пространства Северного морского пути, береговой российской Арктики проявлялись локально, в судьбах и проблемах десятков поселений, местных сообществ по арктическому побережью, но на национальном уровне были осознаны весьма слабо: перебивали многочисленные другие проблемы этапа «восстановительного роста» российской экономики.

И лишь с середины десятых годов, под явным воздействием антироссийских санкций, значительного ухудшения политических и экономических отношений России с другими крупными арктическими странами – США, Канадой, а также и малыми европейскими арктическими странами, тяготеющими к НАТО, уже на национальном уровне была осознана опасность сохранения дальнейшей фрагментации арктического морского и прибрежного пространства. (И ведь действительно – Россия – единственная полярная страна, в которой арктическая береговая зона не выделена законодательно, юридически в отдельный объект управления). Именно этот фактор стал сильнейшим стимулом к тому, чтобы рассматривать вопрос о консолидации субъектов, работающих в Арктике, в единый логистический оператор. До этого все предпринимаемые нами попытки обсудить вопрос о создании «виртуального» арктического федерального округа, о выделении береговой

зоны Арктики в отдельный объект государственного управления, поверх муниципального или регионального, т.е. придать ему тот или иной федеральный статус, заканчивались ничем, потому что угроза национальной безопасности здесь не была ещё осознана.

Конечно, помимо антироссийских санкций и военно-политического противостояния, другим фактором – стимулом к институциональному оформлению трассы Северного морского пути – стала растущая «интернационализация» трассы – по факту, ввиду значительного смягчения ледовой обстановки и климатических условий полярной навигации, которые обозначились как тенденция с начала нулевых годов. Несмотря на официальное провозглашение Северного морского пути «национальной транспортной магистралью» России, де-факто, многократно нелегально или полулегально иностранные суда в последние 20 лет осуществляли навигацию по трассе. На ней работали десятки международных экспедиций – что в условиях тотальной свёртывания российского присутствия в 1990-е годы и первой половине нулевых годов, также представляло угрозу национальной безопасности – не само по себе, а ввиду отсутствия российского адекватного ответа в виде собственных экспедиций, резкого сокращения сети стационарных береговых станций наблюдения за природной обстановкой в Арктике.

Таким образом, к середине десятых годов возникла абсолютно новая ситуация, когда терпеть дальше неформальность, недеструктурированность арктического прибрежного пространства России – т.е. полное отсутствие единых консолидирующих структур с весомыми полномочиями, а не просто «мягкой силы», типа Администрации Северного морского пути и некоммерческого партнёрства – стало уже невозможно, и прежде всего по внешним, геополитическим обстоятельствам.

И здесь можно найти аналогии данной ситуации с временем создания Главного управления Северного морского пути (ГУСМП), т.е. началом 1930-х годов. Среди широко упоминаемых историками причин создания нередко забывается фактор «враждебного окружения» Советской России и естественной обеспокоенности руководства страны за её арктический фасад. Так вот ГУСМП как раз и призван был, выполняя, казалось бы, сугубо гражданские, хозяйственные функции, одновременно обозначить присутствие Советской России в своей Арктике. Здесь, как всегда в Арктике, гражданские и военные функции и задачи очень тесно переплетены и сочетаются, усиливают друг друга. Так и теперь: есть задача нового хозяйственного освоения Арктики, есть несколько крупных

суперпроектов в Арктике. Но одновременно с ней тесно сосуществует и задача геостратегическая, геополитическая. Сводить всё только к хозяйственной деятельности в Арктике абсолютно неправильно – нужно рассматривать целесообразность создания единого оператора трассы Северного морского пути в контексте и геостратегической задачи сохранения и укрепления российского присутствия в своей Арктике, что сделать чисто рыночными методами и инструментами ни одной стране никогда не удавалось. Здесь нужны воля государства, смычка гражданских и военных интересов и структур, оргструктуры «обязывающей, а не чисто добровольной, консолидации».

Следующий важнейший вопрос после признания целесообразности – вопрос конкретного дизайна, конкретного проектирования новой структуры единого оператора трассы: насколько широко, масштабно должен быть реализован этот замысел? Кто должен войти в «корпорацию», гострест, естественную монополию, управляющую транспортным и навигационным обслуживанием трассы Северного морского пути?

Важнейший вопрос – принадлежность атомного флота. Его в последние 25 лет неоднократно пихали по разным хозяевам. Подход к этому вопросу поэтому должен быть очень осторожным и выверенным.

Прежде всего представляется, что единство атомных и дизельных ледоколов с точки зрения арктического сервиса, единой работы на безопасную проводку судов по трассе Северного морского пути мощнее, сильнее, чем общность атомных ледоколов и атомных электростанций. А именно это, по сути, сегодня является основным аргументом, причиной отнесения атомных ледоколов по ведомству «Росатома». Значит, нужно вернуться к ситуации советского времени, когда ледокольный флот был единым и неделимым, не проводился отдельно по «атомному» или «пароходному» ведомству. Общая сильнейшая специфика работы на высоко рискованной трассе Северного морского пути есть главный аргумент за эту «новую старую» консолидацию. Дальше – вопросы полярной гидрографии, разведки ледовой обстановки, мониторинга природно-климатических условий вдоль трассы – как с наземных станций, так и со спутниковых служб. Представляется, что они должны быть в единой структуре с ледокольным флотом, вместе неразрывно, для оперативной и эффективной проводки российских и международных судов вдоль трассы Северного морского пути.

Что касается портов, перевозчиков, то здесь должны быть сохранены условия конкуренции. Новизна современной ситуации против времени ГУСМП состоит именно

в том, что консолидация арктического сервиса по полярной навигации, проводке и сопровождению судов на трассе Северного морского пути существует, сочетается с условиями конкуренции среди перевозчиков, среди арктических портов. Таким образом, новая корпорация «Северный морской путь» объединит только структуры полярного сервиса, услуг по предоставлению проводки судов. Но сами транспортные суда смогут выбирать, нужно ли им консолидировано, караванно, деля издержки ледовой проводки на всех и тем самым их уменьшая, использовать ледовый сервис, или поодиночке, или вовсе отказаться от него. Обязательно должен быть выбор, эти услуги корпорации не должны быть вменёнными субъектам навигации. Но они должны стать результатом добровольного выбора субъектов хозяйствования по трассе, которые заинтересованы иметь безопасные, гарантированные условия навигации по трассе. Необходимо будет договориться со страховыми фирмами, в том числе международными, что если перевозчики пользуются услугами корпорации «Северный морской путь», в этом случае страховые тарифы кратны меньше, чем если они идут без сопровождения, на свой страх и риск. И пусть перевозчики находят для себя экономически целесообразную альтернативу – использовать услуги корпорации и иметь мизерный страховой сбор, или отказаться от них на свой страх и риск, но платить существенно, кратко больший страховой сбор в этом случае.

Подведём итоги. На отраслевом уровне с середины нулевых годов была осознана необходимость преодоления фрагментации хозяйственных структур и процесс структурных преобразований пошёл вспять, в противовес с ранее обозначившимися с началом радикальной экономической реформы дезинтеграционными тенденциями – на консолидацию, на интеграцию субъектов хозяйствования, связанных единой технологической и финансовой цепочкой создания добавленной стоимости. В исследовательском сообществе России стали модными темы хозяйственной кластеризации, хозяйственных агломераций. Все эти процессы закономерно отразили неконкурентоспособность большинства экономических структур России перед вызовами глобального соперничества и необходимость хозяйственной концентрации уцелевших, выживших фрагментов национальной экономики.

Это на отраслевом уровне. Однако и на территориальном уровне необходимость в таком сосредоточении, концентрации, собирании активов в единый пул также была осознана. Возникли идеи агломерирования пространства

России, ставки на крупнейшие городские агломерации как главные драйверы нового экономического роста. Эти мысли отразили признание недостатков очень несобранного, очень фрагментированного рыночной реформой (особенно в условиях взорвавшихся транспортных и энергетических тарифов) пространства России. Появились темы территорий опережающего развития, зон инновационного прорыва, интеллектуальных долин. Они отразили поиск путей «собрания» пространства России на всех возможных уровнях интеграции – местном, региональном, национальном.

Однако длительное время эти тенденции к отраслевой и пространственной «сборке» никак не затрагивали Арктику, в которой ситуация, по сути, законсервировалась с середины 1990-х годов. Поддерживались иллюзии, что «мягкими» инструментами Администрации Северного морского пути и некоммерческого партнёрства пользователей трассы можно увязать интересы всех заинтересованных по трассе. Между тем масштабы международного присутствия на трассе возрастали, как в форме международного транзита, так и в форме международных исследовательских экспедиций. Одновременно возрастали и геополитические угрозы для России со стороны других участников арктического клуба, настроенных с середины десятых годов по отношению к России недружественно, если не сказать враждебно. В этих новых геополитических условиях уже более было невозможно сохранять организационное («безвольное») статус-кво на трассе Северного морского пути. Закономерно возникла идея создания (а по сути возрождения) единого оператора трассы Северного морского пути. Она обязательно должна быть реализована. Предметом обсуждения внутри экспертного сообщества должен стать её конкретный дизайн, но никак не сама целесообразность, которая представляется в современных условиях бесспорной.

NANO-ПЛЕСЕНЬ, ШММ СУК-КИНЫ ДЕТИ

Вопрос вопросов нынешнего бытия: кто есть или во что превратился писатель, певец, поэт, актёр – «создатель духовных ценностей»? Кто он? Остался иммунной системой в государственном организме? Аналитическим рецептором на периферии этого организма, кричащим болевыми импульсами Центру о вторжении паразитов и прочих либер-спирохет?

Либо это болтологическая «прокладка с крылышками» между чиновным олигархатом и тотальной постсоветской массой одуроченных и духовно оскопленных россиян?

Вороша прошедшие годы, наткнулся на одну из разновидностей вышперечисленных создателей, самую безобидную – бытописатель. Вспомнился мой каюр Семён Родионыч в бытность работы собкором радио и телевидения по Колымскому Заполярью. Это был водила десятипсовой упряжки, на которой мы с ним выбирались в оленьи стойбища, на массовый отёл оленей, на гусиную и утиную охоты, нагло используя служебное положение. Родионыч был идеальным каюром: глухой, как

пень, и заботливый, как няня Арина Родионовна. Вдобавок ко всему, неотъемлемой частью его каюрской сущности был вокал, точнее – сиплое, с французским прононсом словоизвержение в рэпперском стиле, которое патефонно заводила в нём каждая поездка. Запрягались псы в нарты, на них умащивался мешок с мороженой ряпушкой (собачий корм). Всё это застлалось оленьей шкурой, и мы трогались в ослепительно белый путь. Псы с резвым азартом тянули нарты, визжал наст под полозьями, а из Родионыча текла бесхитростная ария о плывущем мимо тундровом размахе.

– О-е-е-е...О-ё-о-о-о... на стойбиссе собацки везут... там строганину кусать буди-и-им, спиртик попьё-о-ом, весёлые стане-е-е-м...О-е-е, куропатоцька мимо лети-и-ит, на кустик сяди-и-ит, ягоду клюё-ё-от... потом какать захоци-и-и-ит...О-е-е-е, О-ё-о-о-о, сзади Зенька на ряпуске сиди-и-ит, зопу морози-и-ит... однако упрямый нацальни-и-ик, молодой, глупый, говорил ему меховой кукаска надева-а-а-й, а Зенька не хоци-и-ит, в тонких станах еди-и-ит, зопу

сапсемзаморози-и-ит...детейне буди-и-ит, сапсем плохо-о-о...кто рыбу-мясо-грибоцки ему старому принесе-е-о-о-от?

Ныне приходится много ездить при включённом радио FM-1. В уши ломится шквал «шлягеров и хитов». 9/10 – про лубоф-ф-ь: от геморроидальной – до лесбийской. Остальное либо хрипато-блатняцкий шансон, либо синтетические россыпи бессмыслиц, замешанных на жвачном романтизме. На их фоне тундровые фристайлы Родионыча греют до сих пор заботливой, осмысленной человечностью.

Московский бывший любитель Лужкова втыкает в уши шампур своего замороженного хита: про туман и коней в облаках. Задавлив в себе совковое любопытство (кой чёрт занёс туда эту скотину без крыльев Пегаса?) задаёшься вторым прагматическим вопросом: а успеем ли вместе с автором увернуться от жеребцовых извержений сверху?

Ввинчивается в мозги, достаёт ежечасно ещё один шансонистый припевчик из той же шарманки:

– ... Синий туман похож на обман...

Без продыха и без жалости к нашим изнасилованным слуховым аппаратам, вопиющим хоть о каких-либо вариациях. Ну, хотя бы:

– Белый курдюк похож на бурдюк;

– серый баран похож на таран;

– лысенький ёж на Лолу похож. И.т.п.

Очередной хитовый шедевр «Дорожного радио» ввергает в патриотический восторг землелюбца:

– И ноздрями землю втяну!..

Но об этих, с расплюснутым вкусом хитах, кажется, довольно. В литературе дела посложнее, ибо наша литература всё более агрессивно становится юбочной. Феминистские романы уличских, толстых и пр. оккупируют как вокзалы, уличные киоски, книжные магазины, так и издательства. Ни Жорж Санд, ни Агата Кристи, даже получив мировую известность, не рискнули вторгаться в социальную романистику, оккупированную мужчинами с доминирующим правым полушарием. Фемины скромно обитали в острой-пряной детективной прослойке левого полушария. Природа отпустила им хотя бы основание для этого: умение лихо строить интригу – при минимальном наличии стилевой самобытности.

Нынешние борзописки, заполонившие книжные полки мегатоннами кухонной дешёвки, не обладают ни первым, ни вторым. Из-под их перьев текут потоки примитивизма, пополняя разлитое болото трясиной графомании.

На последней Международной книжной ярмарке в Москве было немало со вкусом и богато изданной русской и мировой классики. Но её хищно обволокла куда более толстая короста псевдо-литературы, спесиво блестящей издательской позолотой и столь же золочёным дебилизмом. С тяжёлым, брезгливым изумлением проходил

мимо бесконечных издательских «прыщей», вздувшихся на больном теле российской литературы. На полках завалы с одуряющим амбрэ феминистики и кухонной кулинарии... Из трясины подобных ярмарок за последние 20 лет не выплыло на поверхность ни одной яркой литературной попытки вскрыть тотальный либер-мазм размазанным социума, в то время, как за стенами ММКЯ смрадно клокотала постсоветская реальность во всём её уродстве.

Примитивный торгаш, прикрывшись генеральскими погонами, вместе со своей б... раздолбали и разворовали половину армии. Но слепая и глухая Фемида, закупленная с потрохами, превращена ими в юридическую потаскуху и прячет их под свою юбку, кля под них амнистии и реабилитирующие законы.

Твою машину могут безнаказанно сцапать в клещи, погрузить в эвакуатор вместе с тобой, чтобы затем выколачивать из тебя тысячные штрафы под защитой дубинок ОМОНа, ГИБДД и суда. Коллекторы – недобитая в 90-х стая двуногих шакалов.

ЖКХ в остервенелой погоне за прибылями вправе безнаказанно задирает тарифы в разы, а затем, без объяснений, вообще отключить твоё жильё от газа, света и воды, от тех благ цивилизации, которые добывали своей кровью и потом наши деды и отцы.

В хоккее, к которому имеет прямое отношение мой внук, родители собирают складчину «смазку» для судьи, чтобы тот судил справедливо (!). И это – железная необходимость, поскольку не раз и не два «не смазанные» судьи зауживали матчи в наглуую, поплёвывая на официальные протесты тренеров.

Из Ставрополя звонит племянница, сообщает о титанической схватке с военкоматом. Забирают в армию её сына с дипломом ВУЗа и ...9% -ной

близорукостью. Вымогают 30 тысяч: чтобы принять во внимание запретное заключение медкомиссии. Матери терпеливо впрямую объясняют: дурочка, ты что, с луны свалилась? Чтобы «откосить» здорового пацана, нужно 100 тысяч. А за твоего полуслеплого, и так скосили по-человечески – втрое.

Судья застенчиво преподносит на тарелочке с голубой каёмочкой маньяку три года поселения – за убийство, тогда как покалечившему бандита в защите навешивают пять лет тюрьмы.

И, как верх беспредела – проталкиваемый «закон Ротенберга», по которому государство будет компенсировать олигарху наворованные из бюджета деньги, отправленные в офшоры, – деньги, которые «гепнулились» в мясорубке западных санкций. Коррупционная плесень, приобретая всё более изощрённую NANO-структуру в XXI веке, накрыла всё российское общество, пронизывая её толщину метастазными нитями до самого дна, почти ежедневно растут цены на хлеб, мясо, молоко, сахар (при фарисейском официтозе в 7% инфляции, рассчитанном на Ваньку-зомби, парящего в воздушных). Этот основной набор продовольственной корзины становится, практически, недоступен миллионам бюджетников, подпихиваемых либеркомпрадорами к мусорным ящикам, как в 90-е. Сколько лет вменяемые экономисты, государственники стучали в продажные лбы правителей с трагическим предупреждением: мы потеряли продовольственную безопасность! Восстановите агропром, везде, во всём мире государства выделяют своему АПК не менее 10 процентов ВВП! Наш 1 процент после вступления в ВТО – это преступление! Не достучались. Теперь имеем то, что имеем: бежим на цырлах за мясом, молоком, хлебом, лекарствами (инсулин, кантрикал) в Чили, Аргентину, Кубу, Словакию –

к тем, кого недавно бесстыдно предали.

А цены растут. И всё же не они так страшны. В нашествиях Батыя и Чингисхана с удавкой Хазарии, в Первую и Вторую мировые войны терпели ещё не то, и выживали как этнос, как раса.

Но теперь надвигается самое необратимое, невосполнимое – рушатся ценности Национального Духа. Искусство и литература предсмертно трепыхаются в лапах растлителей и режиссёрского свиноподобия. В Мариинском и Большом театрах – в «Евгении Онегине», в «Руслане и Людмиле» пьют водку из горла, извиваются голые проститутки во главе с бандершей Найной. Со сцен хлещет по ушам мат, чуть ли не на зрителя в открытую мочатся и испражняются. И всё это в некогда мировых театральных маяках Лада и Гармонии.

Бывший бессменный пахан Таганки Любимов, изнывавший от долгого держания кукиша в кармане и камней за пазухой... его постановка оперы «Князь Игорь» – экстракт осыпанной местечковой перхотью старческой злобы на Советскую власть, на Россию, на всю её историю, которую он видит в гробу в красных тапочках. И всё это вываливается на наши головы за наш с вами счёт, на наши налоги, на наших стрессах и недоедах.

Театр Гоголя, сорвавшись с нравственной цепи, купается в режиссёрских помоях в пьесе «Пластелина», где мать и два двуногих кобеля насилюют её сына. В «*Полароидных снимках*» актёры и по совместительству некрофилы, совокупаются на сцене – мёртвый и живой. В театре Немировича-Данченко в опере «*Сон в летнюю ночь*» мочатся на сцене под россыпи площадного мата, за что получают четыре премии.

Фёдор Бондарчук волочится послушным телятей за арбой либерастов от кино.

Он вытирает ноги о талант, о статус, о русское мировоззрение своего великого отца в фильмах «Духлесс» и «Сталинград». Увы, это червивое яблочко сдуло антирусским тайфуном от родовой яблони, и сынок шлёпнулся далеко от неё.

Донимает парадокс происшедшего. В театры, в кино пришла новая кадровая генерация режиссуры. «Творческий» лом, которым она вскрывает концептуальности спектаклей – шок ниже пояса и «бабки» – любой ценой.

Но ведь актёрская масса, с которой режиссура работает, во многом осталась прежняя, так как с недоученными щелкопёрами, с современными чёртиками, выпущенными из табакерки ГИТИСа, «Щепкой» и «Щукой» не сделаешь спектакля, на них одних не пойдёт зритель. И что же эта фундаментальная масса из советского театра и кино, которая обучена и сострадательным слезам, и высокому катарсису, и пронзительной человечности в русской сценографии, что же она терпит? Где хоть один бунт на загаженном корабле режиссёрского самодурства и пошлятины? Нет бунта. Варят эту дурианову похлёбку покорно, рабски ошарашенному хамством зрителю. Что ж, народ заслуживает того правителя, который им правит и того режиссёра, который вешает им на уши тухлую лапшу. А актёры – это дети. Но это действительно сук-к-кины дети! (по Щепкину)

Думается, перечислять творящийся в русском искусстве ублюдизм далее бессмысленно. Время задавать вопрос: кто и как должен ответить за гниющее государство, за государственное поощрение растлителей и похабников? Министр культуры Мединский, увенчавший себя лавровым венком реформатора и обличителя, не отваживается, как держатель бюджетного фонда, ни на одну серьёзную карательную акцию против гнилой и шизоидной

сценографии, тратя бюджетные деньги на «творческую» диспепсию и уринотерапию параноидальной режиссуры.

Президент, отвлекшись на минуту от нефтегазовых, турецких, сирийских и прочих геополитических проблем, с чьей-то, надо полагать, подачи – того же министра культуры, раздаёт высокие гранты и награды похабникам, по которым давно плачут тухлые яйца, гнилые помидоры и пинок под зад.

Но снова к литературе...

Не столь давно появилась возможность ознакомиться с одним из толстых журналов, страницы которого отблёскивают лощёной позолотой: «*Литературный факел*» за 2014 год, издательство ГАЗО-ИЛ Пресс. Весьма солидный отраслевой журнал в духе советских изданий подобного плана. Обширная когорта газовиков и нефтяников профессионально и бесхитростно вскрывают проблемы бурения, ремонта скважин, нефтепереработки и транспортировки газа. Столь же бесхитростно все они пытаются встроиться в литературно-публицистический процесс России. Журнал знакомит с обширным набором их очерков, рассказиков, литературных зарисовок. Едва ли стоит подвергать их серьёзному анализу, учитывая вполне объяснимую страсть любого технаря посмаковать напечатанные строки своих опусов, будучи надёжно защищённым от нищеты и страха перед нынешним хищным бытием. Так же любопытна попытка редакции внушить читателю, что их авторы такие же, свои... разве что чуть «такее» и «своее» остальной массы, людоедски прессуемой нефте-газовыми олигархами...

Но во многом это – фон. На нём журнал демонстрирует в фас и профиль облик своего «свадебного генерала» от литературы Владимира Крупина. Редакция представляет читателю ни много, ни мало три (!)

работы этого автора. Мы вправе многое ожидать от этого мастера пера, пропустившего через себя весь предательский содом горбостройки и мясорубки чубайсиады, воочию наблюдающего сползание России к духовному дебилизму. О чём его литература в «Л.Ф.»? Очерковая зарисовка «Тихий воз на горе будет». Здесь Крупин, он же герой очерка, с блистательными нюансами и глубинной психологией живописует нам о своём сражении с огромным, неподъёмно кряжистым ... пнём. О том, как он появился у него во дворе. О своих стратегических расчётах дроворуба, о графологической, атомарной структуре этого пня. О первых неудачных попытках расколоть чудовищную массу этого печного объекта. На них были потрачены целые сутки. Сражение продолжилось во вторые сутки, где в ход пошли ещё несколько топоров, клинья, прочие приспособления и русские хитрости. Наконец битва закончена, пень превращён в полезную грудку поленьев, параллельно формируя в нас кондовый, сермяжный в нынешнее геноцидное время вопрос: **«Многоуважаемый мэтр, а на кой ляд весь этот авторский титанизм, пишкнущий нулевым социальным КПД? Что полезного для выбора своего пути в жизни почерпнёт из него наша смена, наши сыны и дочери?»**. Как ни крути, а именно эта функция писателя востребована молодыми поколениями более всего во все времена.

Вторая публикация **«Тюремный рассказ»**. Бывшие эски и воры в законе на воле хоронят авторитета Хмурого. Хоронят с вызывающей оглушительной пышностью, ибо при жизни Хмурый был неким Российским Робин Гудом. Он строил всех чиновных, губернских воров и хапуг по ранжиру, доил их за финансовые щипки, осуществляя стратегию матроса Железняка и Землячки: «Грабь

награбленное». Параллельно идёт доскональная хирургическая вивисекция тюремного быта, воровской психологии и забот ментовской тюремной обслуги. Сделано точно, с мельчайшими нюансами, правдиво. Но заканчивается текст и, хоть плачь, никуда не деться от того же вопроса: «Многоуважаемый мэтр, а на кой ляд ...».

Третья публикация **«Четыре немецких пишущих машинки»**. Автор выдаёт глубинно сокровенное для писателя: свою сердечную взаимосвязь с орудием нашего труда – пишущей машинкой. Не скрою, испытываешь корпоративную солидарность с коллегой, ибо многие из нас, если не все, карабкались, плюясь и чертыхаясь, по ступеням пиш-прогресса: от пишущей машинки до компьютера, переживая родственные чувства. Но чтиво закончено, а в душе жжёт печальный дискомфорт: дорогой наш коллега, Володя... неужто всё? Неужели эти литературные кружева и рюшечки – это вся твоя «социалка» в России, вопиющей от раздвая и грабежа?

Давным-давно отсутствует в масштабной, социальной литературе Председателя Союза писателей России Ганичев. Не слышно Личутина. По странной закономерности, все вышеперечисленные утвердились в жизни как неистовые, тотально воцерковленные апологеты Христианства, за что и были показательно пригреты патриархами, как бывшим – Алексием II, так и нынешним – Кириллом. Но об этой стороне славянского бытия, о ведической вере предков славян, о предшествующих христианству «временах Буса» потом, не в этой статье...

Не раз и не два приходилось слышать от коллег по перу адвокатскую защиту происходящего: уход мастеров пера от остро-социальной литературы – **«Укатали сивок крутые горки»**.

Да полно, коллеги. Такими ли крутыми были эти

горки для вышеперечисленных, ныне стержнево пребывающих на всех литературных толковищах, на Всемирных русских соборах, на Международных книжных ярмарках, в Правлении СП России? Их «горками» была упоительная синусоида: от одной литпремии – к другой, от одного лауреатства – к другому, от одного Президиума – к ещё более сановитому. И если говорить в открытую, начистоту, то настоящими «сивками» были не эти, удобные во всех отношениях любимцы Фортуны, а истинные бойцы, Пересветы советской литературы, заплатившими жизнью за свой социальный, сопричастный надрыв: Василий Шукшин, Пётр Проскурин, Анатолий Иванов, Иоанн Снычев, Иван Ефремов, Василий Белов и много других. Они угасали в тени, надрывая души на гражданском, воинском протесте «Не могу молчать!»

...Где молодые писатели в этом опасном и, во многом, беспощадном процессе? Прежде всего, следует упомянуть даровитую молодёжь образца Германа Садуллаева и надуваемого через бюджетную соломку ТВ Захара Прилепина. Вероятно у них, у их генерации достойное уважения будущее. Но литературный, социальный глобализм для них пока неподъёмен, во-первых, в силу возраста, а во-вторых, из-за рано обрётённой привычки нравиться всем и плавать поверху (даже на изорванных просторах Новороссии) в сладких сиропах «конструктивизма» и лояльности.

Хотелось бы вступления в эту тематику (духовность и роль писателя в обществе) наших зарубежных эмиграционных землячков, наблюдающих литературные и социальные процессы изнутри – из «утробы» Запада: а как и что у вас?.. Надеюсь на продолжение дискуссии.

г. САМАРА

Олег ХИМАНЫЧ

Слово о буксире «Бугрино»

Хотя, верно, не простого слова, а благодарственного, скорее, даже похвального заслужил этот архангельский пароход. И не только он, а многие его собратья, сработанные на финских верфях в 50-х, ставшие затем скромными трудягами в русских морях. Красавцами они были! Конечно, по канонам корабельного дизайна своего времени: лёгкая, а потому изящная седловатость корпуса, аскетичного вида главная надстройка и «кубик» кормовой, по-ледокольному чуть скошенный форштевень, мачта впереди высоченная, с «вороньим гнездом», высока и дымовая труба, почти вплотную к ней дефлекторные колонны... Всё подчёркнуто правильно, как в облике аристократа. Не зря же головному из буксиров придумали имя «Аполлон». А как же ещё, если и красив, и могуч! Могуч, конечно, для своего времени — в грузу 870 тонн, машина 800 сил, корпус 48 метров в длину, скорость 11,5 узла...

Мне тогда пять лет было. Возвращались из Вознесенья, как и все местные – по льду до Кегострова, а там уж переправа на Архангельск. Держали её буксиры, как и нынче, в дни, когда поблекший покров Двины должен вот-вот податься к морю вместе с изломанным фарватером.

Вечерело уже, и морозец прихватывал. На пристани топталась и возбуждённо гомонила большая толпа. Ждали. За спинами взрослых мне и не видно, что там, на реке. Вдруг зашуршали, взвизгнули кранцы, заскрипели причальные сваи – так, почти бесшумно, но грубовато подвалил пароход. Не забыл гуднуть для форсу, да так, что вся пристань вздрогнула! В сумерках, корпусом чёрный, при чёрной трубе, в рваных летящих клочьях дыма, он мне очень большим показался. На борту его прочёл по слогам: «Буг-ри-но»...

Стоял я с отцом на верхней палубе, между опорой шлюпбалки и трапом на мостик: отсюда не только реку видно. Дверь рубки настезь – два моряка в фуражках с тусклым «крабом», один у тумбы телеграфа почти не отпускал его рукоять, другой размашисто, резко вращал штурвал. А ведь немаленький он, почти как в фильме «Дети капитана Гранта». Но там парусный бриг, а здесь – пароход! Труба у него круче паровозной, едва заметно припадает к корме, скобы-лесенки до самого верха, золочёные серп и молот на широкой красной полосе! Такой же флаг на штоке за трубой...

Ни полыней, ни разводий, всё смутно-лилово вокруг. По ледовым простыням и крошеву полз буксир – железное, но живое и сильное существо – телом напрягался, мелко вздрагивал. А внутри корабля клочкотала энергия, и на палубах «Бугрино» ощущались глухие, мерные удары его машины.

Уже от Кегострова ушли, левобережье тянулось размытой

серой полосой, когда вклинились в плоть сморози. Не остановился буксир, хотя и заметно повело его в сторону – сбавил ход, будто перевёл дыхание, чтоб упереться снова. Машина застучала чаще, удары её стали жёстче, дым из трубы повалил гуще. И судорога побежала по корпусу такая, что от неё рында зазвякала. Зажгли прожектор – он сумерки раздвинул...

С верхней палубы хорошо было видно, как из-под скулы корабля выворачивались и громоздились друг на друга обломки льдин, недовольные, ползли вдоль борта, охали и скрипели, будто жаловались друг другу. А меж ними шипела и злобилась чёрная вода! Меня, мальчишку, это зрелище завораживало! Но похоже, азарт этой схватки машины и льда, напряжение корабля неведомо как, но передавались и взрослым – бойкие было разговоры на тесных палубах стихли, многие в сторону Архангельсказапоглядывали – далеко ли?

Я потом «Бугрино» лишь временами видел: и на самой реке, и на «Красной кузнице», у Левого берега и, помнится, пару раз в Лайском Доке, но значения тому не придавал – жив ещё пароход, и всё. И не думалось, что труды его на двинских переправах, в порту и в рукавах дельты – лишь краткий миг, что был у буксира иной, по-настоящему моряцкий век – с хождением по дальним океанам.

Спустя годы неожиданно для себя наткнулся на «Бугрино» в рассказе «Белуха» Юрия Казакова – очень почитаемого мною литератора. И те строки его о знакомом корабле легли мне с какой-то радостью. Одного из своих героев, архангельского зимовщика, промысловика, Юрий Павлович нарёк Петровичем. Настоящее имя или вымышленное, не знаю, но сам Петрович читателю представился

так: «Сначала моряком был, но меня море бьёт, так ушёл», но тут же поправился: «Вообще-то, правду сказать, я не потому с моря ушёл, а после одного рейса...»

Вот этот самый рейс и распалил во мне интерес морского историка – он и впрямь выдался уникальным, даже по нынешним временам. Петрович так свою историю начинает: «Я тогда рулевым был на буксире «Бугрино», тридцать два человека экипаж, систем шип, это англичане так называют суда, как бы одушевлённый предмет. Тащили мы док здоровенный, а буксировать надо было на Дальний Восток... Вышли мы в апреле, а док такой здоровила, что хорошо, если мы полтора узла делали...»

Каково?! Паровик, сил у него всего 800, а плавучий док в тысячи тонн «на хвосте». Ходом в полтора узла – и на Дальний Восток?! Не северным, а южным путём, окольным, через три океана! «Жесть!» – сказали бы сегодня молодые. А Петрович так: «Изо всех нас человек только пять в тропиках бывали раньше, да ещё человек десять родом с юга – тем ничего, полегче было, а нам, которые до этого в Арктике плавали, совсем худо стало...»

Да неужели уже тогда в знойных океанах хаживали отцы наши?! Сомнения взяли: не придумал ли чего Казаков? Нет, не придумал! Правда, в документе о том переходе лишь пара строк. У Казакова тоже немногословно, но живо и с подробностями, чаще житейскими. Но известно: как раз житейские порой больше поведают, чем документ. А ещё знаем, Юрий Павлович точно передавал речь собеседников, даже скрупулёзно, и для меня рассказ Казакова о том рейсе «Бугрино» лишь занимательным чтивом не стал.

Немало в рассказе южной экзотики, какую тогдашнему архангельскому моряку вперые довелось увидеть: стоянка

**бкс «Бугрино»,
последний причал...**

в Алжире – «фруктов разных, апельсинов повезли», в Порт-Саиде – «жара ещё хуже», в Адене – «суп этот черепаший, который из наших не ели, а я ел, бывало, две тарелки срубая – очень вкусный...» Но тяготы над экзотикой непременно брали верх. И южные шторма выпадали такие свирепые, что северяне и в них находили диковину: «...Вышли мы в Красное море, в Аденский залив, и тут нас застиг ураган! Я уж сказал вам, что меня в шторм укачивало, но у нас шторм со мглой, с туманом, а то и при чистом небе... А там! Черно стало, как ночью, молнии полыхают со всех сторон, гром гремит даже без перерывов, а у нас иллюминаторы заварены были, духота, тоска.

И так вот грёбём мы со своим доком, машины пустили на полную мощь...» А дальше расклад ещё страшнее: «Вот не поверите, мы сами тонуть собрались, а тут судно со своим сигналом... Мы привернули немного, они за док зашли, там всё же спокойнее. Спустили мы шлюпку, подошли к этому судну, а там... Чёрные все такие люди в белых балахонах, на палубе на коленях стоят, видно, молятся по-своему. Оказалось, судно египетское паломников везло на ихний какой-то религиозный праздник и по швам лопнуло, старая посудина-то...»

Сами выжили и людей спасли. В четыре дня документ оформили, отдохнули – «заслужили, как говорится», и снова в путь. «Страшно было идти, потому что возле Тайваня, а те посылали на нас

реактивные самолёты. Спикерует, а потом над самыми мачтами берёт повыше, да газанёт так, что глохнешь, – того и гляди стёкла из рубки выбьет. Погрозил ему кулаком, матюкнешь как надо, а что ж ещё поделаешь?»

Вот это «что ж ещё поделаешь?» запало мне особенно – в тех простецких словах Петровича вовсе не покорное смирение, а житейское долготерпение русского человека...

Умел держать пар на марке тот бывалый архангельский флот! В буднях, неприметно являлись его герои. Остались они в помине да не в почёте с началом перестройки – тогда ведь молодые и даже совсем юные моряки военного лихолетья на берег сошли, почти всем плавсоставом. А уж позднее и в землю легли. На годы, к слову, мне и в кадрах пароходства посетовали – не осталось уже в ветеранских списках тех, кто уголь в топку кидал, а по нужде умел и парус в помощь винту поставить...

Во все века тяжёлый хлеб у моряка – так, кажется, говорят. Писателей поморских хлебом не корми, дай рассказать, как пращур-крестьяне на лодьях к Груманту и Новой Земле ходили, а вот прадедов моряков века ближнего их память отчего-то не держит – оттого и в непристойном долгу перед ними.

У кораблей свой погост – судоразделка, на неё финских «аполлонов» к восьмидесятым уже отвели. И только один из них дольше всех на плаву оставался – мой «Бугрино»! Как наработался в морях, так ему в Архангельске

подыскали дело – зачислили в портовый штат плавучим отопителем. Стоял он у Мосеева острова. Котлы старого буксира и здесь не подвели...

«Исключён из Регистра 4 ноября 1997 года» – можно сказать, выписка из пенсионного удостоверения корабля. А с пенсионерами нынче в России известно как. Так и с «Бугрино»: отработанный контингент – никому не нужен. Дальше из акта: «В 2002 году затонул у причала № 167» – днищем сел на грунт: корма ушла под воду вся, верхняя палуба вровень с рекой, исковеркана надстрой-ка, разбита труба, срезаны трапы, вырваны клюзы...

Последний раз видел я «Бугрино» по осени 2011-го у дальних створов Краснофлотского моста – растерзанный корпус буксира тащили на разделку в Турдеево. Давно уж омертвел он – для человека от моря далёкого и не корабль, а объект вторчермета тонн эдак на двести – триста...

И как же остро тогда кольнуло! Долетели из детства, коснулись души: фиолет в полнеба над Двиной, густые сумерки кегостровской переправы, ярость льда и чёрной воды, приветные, но далёкие огни Архангельска...

И буксир «Бугрино» – «одушевлённый предмет» в стальных латах корпуса, молодецки играет силой и статью, щёгольски попыхивает дымом и паром. Крепок его форштевень – рубит с задором ледяную броню реки. На мостике у штурвала строгая вахта, такая же, верно, и в низах, – уверенно и надёжно везёт нас домой. Широко и свободно полощет ветер корабельный флаг морской державы...

А построили финны буксир «Бугрино» в 1954-м. Посему выходит, мы с ним ещё и ровесники.

г. СЕВЕРОВДИНСК,
Архангельская обл.

Фото из архива Олега Химаньча

Павел БЫКОВ

НА ДЕВЯТЬ ЧАСОВ СТАРШЕ

 Камчатка с облаков

 Вулканы

 От Тихого океана до всего
рукой подать

Я никогда не верю в *то*, чего не видел, не слышал и не трогал сам; я не верю абсолютно, считаю, что *того* просто не существует, *его* нет. А если *оно* вдруг возникает передо мной, то я переживаю себя из детства – волшебника, перво создателя вселенной, открывателя мира миру.

И только что я создал и открыл Камчатку. Да, я рисовал её и неизвестно ещё что на контурных картах в пятом классе, я даже смотрел фильмы про неё, но Камчатка стала Камчаткой и контурными картами лишь когда я увидел с самолёта, а после приземления подтвердили мои ноги, глаза и уши – то, что сейчас увидите вы. Камчатка – это пустынная и неизведанная планета. Мгновенно старящая москвича на девять часов своей древностью. Урал

старил на два часа, и я всегда знал, что не он и не его горы самые древние, хотя местные привирали, что самые-самые.

Я ступил на Камчатку. Из самолёта выход в город – через металлические ворота, а не через здание аэропорта, как это водится на других планетах. Я прилетел на фестиваль «Камчатская весна» в одном самолёте с четырьмя саксофонистами и, пока они получали багаж, я смотрел на вулканы и горные хребты и расспрашивал местных жителей про гейзеры и медведей. Ни того, ни другого, кстати, так я и не увидел за все семь дней. Расскажу про то, что увидел и потрогал.

Из аэропорта Елизово меня привезли в Петропавловск-Камчатский в гостиницу, а потом – сразу на репетицию в филармонию.

Главный архитектор Петропавловска-Камчатского да и всей Камчатки – природа. Улицы и дороги выстелены вдоль сопок и побережья, в обход гор и вулканов. Фасады домов, как и дороги, как после бомбёжки. Но грех не на хозяйственниках, а на климате и океане – разбивается здесь всё мгновенно.

Ветра, снежные бури здесь такие, что отменяется работа, учёба, транспорт. Сказали и показали, что в этом году для середины апреля снега очень мало – всего метра полтора – и это действительно можно назвать «Камчатской весной». А вот в прошлом году в это же время были тонели снега – вдоль дорог. Регулярны землетрясения, во всех социальных учреждениях есть подписанные места, куда нужно прятаться, если начинает трясти.

Обыкновенно плохие дороги здесь компенсированы замечательными машинами – сплошь праворульными японцами, того ещё автопрома, который стремился сделать машину надёжной на многие годы. Стоимость новых и современных малохолдных иномарок и 10–20-летних японцев здесь примерно равна.

Оперный спектакль Дж. Перголези «Служанка-госпожа», который я и заслуженная артистка России **Наталья Полянинова** привезли на фестиваль, получился ярким и неожиданно для меня самого красочным и весёлым – огромная в том заслуга режиссёра Камчатского театра драмы и комедии **Аркадия Хозяйчева**, балетмейстера **Марины Терентьевой** и талантливых артистов театра. А идейным вдохновителем концертной программы (во втором отделении ещё была оперетта) выступил заслуженный артист России, главный дирижёр Камчатского камерного оркестра имени Г.А. Аввакумова **Александр Гилёв**, невероятно энергичный и трудолюбивый человек.

Оркестр замечательный, все выступления его востребованы, оркестранты с энтузиазмом готовят программу за программой и редко повторяются. Залы переполнены, спрос на музыку есть, но при этом до оркестра в крае, похоже, никому дела нет –

оркестр даже не имеет собственного концертного зала – лишь репетиционное помещение в офисном центре. В городе пустоует несколько бывших добротных кинотеатров, которые легко трансформировать под филармонический зал (например, замечательное здание напротив драмтеатра и местного правительства). Но, увы, здание не отдадут и оно уже стоит несколько лет без всякого дела, и филармония, чтобы достойно провести фестиваль и поставить оперу, вынуждена оплачивать Драмтеатру немалую арендную плату за помещение. Вот уж где надо было задать вопрос Владимиру Путину – я бы сам его задал. Именно такая неприкаянность в своём доме и на своей земле ведёт к оскудению – в 90-х годах население в Петропавловске-Камчатском было 300 тысяч человек, а сегодня осталось 180 тысяч. Я очень обрадовался, когда наконец в водителе такси я признал исторического жителя Камчатки и прямо ему об этом сказал, что за всю неделю он первый. «Я приехал сюда на работу из Узбекистана, я узбек» – таков был ответ таксиста.

Несмотря на высокую ставку аренды для своих, надо сказать, что сотрудничество между Театром драмы и комедии и филармоническим оркестром было невероятно продуктивным. Режиссёр поставил оперу за две с половиной репетиций, а артисты театра не просто вписались в материал, но стали реальным двигателем спектакля. И условный и примитивный сюжет оперы наполнился жизнью и вдохновением.

Кстати, во время репетиции в театре произошло землетрясение, но мы не заметили, оно было маленьким, а мы прыгали и бегали по сцене.

Здесь очень много рыбы, грибов, медведей и хорошего пива. Все эти явления свя-

заны с исключительными качествами воды, которая вулканически обогащается и выходит на поверхность заряженная полезнейшими веществами.

Здесь много горячих источников, прирученных людьми. Отапливаемые вулканами вскипяченной водной теплицы круглогодично дают зелень, помидоры, огурцы. Однако сделать такую скважину очень дорого, поскольку нужны особые инструменты и трубы – ведь эта вода содержит много кислот и молниеносно разрушает металлы и всё, что угодно, – так вот, чтобы оборудовать такую скважину просят 5 млн долларов. Поэтому вулканическое фермерство развивается не очень. На дачных участках камчадалы выращивают зелень и овощи в теплицах. Из яблок принимаются лишь ранетки.

Горячие источники используют и многочисленные санатории. Я искупался в таком источнике под открытым небом. Меня не успели предупредить, что там можно сидеть не более 15 минут, особенно неподготовленному человеку. Я просидел минут 40 и был будто парализован. В гостинице я упал и мгновенно заснул. Причина – вся таблица Менделеева присутствует в этой воде. То так, но ещё есть особые испарения, которые идут из вулканов, особые виды газов, которые не уловимы на нюх. На Камчатке есть настоящая Долина смерти, где гибнут животные и люди, которые забредают туда, не зная, что в этой Долине скапливаются вулканические газы. Проходит около 5 минут – и нервная система отключается, наступает смерть – и наступает незаметно.

Казалось бы – природа, чистая вода, лечебные горячие источники. Однако климат очень капризный, с резкими сменами, с большими перепадами давления, и люди здесь

нередко страдают от сердечно-сосудистых заболеваний, в городе есть крупный Кардиологический диспансер. Жаль, что в крае, где самая вкусная в мире вода, где нерестится лосось, где трутся спиной медведи (трутся на 95 процентах территории Камчатки), – что погода испытывает и терзает человека. Но мне повезло – все дни стояла солнечная погода, солнце здесь яркое, пламенное. А вот местные говорили, что солнечных дней на деле крайне мало и нам просто повезло.

На Камчатке я разобрался, что про медведей в начальной школе Подмосковья нам учителя ввалили всё: учили притвориться мёртвым, а на деревья не залезать, когда всё наоборот – нельзя ложиться ни в коем случае – порвёт и сожрёт, а вот на дерево гарантированно медведь не влезет, не поднимет свой вес, но трюсти его может, пока не надоест ему или вам...

Медведи вряд ли выжили бы, если бы здесь не было столько рыбы, Камчатка –

единственное место на земле, где в таком количестве нерестятся лососёвые. Икру и рыбу я купил перед отъездом, пробуя и пробуя. И в итоге выбрал первую попавшуюся. Не так уж легко разобраться. Жители Камчатки едят икру летом-осенью, когда она свежайшая и не напичкана солью и консервантами.

И ещё я увидел и потрогал Тихий океан, который раньше был тоже лишь иллюзией на контурной карте. И источники, и океан, и весь проект – всё благодаря энергии и гостеприимству дирижёра **Александра Гилёва**. От основной дороги до океана нужно ехать 14 км по бездорожью, Японский Паджеро **Александра** не раз легко их проходил, и мы поехали. Из-за таяния снегов и машин-пескодобытчиц рытвины и колеи казались непроходимее непроходимого, но **Саша** виртуозно справился с недорогой и мы оказались на пляже из чёрного песка перед громадой и мощью Тихого океана. Песок чёрный – вулканического происхождения, он даже

при минусовой температуре вбирает солнце, и по нему можно ходить босыми ногами.

Океан из-за холодной зимы пообледенел – берега и мелководья – и спокойно, с огромным достоинством делал дыхательную гимнастику, в дождь разбивая льдины. Про Тихий океан мало слов – это надо видеть, но сила, которую он даёт, очень похожа на ту, что дала мне плавящаяся на Ижевском заводе сталь. Теперь в моей крови не только сталь, но и Тихий океан.

В предвозвращенческое утро за окном пролетел жёлтый бархатный лист бумаги, я выглянул – а всё небо в пакетах, газетах, тетрадках, закладках... Птицы же спрятались в бухте, но несколько экстремалок-чаек катались на ветру и самолётители.

Я так редко теперь пишу, что наверняка упустил что-то важное про Камчатку. Ну да, я не сказал главного: там очень красивые девушки. Полечу туда вновь – ведь в океан я бросил рубль.

Фото автора

Наталья Полянинова
и Александр Гилёв

Дорогая редакция! Я отправляю вам свой рассказ о своём первом путешествии на Кольский полуостров и покорении горного перевала Северный Рамсвумчорр. Спасибо.

Инна ИВАНОВА

ЖИБИНЫ

Свой рассказ я хотела бы начать о прекрасной поездке в удивительную страну – под названием Север. Никто не помнит, какой был красивый восход солнца в Хибинах в 2010 году, когда утро начинается в горах. После сильной ночной грозы, утром голубое небо сливалось с землёй. Подобно самоцветам, капли росы играли в лучах восходящего солнца. И время будто замедляло свой ход. По небу медленно плыли розовые облака, текла вода с вершины гор, при дуновении ветра трепыхались горные травы. Казалось, всё вокруг жило своей какой-то непонятной и неизвестной нам жизнью. На горных перевалах, среди разбросанных тысяч разноцветных камней, посреди цветущего луга, было отчётливо видно: плывущие вдаль, стоящие одиноко среди скалистых вершин гор, полярные берёзы, сверкающие подобно светлякам в ночи, своей пёстрой кружевной листвой. А мы шли всё дальше и дальше по узкой тропе, в неизвестные нам дали, обогнув раскинувшееся недалеко от перевала Северный Расмвчорр лазурное озеро. Его гладь была до такой степени чистой и прозрачной, что казалось, рукой можно было достать до его дна. Но мы продолжали идти навстречу приключениям. В тот день мы точно знали, что впереди нас обязательно ждут удивительные вещи и чудеса. Не зря же мы приехали сюда, обогнув земной шар, чтобы открыть загадки северной земли. Казалось, всего лишь на мгновение мы смогли прикоснуться к тайнам природы, однажды приехав

сюда, на Кольский полуостров. Познав неизвестные ощущения, переполнявшие всё наше существо, которые порой из нас никто не смог бы с точностью описать, когда мы в первый раз покорили свой горный перевал. Просто для каждого из нас этот перевал был особенный. Кому-то он помог справиться со своими страхами, кому-то – вспомнить приятные моменты, которые он когда-то давно переживал в горах, кто-то нашёл для себя проверку на человеческие отношения, кто-то просто любовался прекрасными видами. Когда человек оказывается в трудные моменты своей жизни в этих удивительных местах, иногда обстоятельства складываются так, что он находит для себя решение многих трудных ситуаций, которые по сравнению с отвесными скалистыми горами, где он постоянно рискует, чтобы добраться до поставленной им когда-то цели, его трудности в один прекрасный момент покажутся ему чем-то несерьёзным и надуманным. Так думала я, собирая на пыльной дороге интересные камешки. Потихоньку отряхивая со своей находки траву и мох, я бережно прятала свои сокровища в походный рюкзак. Чтобы потом, вернувшись в далёкий город, с радостью вспоминать прекрасно проведённое время в волшебной стране, где постоянно светит солнце, где небо сливается с землёй. А по склону бегут воображаемые стада оленей: вот они, почувствовав опасность, прижав уши к земле несутся по перевалу в голубую даль, оставляя за собой россыпь апатитов на лесной тропе...

Алина ЧАДАЕВА

Филимоновский солнцеворот

Август 1972 года. Едем в электричке Москва – Тула. Из Тулы на «перекладных» добираемся до деревни Филимоново. Нас – целая компания, и едем мы снимать дипломный фильм моего мужа Алексея Герасимова, заканчивавшего ВГИК. Сценарий я назвала «Филимоновский солнцеворот», и посвящён он был древнему промыслу глиняной игрушки. В группе был оператор-монгол Буяндэлгэр Донров, тоже выпускник Института Кинематографии, сын Андрей, наш гость из Хасавюрта мальчик Зулумхан и собака Марта.

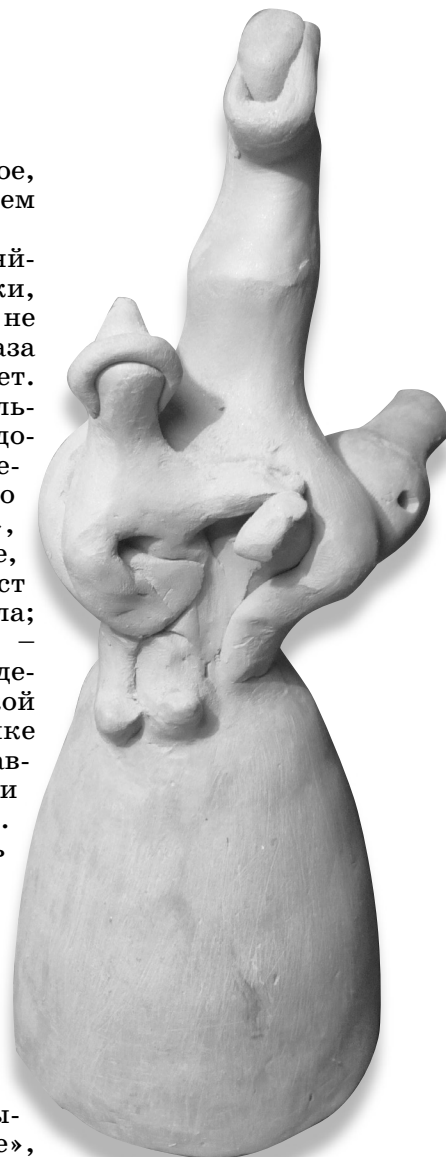
Вот и Филимоново. Дома – на удивление – все кирпичной кладки, толстостенные, с маленькими, глубоко посаженными глазницами окон.

Постучались в крайний дом. А жили там старик со старухой: Василий Дмитриевич да Пелагея Павловна Илюхины. Пригласили пожить у них на сеновале.

Полезли. Сено молодое, душистое. Места всем хватит: рай в шалаше.

Расспрашиваем хозяйку, не лепит ли игрушки, что-то, мол, в избе их не видно. «А штобы глаза не мозолили, – отвечает. – А так – сортимент большой». Дед из сундука достаёт «сортимент». Пелагея поясняет: «Вот это «бусурманин на коне», крошки мои жалкие, вот – «индюшка» хвост креслицем распустила; «наседка с цыплятами» – вишь, скольких высидела; а это – «барыня с уткой под мышкой». А в шляпке дырка – штобы перо вставлять. Раньше барыни всегда с перами ходили. Ох, крошки мои, теперь какие хошь пишут са-рафаны на «барынях»-то, а раньше – фартук клетчатый, юбка полосками, как из пестради шитая...»

Да и сама Пелагея Павловна на колоколе глиняной юбки расписывает фартук не как «ране»,

а позабористей: по самому центру – знак Солнца-Ярилы с веером лучей по окружности. И уж непременно в каждой игрушке – свисток. Для того и держат «барыни» под мышкой кто «утицу», кто «собачку» – звонкоголосые свирели. И становится игрушка магическим инструментом. Известно, например, что вятчи встречали Солнце-Ярилу пением глиняных дудок, а злые силы отгоняли пронзительным свистом своих «глиняшек».

Вот ведь как живуч архетип. И хоть называют мастерицы женские фигурки «барынями», но во всём многозначии и многоцветии орнаментов повторяют и повторяют в них образ Живоначальных Сил Природы. По сути своей, росписи на фигурках всего Глиняного Царства – Хлудневская ли это, Сапожковская, Дымковская или Филимоновская – пиктографические письма, обращённые в космос.

В Одоеве – а Филимоново рядом – обнаружили городища IX–XI веков. При раскопках нашли черепки глиняной посуды, на которую были нанесены те же знаки, что и на современных игрушках. Что же это за селение такое и откуда взялось его название.

Впервые оно упоминается во времена царя Иоанна Грозного в XVI веке как собственность князя И.В. Воротынского, подарившего деревню Анастасову монастырю. В кормовой монастырской книге записано: «А даяние князя Володимира Иоанновича к Рождеству Пречистый в Анастасов монастырь деревню Филимоново». По легенде, супруга князя Воротынского написала в одну из своих деревень гончара Филимона (как утверждали, беглого). Он-то и научил жителей

гончарному и лепному делу, используя мягкую, податливую глину «синику», за которой и далеко ходить не надо было, стоит под ногами землю копнуть. С тех пор и возник здесь прибыльный промысел: мужики освоили гончарный круг, крутили горшки да кринки на продажу, а женщины да ребятишки игрушки лепили, сушили, обжигали, раскрашивали и тоже – на ярмарки везли,

нение в культурной политике: «деревенщиков» от литературы уж не сажали: вроде как всё-таки – возрождение национального самосознания, а то ведь и неизвестно было, какой мы, русские, национальности. Ну, и промыслам перепадо: лепите, бабы, девки, продавайте своих «глиняшек», но только, чур! – через «Фонды» – Тульский областной, например. И на том спасибо.

на продажу. Прибыльный был промысел. Говорят, филимоновские невесты самые завидные были – приданое богатое.

Но вот вопрос: где искать тематические корни орнаментов на глиняных фигурках? – Филимон научил? А его – кто? Вряд ли, сыщется вразумительный ответ. Но раз уж такое «филимоновское чудо» состоялось, наше дело – хотя бы его судьбу проследить.

Известно, что в первые десятилетия советской власти мастерам народных промыслов пришлось несладко. Филимоновских, например, приравнивали к спекулянтам. За торговлю изделиями полагался тюремный срок. Позже, правда, послабление вышло: изме-

...Ходим из дома в дом, благо, почти в каждом вершится древнее таинство. И каждая воплощает его на свой лад. У Антонины Ильиничны Карповой, сейчас бы сказали: «мастер-класс». Обучает лепке внучку-пятиклассницу Аллочку.

– Сейчас, – говорит, – я скажу вам слова народные: игрушки – это искусство, их нельзя ломать. Это я сама придумала. И сказку придумала, называется «Живые игрушки».

– Жила-была бабушка, игрушки-свистульки из глины делала. Она лепила оленей, медведей, волков, козочек, петушков, барышней, солдатиков. Бабушка со всеми игрушками разговаривала.

– Тебе, мишка, достанется красивая краска.

– Вот тебе, петушок, – золотой гребешок.

А петушок в ответ говорит: «Ку-ка-ре-ку! Спасибо!»

Так и каждой игрушке она говорила, какими красками она её будет раскрашивать. Игрушки были ею много довольны.

Потом собрались старушка с игрушками, поехали на ярмонку – людей посмотреть да себя показать. Большую самую «барыню» в зелёную траву ставили – на завлеканье. Дак красиво.

Вот и сказке конец, а кто слушал – молодец!

Андрей не просто «слушал». Вижу, как в его походном альбомчике выстраивается не только миниатюрная мозаика увиденных фигурок, но и развёрнутые в линию, укрупнённые орнаменты – жёлтых, зелёных, красно-цветных... мажорных, радостных звуков. Гамма знако-звуков, видимо, внедряется таким образом в подсознание человека, и он как бы включается в древнюю мистерию постижения Природы.

И в 70-е годы, и сегодня в Туле действует Фонд народно-художественных промыслов. Приезжали оттуда прежде сотрудники, размещали по мастерицам заказы для магазина «Русский сувенир». Не велели «от себя» композиции выдумывать, а только «всё, как раньше делали». «И не надо, чтобы ваши игрушки на кого-то похожи были. У вас они сами на себя похожи».

Про «сами на себя похожи» Антонида Лукьянова говорила: «И мама, и бабушка, и сестра Евдокия – и все так-то лепили, красили полосочками, а почему – и кто его знает...» А потому, наверное, что пластика и росписи ДОЛЖНЫ БЫЛИ хранить и передавать тайные смыслы, хоть мастерицы и забыли их изначальное предназначение. Рукотворение было мистерией. На бытовом языке мастерицы об этом как о ремесле рассуждают. Евдокия Ильинична Лукьянова, например.

– Сколько с игрушками дела-то... Сколько раз их через руки пропустишь. Глинку синюю, по-нашему, – «синька», тут у часовенки берём.

Вот леплю «коника». Глина мокрая, огладишь его, на ножки поставишь. Вроде, твёрдо стоят, а начнёшь на печке сушить – скосоротятся. Опять огладить надо. Пока не пересохли, пора на место хвоста дырки проделать: свистульки дак. Обожжёшь в горне – опять гляди: одна нога другой короче – наждачком подравниваешь. Из синих – после огня игрушки белыми сделаются. Тут их жёлтым цветом, где надо, перекроешь. Потом узоры – красным, зелёным, синим...

У каждого цвета – свой смысл. Красный – солнца, зелёный – жизни, белый – гармонии, синий – небесный. Главное – как они, цвета эти, друг с другом разговаривают.

Но сначала фигурки должны пройти огненную купель: обжиг.

В этот день и стар, и млад в Филимонове принарядились, как на праздник. К большому оврагу, где

испокон века сооружался горн, потянулись мастерицы со своими изделиями в корзинах, проворные ребята, мужики в чистых рубахах и, конечно, наша группа. В глубокой яме, сбоку, – отверстие объёмной печи. Туда с великой осторожностью ставили высохшие сероватого цвета игрушки. Целую армию: «бусурманы на кониках», «барыни», длинношее «козульки», «соловейчики», «гармотушки» – погремушки (внутри камешки с песочком)... Загружали печь дровами, зажигали. И начиналось – «пещное действо». Температура в горне разгонялась до тысячи градусов. Жар пропитывал фигурки огненной «кровью». Раскалённые, они становились прозрачны и словно оживали, словно совершалось в них таинство преображения...

...Дрова прогорали, превращались в уголья, рассыпались искрами. И тогда

на виду зачарованно молчащих зрителей возникали силуэты людей, птиц, животных в их мистическом, культовом обличье.

И тут можно было бы плавно перейти от магии огня в древнем «прометеевском» обряде «оживления» глиняных фигурок к «пещному действу» в муфеле для обжига эмалей в мастерской Андрея Авдеева. Но – не удержусь и не миную ещё эпизод знаковых впечатлений в Филимонове.

и старинных, обрядовых.

– А вот сидит, поминает свою Прасковью солдат.

В песне-то поётся:

«Враги сожгли родную хату,

Сгубили всю его семью.

Куда ж теперь пойти солда-да-а-ату,

Кому принести печаль свою...»

Пришёл солдат, думал – жена встретит, хотел «за здоровье» выпить, а пришлось «за упокой». Бутылка, шкалик у него, в руках

Мастерица Елена Кузьминична Евдокимова.

Пришли мы в дом Елены Кузьминичны Евдокимовой. Сидела она в тот час за кроснами, ткала половики из узких, длинных, тряпочных полос «жаркого», как она сказала, цвета. «Жаркий» – оранжевый охлаждала -чередовала с лимонным. И всё рукотворение у неё в избе было ярким и крупным – самобытным. Скучно ей было лепить да расписывать только «прежние» образы, и пошли гулять сюжеты на вольные темы. Композиции – кукольный спектакль на темы, близкие народной художнице. И возникали они – из слов любимых песен – новых

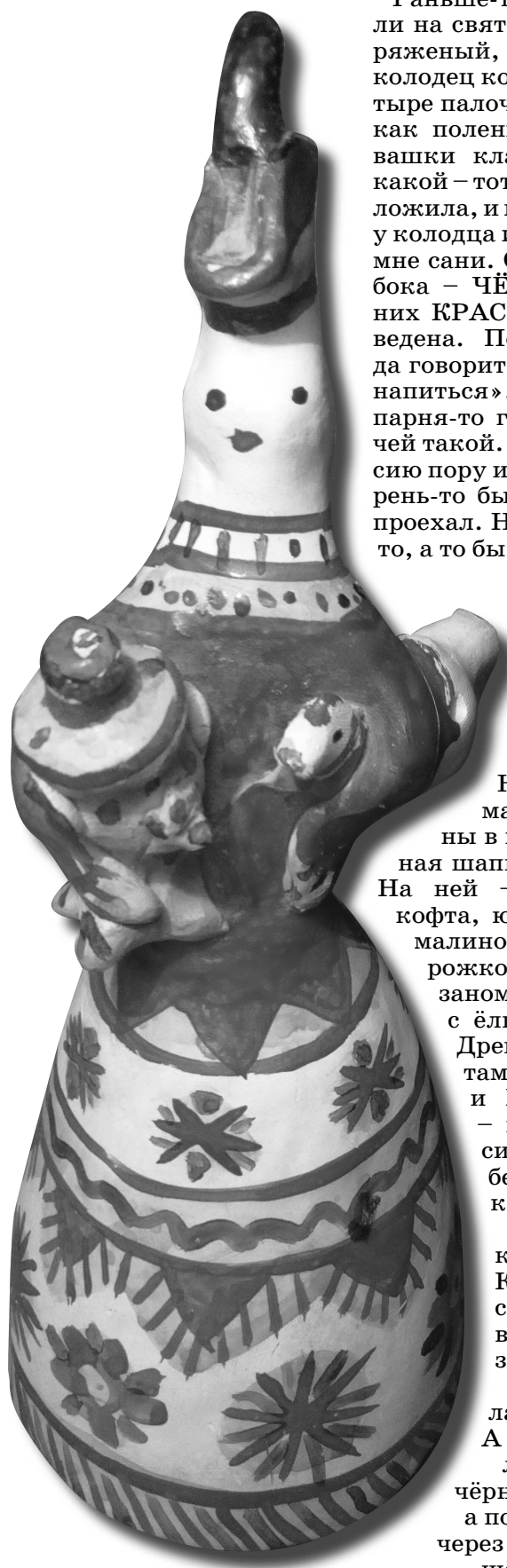
трубку зажал. Собачонка, верный друг, к ноге припавла. Это уж не свистулька, так...

Кто же из моего поколения не помнит проникновенный голос Бернеса, кто ему не подпевал... И стали слова Исаковского, музыка Блантера, отделившись от своих создателей – народными. И вот ведь как отзывались в многострадальном сердце русской женщины...

...– А тут семья сидит за столом, ужинает. Баба самовар ставит, молодость вспоминает.

Молодость – это свадьба.

– На давношний манер, – говорит Елена Кузьминична.

– Раньше-то девки всё гадали на святках: «Суженый-ряженный, приходи в мой колодец коней поить» – четыре палочки складывали, как поленницу, под головашки клали. Приснится какой – тот и муж. Вот я положила, и мне снится: стою у колодца и подъезжают ко мне сани. Сами полозья да бока – ЧЁРНЫЕ, а вдоль них КРАСНАЯ полоса наведена. Подъехал парень да говорит: «Девушка, дай напиток». Я подаю, а на парня-то гляжу – не знай чей такой. Уехал, да так по сию пору и не знаю, чей парень-то был. Видно, мимо проехал. Не было свадьбы-то, а то бы спели...

Елена Кузьминична ставит на середину стола игрушку «Любота»: жених с невестой, приобнявшись, пляшут. На нём – кафтан малиновый, штаны в полосочку, зелёная шапка «пирожком». На ней – малинова же кофта, юбка колоколом, малинова шапка «пирожком». На юбке розаном солнце горит, с ёлкой – Мировым Древом аукается; там и Мать-земля, и Небо с дождём – и все защитные силы земные и небесные переключаются...

Хороводит вокруг стола Елена Кузьминична, свадебную заводит песнь – заклинание.

«Летела ты, галка,
А постелят мне,
летела ты,
чёрна,
а постелят мне
через двор.
шёлковый ковёр –

А што тебе, галка,
я ступлю.
а што тебе, чёрна,
А посадят мне,

а посадят мне
дела до меня?
да извозчика
А у меня есть на то
молодова, молодова,
родный батюшка,
холостова,
без тибе.
неженатова –
Со двора сойти,
Тульского
со двора сойти,
губернатора –
я сойду.
Самого!»

– Вот какой жених-то за ней приедет!

– А «галка»-то, – спрашиваю, – причём?

– Нечистая, старики говорили, мол, птица эта. Коли кенькает поутру возле дома – быть беде. И поворот от ворот надо было ей дать: На свою голову, мол, каркаешь, не на мою.

Голос у Елены Кузьминичны горловой, народный, как у Лидии Руслановой.

Теперь черед «самоварничанья» пришла. Выдвигается на столе новая группа: «он» да «она», да «дитё» с курочкой. На «диване» сидят. Ножки у дивана, как у глиняных «коников»: толстые, тупые, в полосочку. В отдалении – «гармонист» сидит: ножки калачиком, рубаха при галстуже, в руках – «гармоза».

– А это как раньше бывало – сидят за столом, за самоваром. Двое пляшут, один на гармошке играет. Все поют.

На столику самовар, самовар На што ж тебе беляны, беляны?

А кто ж ему хозяин, хозяин – Штоб я, мальчик, белый был.

А кто ж ему богатой, богатой
На што ж тебе румяны, румяны?

А Иван Андреев сын – хозяин – Штоб я, мальчик, румян был.

А Иван Андреев сын – богатой. На што ж тебе другой цвет?

На нём шуба новая, новая – Штобы девушки любили,

А шляпушка чёрная, чёрная
молодушки хвалили,
У шляпушки – платочек
во зелёный сад водили...

У платочка – три узла
Первой узел – беляны
Другой узел – румяны
А третий – другой цвет

Песня-заклинание должна была «развязать» или «завязать узлы», которым во всех мировых поверьях приписывались магические чары.

Понятен ли был нам в те поры «спектакль» в доме Елены Кузьминичны Евдокимовой? – Вряд ли. Только теперь могу говорить о синкретизме мистерии. «Действующими лицами» были в ней культовые в прошлом фигурки из глины; ритмы и знаки их росписей; магические заклинания обрядовых песен. Своего рода цвето-музыка. И современные темы вписались «в ансамбль» органично.

– Ох, крошки мои жалкие, – прощалась с нашей группой Пелагея Павловна Илюхина, – вот вы уедете, а мы с дедом будем всё вспоминать, кто чего сказал да сделал, и поревём не раз. – По-бабьи заплакала добрая старушки. Конфузясь, утирала лицо передником: «нервенная стала, как собака».

И мы не забыли всех наших по-детски простодушных филимоновских друзей, с кем судьба свела, повернув перед нами ещё одну грань русской земли.

Давно уже нет этих людей на белом свете, а эхо их дивных рукотворений всё отзывается в наших душах и в творческих прозрениях эмалиера Андрея Авдеева – и через несколько десятков лет.

«Нам не дано предугадать,

Как наше слово отзовется,

И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать».

Это и о них, о древних филимоновских мистериях, сказал русский поэт Фёдор Иванович Тютчев.

Не эпилог получился, а некролог. Но есть и «ложка мёда».

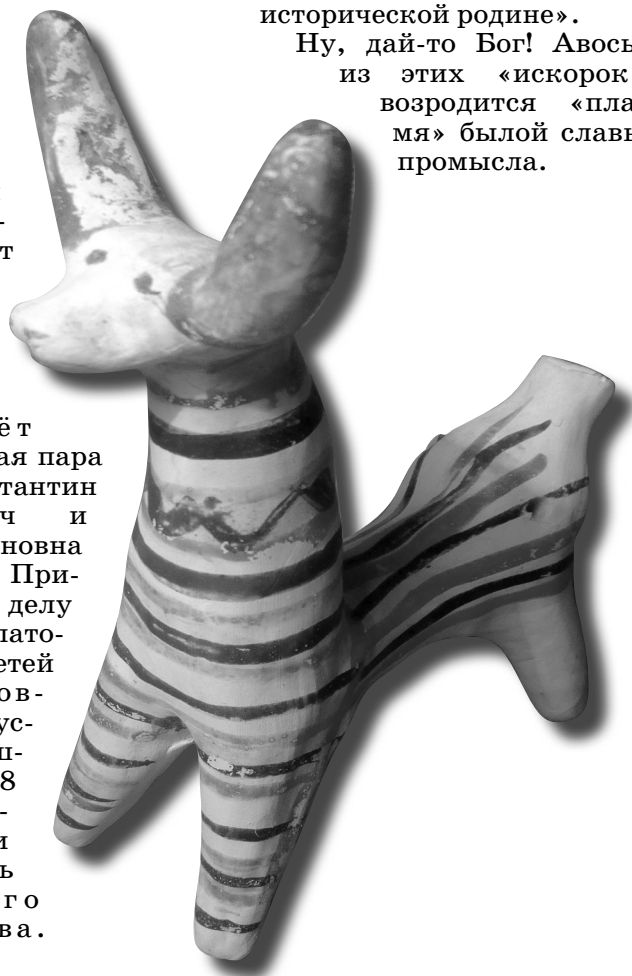
Да, ушло из жизни последнее поколение традиционных мастериц. Давно развалился в овраге горн для обжига игрушек. Но искорки погасшего костра

местами ещё «раздуваются». «Местами» – это в Одоеве, маленьком городке недалеко от Филимонова. Там, в Школе искусств, преподаёт супружеская пара – Константин Николаевич и Елена Ивановна Кехаиди. Приобщили к делу и сына Платона. Учат детей филимоновскому искусству игрушки. В 1998 году организовали Фестиваль народного творчества.

На берегу речки Упы раскинули лагерь, проводили мастер-классы... Спасибо, районная администрация выделила хоть какие-то средства.

А вот и ещё одна «искорка». В мае 2013 года при поддержке Министерства культуры Тульской области открылась – в самой деревне Филимоново – «Творческая мастерская потомственных филимоновских мастеров». Её создатели – А.И. Гончарова и Е.А. Орлова проводят обучение на территории усадьбы родового дома своей прабабушки А.Г. Дербенёвой, которая ещё в 19 веке славилась мастерством в создании «филимоновских фигурок». В рекламном блоге пишут: «Взрослые и дети смогут увидеть и познать секреты традиционного мастерства лепки и росписи филимоновских игрушек на их исторической родине».

Ну, дай-то Бог! Авось, из этих «искорок» возродится «пламя» былой славы промысла.

Вячеслав ОГРЫЗКО

Непрощённое пребывание в эсерах: ВИТАЛИЙ БИАНКИ

В советское время одной из настольных книг нашей детворы была «Лесная газета». Её написал Виталий Бианки. Род этого писателя происходил из Швейцарии. «В России, – рассказывал Виталий Бианки весной 1944 года, – поселился мой прадед – певец Томас Бианки. Бабка – Валентина Бианки – была примадонной Мариинского театра» (РГАЛИ, ф. 631, оп. 39, д. 737, л. 49).

Сам Виталий Валентинович Бианки родился 30 января (по новому стилю 11 февраля) 1894 года в Петербурге. Любовь к природе и страсть к путешествиям ему, видимо, передались от отца – Валентина Львовича Бианки (1857–1920). Известно, что В.Л. Бианки, в своё время окончивший Медицинскую академию, много лет занимался орнитологией в Этнологическом и Зоологическом музеях Академии наук. Кроме того, его связывала тесная дружба с участником многих путешествий Г.Н. Потанина – М.М. Березовским (1849–1912); они даже вместе в 1891 году написали книгу «Птицы Гансуйского путешествия Г.Н. Потанина 1884–1887 годов». А ещё старший Бианки хорошо знал Колчака, что потом

аукнулось всемоготрёмсыновьям: Льву, Анатолию и Виталию.

Окончив в 1914 году в Петрограде гимназию им. С.А. Столбцова, Виталий Бианки поступил на естественное отделение физико-математического факультета Петроградского университета. Но доучиться ему не дали. «В 1916 году был мобилизован, – сообщил он весной 1944 года в автобиографии, – и по окончании военного училища произведён в прапорщики; служил в 1-й Тяжёлой Артиллерийской бригаде, сформированной в Царском Селе» (РГАЛИ, ф. 631, оп. 39, д. 737, л. 49).

После октябрьского переворота 1917 года молодой натуралист жил в Бийске, где работал учителем в школе. В родной город он вернулся лишь спустя пять лет.

Уже в мае 1952 года Бианки в другом варианте автобиографии, которая предназначалась для отдела творческих кадров Союза писателей, писал: «Родился 30 января 1894 года в семье учёного в здании Академии наук в Ленинграде. Отец заведовал Орнитологическим отделением Зоологического Музея... Мать

Виталий Бианки

не служила. С детских лет отец брал меня с собой в лес и знакомил с родной природой. С детства любил животных, особенно птиц. Первая встреча с Германией застала меня на естественном отделении Университета, откуда я был мобилизован и зачислен в военное училище. Окончив его прапорщиком, был зачислен в Западную артиллерийскую бригаду, стоявшую в Царском Селе. После февральской революции был избран своей частью гласным царкосельской городской думы и членом Исполкома Царкосельского Совета Раб., Кр. и Солд. депутатов. В это время вступил в партию с.-р., из членов которой вышел по идейным

соображениям в 1919 году. В том же году, демобилизовавшись, уехал в г. Бийск, где при власти Колчака жил на нелегальном положении под фамилией Белянин, был мобилизован в войска нижним чином, но бежал из них и скрывался у алтайских партизан. После прихода Советской власти вернул свою настоящую фамилию (в паспорте до сих пор у меня двойная фамилия Бианки-Белянин), организовал в Бийске Алтайский краеведческий музей, собирал для него материалы в горах Алтая, а в учебное время преподавал в старших классах школы» (РГАЛИ, ф. 631, оп. 39, д. 737, л. 17 об.).

Однако в этом варианте автобиографии Бианки умолчал о том, что в Бийске он дважды попадал в местное ЧК. Первый раз его задержали по подозрению в принадлежности к контрреволюционной организации. Правда, очень скоро чекисты во всём разобрались и отпустили натуралиста на свободу. Во второй раз он оказался в числе 80 заложников и пробыл в тюрьме несколько недель.

Зимой 1922 года ему сказали, что за ним будет установлен постоянный контроль. Бианки истолковал эти слова как угрозу для жизни и, продав ружьё, поспешил вместе с семьёй брата вернуться в Петроград. Он хотел продолжить учёбу. Но перед ним, как бывшим дворянином, двери университета были прочно закрыты. Оставалось заняться литературой.

Свои первые зарисовки Бианки опубликовал в 1923 году. По сути, у него получился фенологический календарь, который потом разросся в целую книгу, получившую название «Лесная газета». Позже он попытался продолжить образование в Институте истории искусств.

Арестовали Бианки 5 декабря 1925 года. А уже весной 1926 года его выслали в

Уральск. Лишь весной 1928 года ему разрешили перебраться в Новгород. И только в 1929 году писатель, добившись амнистии, смог вновь вернуться в Ленинград.

В 1930 году Бианки совершил длительное путешествие в Северо-Уральский заповедник, располагавшийся на территории Берёзовского района Югорского края. Пока не ясно, было это путешествие добровольным или вынужденным. Известно только, что по итогам поездки писатель подготовил очерк «Журавушка» о стерхах, который имел не только литературные достоинства, но и научное значение. Впервые этот материал был опубликован в 2002 году в журнале «Мир Севера» известным биологом-охотоведом Ф.Р. Штильмарком.

В 1932 году Бианки стал жертвой очередного доноса. Его вновь арестовали и хотели в очередной раз куда-то сослать. В это время заболела скарлатиной дочь писателя. Она попала в больницу. Обо всём этом прознала Екатерина Пешкова. Благодаря её ходатайству ссылка Бианки была отменена.

В 1937 году Бианки вновь оказался под чекистским колпаком. В этот раз донос на него сочинил писатель Г.Мирошниченко. Это он сообщил сержанту госбезопасности В.И. Куберскому, что Бианки «требует особого внимания». Но потом кто-то дал команду от писателя отстать.

Одно время Бианки плотно работал с Детгизом. Так, в начале 1938 года он предложил этому издательству рукопись новой книги «Промысловая охота». 20 марта И.Филиппова в редакционном заключении отметила: «Книга написана как руководство для охотников, причём воспользоваться ею могут только дети самого старшего возраста, т.е. 14–16 лет. Но написана книга очень живо и интересно, содержит ценный познавательный

материал, и её будут читать с увлечением и с пользой не только дети-охотники, но все дети среднего и старшего возраста, хотя нужно сказать, что «охотничий» материал, т.е. описание способов охоты, занимает в книге довольно значительное место. Всё же рукопись следует одобрить в объёме, обусловленном в договоре, т.е. не больше 20 авт. листов. После соответствующей переработки автором рукопись может быть включена в план 1940 года» (РГАЛИ, ф. 630, оп. 1, д. 185, л. 177).

Чуть позже Детгиз некоторые рукописи Бианки решил показать другим писателям и биологам. В архиве сохранился отзыв Б.Житкова на одну из статей писателя «Путешествия и переселения животных». Житков отметил:

«Статья написана в общем живо, просто и хорошим языком. В ней описываются интересные явления в жизни животных. Но и для автора и для читателей было бы полезно, если бы автор, внимательно просмотрев статью, сделал в ней некоторые сокращения и переделки отдельных мест, в которых есть отступления от реальных представлений. Ибо в работах естественно-исторических, хотя бы и популярных и предназначенных для детей, такие отступления столь же мало допустимы, как и в научных работах.

В простых описаниях кочёвок и переселений животных у автора достаточно неточностей, зависящих частью от пользования не научными источниками, частью от стремления удивить читателя, сгустив краски.

Описывая массовое размножение полевых мышей в Киевской губ. в 1914 году, автор пишет: «На хуторах невозможно было жить. В амбары, в погреба никто не решался ходить: там была такая возня и такой писк, что и у храбрых людей волос дыбом вставал» (стр. 42). И далее идут описания

других ужасов, ещё более страшных, чем писк мышей.

Изображая размножение крыс в Петербурге во время европейской войны, автор даёт такую картину: «Крысы вышли из калашниковских хлебных сладов за Невской заставой такими тесными рядами, что остановили всех пешеходов на улицах и даже паровую конку. Толпы их наводнили весь город».

Автор полагает, что когда происходит лёт стрекоз, то «пешеходам трудно пробиваться сквозь эту живую тучу» (стр. 37), а когда переселяются белки, то людям в деревнях приходится «отбиваться от них, чем попало».

Энтомолог Россиков не описывал размножение мышей в Мильской степи теми чертами, как это сделано автором на стр. 44-ой.

Грызуны при кочёвках не идут сплошной массой, а всегда рассеянно. Поэтому неверно и описание переселения леммингов на стр. 1–2. Хорошее описание размножений и переселений леммингов, с указанием точных и научных наблюдений, можно найти в новом издании Брэма. Точно так же при ходе лососёвой рыбы в реки – реки не «выступают из берегов», и в стаи рыб нельзя «воткнуть весло» (стр. 23).

Рекорд побивают цифры: на стр. 64, описывая подход сельдей к Мурманскому берегу, автор сообщает, что в зиму 1934–35 г. в становище Западная Лида в пять месяцев было выловлено полтора миллиарда центнеров сельдей. Эта цифра, которую можно было бы приписать описке или переписчице, подтверждается переводом на килограммы (150.000.000.000) и исчислением, сколько килограмм пришлось на каждый кв.метр залива. Простой справкой в учебнике экономической географии автор мог бы узнать, что во всех морях и реках СССР в год добывают

13 миллионов центнеров всякой рыбы. И эта цифра совсем не маленькая – только Япония ловит несколько больше.

Полезно вовсе выбросить стр. 50–51. Ибо хотя перелёты пробовали связывать с влиянием желёз внутренней секреции, но никакие опыты такого рода не давали результатов, сколько-нибудь заслуживающих внимания.

Мало подходят для популярного изложения и для понимания малоподготовленным читателем некоторые теоретические соображения и объяснения кочевков (напр. – угря, стр. 70–71).

Из работы вообще могла бы получиться интересная и доступная книжка путём некоторой переработки и сокращений. Есть места, по-видимому, искажённые при переписке. Местами и автор допустил некоторую искусственность слога (напр. он говорит – «внезапные схватки массового переселения») (РГАЛИ, ф. 630, оп. 1, д. 185, лл. 178–179).

Видимо, после получения отзыва Житкова в Детгизе решили к Бианки прикрепить персонального редактора Лидию Кон. Но в процессе работы обнаружилось, что писатель и редактор на многие вещи смотрели по-разному, а найти компромисс оказалось не так-то просто.

3 ноября 1938 года Бианки сообщил своему редактору:

«Дорогая Лидия Феликсовна. Вот почти два месяца пропали у меня без работы, а сердце и нервы расстроились до того, что стал я почти развалиной. Но вот я уже три дня в деревне, брожу по лесу с ружьём. Это для меня всегда – лучшее лечение. Понемногу приходят в порядок мысли, успокаиваются нервы. Уже сел за работу. Работа пошла. Но ужас меня берёт: как мне справиться к сроку со всеми литературными «долгами»?! Вам я «должен» книжку, в Лендетиздат – две. Ни за что

на свете не хотел бы подвесить Вас, но и в Лендетиздат не могу не сдать рукописей к сроку (1-ое января): он дал мне гарантийное поручительство в Литфонд (...отказавшись выдать мне «внеплановый аванс»...), что только и спасло меня в полном моём денежном кризисе. И вот что неожиданно пришло мне в голову, вот какое предложение Вам: книжку-календарь для дошкольников. Так в договоре и значится: «Календарь». Но то, что я пишу сейчас для Вас – приключения девочки в течение целого года в лесу – вряд ли может быть названо «календарём». А в то же время у меня есть почти совсем готовая вещь, вполне подходящая под такое название. Это – давнишняя моя идея: дать двенадцать месяцев через одно окно. Сейчас я осуществил её для ж. «Чиж» на 39-тый год. Дошкольный отдел сразу же просил у меня эту вещь для книжки в план 40-го года, но я ответил уклончиво, имея в виду сначала предложить её Вам. 12 «разворотов» в книжке, на каждом «развороте» справа – цветная картинка, слева – текст. Складываю сюда текст и описание рисунка (первого месяца) и для первых трёх месяцев. По ним легко представите себе всю книжку. Однообразие не бойтесь: рама окна будет, кон., повторяться все 12 раз, но всё же даже самое окно, – не только вид из него – будет значительно изменяться. В январе и феврале часть окна замёрзла, в марте она оттаяла и показалась голая ветка конского каштана, летом окно будет раскрыто (в мае выставят вторые рамы), осенью его опять закроют, на ветке каштана поспеют колючие «орешки» – и, сбивая их, мальчишки разобьют окно – и т.д. Книжка эта – своеобразная «Лесная Газета» для маленьких. Так вот, если она Вам нравится, возьмите её по договору

«Календарь». Тогда у меня будет возможность в январе-феврале по-спокойному, не торопясь и не нервничая, пересмотреть и окончить «Машу в лесу» – то, что я сейчас для Вас писал. На «Машу» можно заключить новый договор, на 39-тый, 40-ой ли год – мне всё равно, как уж там Вам удобнее. «Моё окно» в общем закончено у меня. Получив Ваше согласие, я могу ещё раз просмотреть, переписать и, значит, в самый короткий срок переслать Вам. Если ж этот «оконный календарь» почему-либо не подходит Вам, – что ж делать, потороплюсь с «Машей» и к декабрю пришлю её Вам хоть не в окончательном виде. Дорабатывать её придётся мне уже в январе, по сдаче «долгов» Ленинграду.

Мне очень жаль, что первая наша встреча была при таких обстоятельствах, что невозможно было поговорить, познакомиться ближе. Теперь придётся все устные разговоры отложить до <нрзб>. У нас ходят слухи, что ЦК ВЛКСМ хочет собрать конференцию работников детской лит. в декабре этого года. Верно ли это? Оставшиеся 40% по «Оранж. Горлышку» и «Зелёному Пруду» я получил; очень Вам благодарен. Теперь жду от Вас ответа на это письмо и на предыдущие. Меня по-прежнему беспокоят дальнейшие перспективы с работой. Если и дальше Изд-во будет сжиматься так, как сжималось в этом году, и не будет переизданий, придётся искать заработки в стороне. Примите искренний привет. Вит. Бианки» (РГАЛИ, ф. 630, оп. 1, д. 925, лл. 57–58).

В другом письме – от 18 ноября 1938 года Бианки писал:

«Уважаемая Лидия Феликсовна. 4-го ноября я послал Вам заказное письмо с предложением дать по договору «Календарь» книжку «Календарь-окно». Месяца полтора назад Вы получили моё

большое письмо с рядом существенных для меня вопросов. Ответа от Вас я до сих пор не получаю. Теряюсь в догадках – почему? На вопросы моего большого письма Редакции, может быть, просто нечего ответить. Но вопрос о «Календаре» короткий и спешный. В ожидании Вашего ответа я над «Машей в лесу» не работал. Теперь, конечно, поспеть с этой рукописью к декабрю никак не могу. Не могу и к январю, так как во что бы то ни стало должен сдать новый текст «Лесной Газеты» в Лен. Отд. к Новому Году, а работы ещё масса.

Положение создалось такое: если почему-либо мой «Календарь-окно» не подходит Вам, договор на «Календарь» придётся расторгнуть, и я верну аванс. Или, если это возможно, мне необходимо получить отсрочку до весны 39-го года: «Машу в лесу» мне не кончить раньше. Мне кажется, что новым своим предложением – дать «Календарь-окно» – я открыл выход из создавшегося положения и для Вас: я не «подвожу» Редакцию, предлагая вместо одной книжки две; и содержание «Окна-календаря» вполне соответствует тому, что от меня требовалось по договору «Календарь». Чем объясняется Ваше молчание, – не могу понять. Пожалуйста, напишите мне. Привет. Вит. Бианки» (РГАЛИ, ф. 630, оп. 1, д. 925, лл. 63, 63 об.).

Лидия Кон 20 ноября 1938 года ответила:

«Уважаемый Виталий Валентинович! Ваше предложение выйти из создавшегося тупика через «Окно» нам очень понравилось. Нам такой календарь, наряду с «Машей в лесу», весьма пригодится. Надо только продумать детали. Мне кажется, что оформление, предложенное Вами, слишком свяжет Вас. Ведь Вы в каждой главе рассказываете, что можно увидеть в окно в течение

целого месяца, а согласно В/проекту всё это придётся уместить на одной картинке в раме «окна», как будто всё это видно зараз. Например, в февральском окне художнику пришлось бы изобразить и дворников, счищающих снег, и путника, на которого напали волки, что плохо вяжется и плохо уместается. Ещё сложнее мартовское окно, в котором пришлось бы изобразить то, что делается и в начале и в конце марта. В Вашем описании январского окна таких противоречий нет, но, если уместить на одном рисунке всё, что Вы предлагаете, то отдалённые предметы, как сова и куропатки, получатся так мелко, что трудно будет разобрать детали (особенно, учитывая качество полиграфического выполнения). Поэтому, мне думается, было бы целесообразнее окно пуścić красочной заставкой, к каждой главе, каждый раз соответственно меняя её, а изображение деталей дать в тексте. Конечно, в таком случае нельзя будет ограничиться 12-ю разворотами, но в этом собственно нет никакой необходимости. Кстати сказать, предложенный Вами текст каждого месяца занимает, по моим подсчётам, ровнёхонько полную страницу самого большого формата, не оставляя места ни для спуска, ни для заголовка, а сокращать его невозможно. Я думаю, Вы не будете возражать против расширения объёма книжки.

В отношении содержания книжки у меня есть вот какие предложения:

1. Перевезти дом в деревню. Большое окно городского типа можно оставить, теперь такие дома есть и там, а увидеть в деревне можно больше. И Ваш заяц, и волки, и куропатки, и сова гораздо лучше будут чувствовать себя в деревне. Жизнь и труд людей, который Вы очень удачно ввели в свой календарь

(дворники, колхозники с обоями), гораздо теснее связаны с природой в деревне, чем в городе. Здесь в окно можно увидеть и вспашку поля, и косьбу, и охотников, и дровосеков, и т.д. Всё это непременно надо дать.

2. В одном месте Вы выходите из комнаты (в феврале, когда Вы находите чётку). Мне кажется, такие выходы надо практиковать чаще, особенно в тёплые месяцы. Это оживит книгу и сгладит некоторую условность формы.

Вот и всё, кажется.

Надеюсь получить от Вас этот календарь ещё в ноябре, а «Машу в лесу» в январе-феврале. Для заключения нового договора сообщите, примерно, размер «Маши в лесу». Постараюсь оформить это в ближайшее время. Думаю, что всё устроится к обоюдному удовольствию. Простите, что не сразу ответила на Ваше письмо. Хотелось хорошенько продумать Ваше предложение и поподробнее написать, а тут буквально дохнуть некогда. Планы наши всё ещё, как Вы знаете, обсуждаются и утрясаются. Вопрос с бумагой стоит довольно остро. Не знаю, как будет у нас с переизданиями Ваших произведений в 39 году. Мне говорили, что в основном Вас переиздаёт Ленинград. Проверю это и, если не в план 39 года, так уж в план 40-го постараюсь кое-что вставить. Конференция по детской литературе, действительно, ожидается, но состоится ли она в декабре, или ещё отложится, пока не известно. Во всяком случае зимой мы с Вами, вероятно, встретимся, и наконец познакомимся. Всего хорошего. Привет.

РЕДАКТОР Л. КОН» (РГАЛИ, ф. 630, оп. 1, д. 925, лл. 61, 61 об., 62).

25 ноября 1938 года Бианки написал Кон:

«Уважаемая Лидия Феликсовна. Получил Ваше письмо. Гора у меня с плеч! Так всегда мучительны эти просроченные сроки, «литературные

долги» (как и всякие, впрочем). Жена спешно переписывает текст «Окна», пока я строчу Вам это письмо. Описания рисунков пока не посылаю: необходимо сначала решить вопрос о форме книжки и её величине. «Окно» моё, кон., условное. Иным оно и быть не может, поскольку в нём надо собрать всё, что происходит за целый месяц. Конечно, автора и художника оч. связывает такая форма: строгая «рама» создаёт для обоих большие трудности. Но не в преодолении ли этих трудностей, не в смелом ли условном решении показа типичного, хотя и разновременного (всё же в определённый нерушимый срок!), состоит задача всякого художественного произведения? Оно верно изрёк Козьма Прутков: «Никто необъятного объять не может. Плюнь тому в рожу, кто скажет, что можно объять необъятное», а всё же... Чтобы сохранить «единство места», приходится несколько ущемить «единство времени». А ведь «идея» Календаря-окна-книжки именно в том, чтобы показать через единое окно (или из единого дома...) ежемесячные изменения в природе и жизни людей. Если давать «окно» только заставкой, а то, что в нём видно, – иллюстрациями в тексте, без «рамы», – как Вы предлагаете, то «окно» становится уже здесь почти не при чём. Название вещи не оправдано, задача художников (автора и иллюстратора) не решена. Кстати: условность изображения в «окне» ряда явлений далеко не так велика, как Вам кажется. Возьмём февраль, на который Вы ссылаетесь. Февраль – «месяц лютого голода» – характерен именно тем, что в нём вьюги и большие снегопады, наваливающие столько снега, что под его тяжестью грозят провалиться крыши, и в то же время тем, что дикие твари жмутся в эти дни

к человеческому жилью. Вполне реальная картина в феврале: дворники, сбрасывающие снег с крыши, серые куропатки и полярная сова под самым окном – и волки, делающие смелый налёт даже на окраины районного городишка.

Тут я подошёл ко второму Вашему предложению: «перевести дом в деревню». Местоположение дома я всячески, со всех сторон обдумывал до того, как начал писать текст. Всё, что могу сделать, это – начать книжку такой фразой: «Я живу на самом краю районного городка недалеко от Ленинграда», – т.е. подчеркнуть, что «окно» не в Ленинграде и не в огромной столице – Москве. (М. пр., вещь должна быть локализована: фено- и метео-календарь у меня ленинградский. В Москве, напр., всё рассказанное происходит несколько раньше.)

Вот мои основания:

1) Адрес читателя. – Я убеждён, что «Календарь-окно» будет читаться главным образом городским читателем, будет использована городскими родителями и учителями для городских ребят. Я имею в виду городского ребёнка подтолкнуть к наблюдению метео- и фено-явлений, к-рых он, в большинстве случаев, совсем и не замечает, отвлечённый другим. Пусть сосулька с крыши, звон железных ломов об камень и т.п. явления поют ребёнку о близкой весне. Пусть знает, что сугроб кучевых облаков на небе – уже весть о весне. Деревенские ребята в отношении природы куда приметливей городских, они слышат больше птиц, чаще глядят на небо и, так как их собственный труд, их быт и вся жизнь деревни в основном связана с природой, – умеют связывать явления природы, перемены в ней с явлениями жизни человека куда лучше, чем городские ребята.

С другой стороны, деревенским ребятам интересно и полезно узнать, что в каждом

месяце творится в городе, увидеть свои овощи, ягоды, фрукты, радующие горожан.

2) Паровым и «голландским» отоплением, электричеством и газом, зонтиками и галошами, толстыми стенами каменных домов горожане настолько отделены от живой природы, что оч. и оч. полезно им почаще напоминать, что хлеб не в пекарнях делают, что «противный» дождь, заставляющий надевать ненавистные галоши, – долгожданный друг тех, кто посеял хлеба; что электричество – сестра молнии; что метель, неосязаемая в тёплой городской комнате, несёт смерть сотням наших «младших братьев» – зверям, птицам – и т.д. И ещё: мне хочется показать, что в любом окне даже городского дома (пусть оно выходит в глухой городской двор) можно видеть признаки наступления весны, лета, осени, зимы и через них посредством этих своих наблюдений чувствовать и личную свою связь с природой.

Третье Ваше предложение: почаще практиковать выходы из комнаты. С апреля «Я» у меня постоянно бывает в лесу, на речке, в полях, в саду. Однако для сохранения внутреннего единства вещи, никак нельзя его показывать вне дома и не у окна. Основной принцип «Окна»: рассказано должно быть только то, что может быть (и непременно будет) показано; показано должно быть только то, что можно видеть через окно, на окне или на подоконнике. В мае «Я» был на охоте, в июле в лесу и т.д. И вот на окне в мае – связки убитых им уток и пр., в июле – собранные в лесу ягоды. И так каждый месяц на подоконнике разные *nature morte*'ы. Основной же принцип вещи (см. выше) не может быть нарушен ни автором, ни художником. Я думаю вот что: дом должен остаться на краю города; всё, о чём говорится в тексте,

изображается художником в раме окна (иллюстрации в тексте допустимы, м.б., только при соблюдении этого условия, т.е. так, чтобы они были повторением того, что изображено уже в окне, – «вынос деталей», отдельные фигуры в более крупном масштабе. Но необходимо ли это?). Если Вам желательно, я могу упомянуть в тексте, что кой-какие далёкие сцены видел при помощи бинокля.

Если возможно увеличение объёма книжки, то, мне кажется, все смущающие Вас спорные вопросы могут быть разрешены следующим образом: дом стоит на краю городка: в комнате «Я» два окна: одно выходит на типичную городскую улицу и показывает все городские события, другое выходит в поля, луга, на речку – и показывает события сельские. Если это моё предложение будет Вами принято, я, кон., должен буду разделить текст для каждого месяца на две части и (местами) увеличить его. Дошкольн. книжки всегда чрезвычайно важно представить себе с самого начала в целом: текст, рисунки, распределение того и другого на страницах, «разворотах», во всей книжке. Если будет два окна, то на каждый месяц придётся по два «разворота»: городское окно (слева текст, справа – страничный рисунок) и сельское окно (то же). Всего, значит, в книжке $12 \times 4 = 48$ стр. + 6 стр. – обложка и «вступительное слово»; итого – 54 стр. В таком виде, кон., будет книжка гораздо богаче. Но ведь Детиздат так жмётся сейчас с бумагой.

С нетерпением буду ждать от Вас ответа на это письмо. Обсудите его в Редакции, с производственниками и с С.А. Андреевым [директором Детгиза. – В.О.]. Да, вот ещё: могу ли я предложить для этой книжки кого-нибудь из ленинградских художников? Или: кто бы мог её иллюстрировать из москвичей?

«Маша в лесу» будет листа на два (авторских) текста. Срок дайте мне хотя бы до конца первого квартала 39-го года.

Ленинград переиздаст в 39-ом и 40-м году только одну мою «Лесную Газету» (гононар за к-рую уже проеден...)

В Москве у меня три сборника: 1) для дошкольн. – «Сказки зверолова» (рис. Рылова), 2) для младш. возраста – «Где раки зимуют» (рис. Рачёва), сказки и рассказы, и 3) для старш. возраста – «Рассказы об охоте» (рис. Никольского).

На переиздание их в 39-ом году, знаю, – надежды почти нет. Но в 40-ом году необходимо их переиздать и, значит, заключить договора уже в начале 39-го года: ведь я к каждому новому изданию пересматриваю весь текст и включаю в свои сборники новые вещи. Для этого нужно много времени. В дошк. отд. в Москве у меня ещё две отдельно изданных сказки: «Теремок» (рис. Рылова) и «Хвосты» (рис. Васнецова).

«Мурзук» мой, как и «Одинец» не переиздавались уже много лет. Нынешние школьники об этих книгах и не слышали (в библиотеках давно истрепались их экземпляры).

«Мурзука» я бы теперь напечатал с теми изменениями, к-рые сделал в тексте для английского издания («Мурзук» вышел в Лондоне у Аллена летом 37-го года): транспортировал время действия в дореволюционную Россию. Согласен был бы и «Мурзука» и «Одинца» включить в сборник «Рассказы об охоте».

В конце января (раньше не справившись с самой срочной работой) рассчитываю во всяком случае быть в Москве. Тогда познакомимся и переговорим о всех делах основательно. Когда определится время конференции, напишите мне, пожалуйста.

Примите мой искренний привет и самые добрые пожелания. Вит. Бианки

P.S. 28.XI.39 г. Отсылку письма задержала переписка текста.

Февраль я переделал. Большая просьба: получите из машинки перепечатанный мой текст, пришлите мне один экземпляр. Жду Вашего письма. В.Б.» (РГАЛИ, ф. 630, оп. 1, д. 925, лл. 64–68).

10 декабря 1938 года Кон сообщила:

«Уважаемый Виталий Валентинович! Ваше письмо очень огорчило меня. Вы настаиваете на принципе «Всё, о чём говорится в тексте, изображается художником в раме окна». Но присланный вами текст прямо противоречит этому принципу. Что должен делать художник, например, с апрельским окном? Как может он изобразить в одном и том же рисунке проталинки на полях, зелены и пашущих, и сеющих колхозников? Как можно одновременно видеть из окна речку, ломающую лёд, и брёвна, плывущие по реке? Как можно совместить в одном рисунке (октябрь) такие вещи: «Тускло светит солнце», «льют дожди» и «солнце светит ласково»? Как можно сразу изображать то, что происходит днём и то, что случается ночью? (Эпизод с волками – февраль). Совершенно очевидно, что всё это невозможно. Следовательно, придётся либо изобразить не всё, либо вынести часть иллюстраций за пределы окна: дать дополнительные рисунки. По-моему, второе лучше.

Что касается задачи вместить такое количество предметов в один рисунок – пейзаж, открывающийся из окна – то Вы напрасно недооцениваете её трудность. Наш художественный редактор говорит, что это вообще неосуществимо. Мелкие предметы, находящиеся на большом расстоянии (куропатки в поле, лягушки на дорожке), при соблюдении перспективы, неминуемо превратятся

в точки. Бинобль, предлагаемый Вами, также не выход из положения, ведь художник не может изобразить сразу и то, что видно простым глазом, и то, что видно в бинобль. Я думаю, Вы согласитесь со мной, что надо или несколько отступить от предложенного вами принципа оформления, или переделывать текст применительно к этому принципу. Мне текста жалко. Он, конечно, нуждается в некоторых поправках, но не таких значительных. Об этом напишу позднее, когда мы столкнёмся в основном.

Я совершенно согласна с Вами, что в такой книжке оформление надо заранее продумать до мелочей и потому очень прошу Вас ещё раз внимательно пересмотреть свой текст с этой точки зрения. Я остаюсь при своём прежнем мнении и надеюсь, что мои аргументы покажутся Вам убедительными. Привет. Жду Вашего письма. РЕДАКТОР Л.КОН. Перепечатанный текст пришлю через несколько дней» (РГАЛИ, ф. 630, оп. 1, д. 925, лл. 71, 71 об.).

На этом споры редактора и писателя незаконочались. Я приведу ещё несколько писем. В одном из них Бианки писал:

«Уважаемая Лидия Феликсовна. Огорчения наши взаимны. Но – при желании – всегда, мне кажется, можно столкнуться. Хорошо, я не буду возражать против рисунков в тексте, хотя серьёзного противоречия в первом своём предложении не вижу и невозможности изображения всего, о чём говорится в тексте, на одном рисунке не нахожу. Не надо только доводить худож. замысла до логического абсурда. Само собой разумеется, что если в тексте говорится: «Я был в лесу и принёс оттуда то-то и то-то», то это не значит, что на рисунке надо показать одновременно, как «Я» идёт в лес, как он несёт, скажем, цветы и эти же цветы в вазе на подоконнике.

Вот чего я боюсь в этом споре: что книжка будет подана не реалистически, а натуралистически, т.е. антихудожественно. К этому обычно приводят энергичные настаивания на соблюдении всех масштабов и проч. Эпизод с волками спокойно можно пересмотреть из вечера (а не ночи) в день. И даже такой, казалось бы, абсурд, как сочетание трёх разнородных моментов: «тускло светит солнце», «льют дожди» и «солнце светит ласково», – вполне возможно совместить в одном пейзаже: разве Вы не видели осенями, как из тяжёлой тёмной тучи ещё льёт дождь, но туча уже сползла с тусклого вечернего осеннего солнца – и кажется, что солнце – хоть грустно – улыбается? Всё это – условности, и я в любую минуту берусь Вам доказать, что как бы Вы ни строили «календарь-окно» в рисунке, рисунок всё равно будет условным: ибо нет в природе окна-ежемесячника и даже окна-ежедневного-календаря. Кончим этот спор.

Итак, я согласен на рис. в тексте – выделение деталей. Передайте, пожалуйста, это тов. Чегодаеву. Но Чегодаев пишет мне: «Если всё это (т.е. рис. на полях, текст и рис. окна) будет находиться на одном развороте, то цельность впечатления от каждого месяца будет сохранена». Да; но какой же ширины должны тогда быть поля, и как на одной странице (другая занята «окном») уместить весь текст? Вряд ли это возможно даже при самом большом формате книжки: шрифт-то нельзя мелкий пустить.

Вы просите меня продумать оформление книжки до мелочей и пересмотреть с этой точки зрения текст. Охотно сделаю это, когда буду знать: 1) формат книжки, 2) количество страниц в ней (16? 32?) и 3) какое место в каждом месяце займут мелкие рисунки и текст

выбранного шрифта. Лучше всего, если художник пришлёт мне макет книжки, как он её представляет себе.

Кстати, о художнике. В «Чиже» «Моё окно» иллюстрирует В.И. Курдов. Если возражаете против него, то укажите своих кандидатов.

Спасибо за перепечатанный текст. Жду Вашего письма. Привет! Вит. Бианки.

Р.С. До меня донеслось, что будто мои «Хвосты» с рис. Васнецова выйдут в какой-то серии. Так ли это? И почему автор ничего об этом не знает? В.Б.» (РГАЛИ, ф. 630, оп. 1, д. 925, лл. 73, 73 об., 74, 74 об.).

В другом письме Бианки написал:

«Уважаемая Лидия Феликсовна. Каждое Ваше письмо несёт в себе неожиданность и чем дальше, тем более неприятную для меня. Я предложил Вам книжку-календарь из 12-страничных рисунков, все – в рамке «окна». Именно для такой книжки рассчитан текст. Вы приняли её. Постепенно Вы добивались изменения первоначальной идеи и то, что предлагаете в последнем письме, уже ничего общего не имеет с тем, что было мною предложено, а Вами принято вначале. Вы пишете: «Худож. редакция предлагает делать только 4 окна, а остальное всё изобразить на отдельных рисунках». Для такой книжки мой текст «Календаря-окна» не годится: не связанный строгой рамой одного и того же окна, я мог бы дать гораздо более разнообразное, богатое описание фенологических явлений года. Перенесённый в книжку, свободно иллюстрированную рисунками в тексте, мой текст «календаря-окна» безусловно будет казаться бедным, скучным, малозначительным, выбор фенологических явлений – случайным, просто жалким. Лучше перепечатать «Лесную Газету», чем давать такую новую, неполноценную книжку.

Нет, Вы не написали мне, как разрешилось дело в отно-

шении договоров на «Машу» и «Окно». Вначале, правда, Вы известили меня, что принимаете «календарь-окно» по договору «Календарь», а на «Машу» заключите новый. Вот я и не торопил Вас с заключением нового договора на «Машу».

Итак, на «календарь-окно» Изд-во никаких формальных обязательств перед автором до сих пор (т.е. в течение 3-х месяцев по сдаче текста и словесном его принятии) не имеет. Факт этот наводит на мысль о том, что все разрастающиеся «затруднения» со стороны худож. редакции – просто замаскированная подготовка к отказу от моей книжки. Я полагал, что договор со мной на «календарь» будет переделан: вместо «полистного» гонорара будет «аккордный», – вот и всё. То, что при этом страдает «выгода автора», как Вы пишете, меня не может испугать: полагаю, «выгода» автора прежде всего заключается в том, чтобы издать книжку хорошо и так, чтобы она представляла собой именно то, что им задумано.

Чрезвычайно меня поразила и «новость» о Рылове. Вы пишете: «Теперь мы начали переговоры с Рыловым, но боимся, что и он откажется»... Мысль о привлечении А.А. Рылова, до того не имевшего никакого отношения к детск. литературе, к иллюстрированию моих книг принадлежит мне. До сих пор я лично (по согласию с Изд-вом) приглашал этого большого мастера, зная наперёд, какая из моих вещей будет для него приятна и какую из моих вещей он иллюстрирует так, что мне будет приятно. Приглашение Рылова через мою голову поразило меня оч. неприятно. Если он и согласится делать «окно», я вынужден буду поехать к нему и уговорить его взять что-либо подходящее для него из моих новых вещей. Тем более странно это

Ваше действие, что Вы знаете из моих писем, что худ. В.И. Курдов уже делает рисунки «окна» для ж. «Чиже». М.б., посмотрев их, Вы убедились бы, что все «невозможности», о к-рых говорят художники, не знающие, как приступить к делу, просто и хорошо разрешаются в рис. Курдова (частью уже готовых).

Ещё – о «Маше». Прodelав большую работу над «Лесной Газетой» и сделав дошкольный «календарь-окно», я решительно (и, вер., надолго) не в состоянии писать вещь, где бы опять всё было основано на годовом цикле фено-явлений. «Машу в лесу» (к-рая продолжает оч. занимать меня) я на это время передумал заново, и то, что теперь из неё будет, никак не может быть подогнано под понятие «календаря». Так что договор на «Календарь» всё равно пришлось бы перезаключить совсем новому. Кроме того, к февралю-марту я сделать её ни под каким видом не могу.

Итак, обе мои книжки свободно повисли в воздухе: соответствующих договоров нет, «Маша» не поспеет раньше, чем к маю (я в городе не могу писать, а сейчас у меня тут много дел, в деревню не выбраться до начала весны), а вместо моего «календаря-окна» идут разговоры о совсем другой какой-то книжке.

В Москву никак не попаду раньше начала, м.б. даже середины февраля. Привет. Вит. Бианки» (РГАЛИ, ф. 630, оп. 1, д. 925, лл. 85–88 об.).

Лидии Кон читать всё это было неприятно, но она продолжала искать компромисс. Своему не очень сговорчивому автору она сообщила:

«Уважаемый Виталий Валентинович! Совершенно не понимаю, какие Вы имеете основания предполагать, что затруднения с оформлением Вашей рукописи «Календарь-окно» это «замаскированная подготовка отказа». Если бы мы хотели отказаться

от этой вещи, то, я думаю, обошлись бы и без маскировки. Ваше предположение тем более непонятно, что Вы вероятно помните, что разногласия по вопросу об оформлении этой вещи возникли у нас сразу, как только рукопись была получена мной. Вы, вероятно, помните, что я тогда же сообщила Вам, что вещь мне нравится, но что задуманное Вами оформление свяжет Вас и предлагала отойти от этого принципа оформления. При этом и Вы и я сходились в мнении, что прежде чем что бы то ни было решать относительно этой книги, необходимо твёрдо и детально договориться об оформлении. Поэтому я и не могла заключить с Вами договор на неё до разрешения этого вопроса. Договориться оказалось трудно, т.к. Вы настаиваете на своём принципе, а для нас он неприемлем.

28/1 на совещании литературной и художественной редакций мы обсудили ещё раз вопрос об оформлении Вашего «Календаря» и опять пришли к тому же выводу. Давать в книге 12 окон невозможно. Если Вы никак не можете согласиться на иное оформление, то действительно перед нами встанет вопрос о невозможности использовать эту рукопись и о передаче её в Ленинградское отделение, где на предлагаемое Вам оформление, если я правильно Вас поняла, согласны.

Ещё о художниках. Иллюстраций В.И. Курдова мы не имели возможности посмотреть, но даже если они хороши – каждая в отдельности, то 12 окон в книге это страшно однообразно. Предложение поговорить об этой книге с Рыловым выдвинула худож. редакция и, мне кажется, она имеет право вести переговоры с любым художником о любой книге. Кстати сказать, дальше предварительных переговоров дело не пошло.

Перейдём к «Маше в лесу». Я просто не понимаю, почему

Вы отложили эту работу. Посылая нам «Календарь-окно», Вы просили отсрочить сдачу «Маши в лесу» до конца марта. На это мы согласилась и ждём Вашей рукописи к этому сроку. Если Вы не можете успеть, можно ещё отложить на месяц, но не больше, т.к. ведь надо оставить время на иллюстрацию. Почему Вы считаете, что эта книга висит в воздухе? Мы её очень ждём и как только получим, немедленно сдадим на иллюстрацию и затем в производство. Здесь дело только за Вами. Я думала, что всё это очень ясно. Но оказалось, что мы всё понимали по-разному.

Во избежание новых недо-разумений подытожу выводы: «Календарь-окно»

Заключение договора отложено до выяснения вопроса об оформлении, а этот вопрос упёрся в принципиальные разногласия. Ждём Вашего окончательного решения.

«Приключения
Маши в лесу»

Договор («Календарь природы») остаётся в силе и мы ждём рукописи.

Вот и всё. Привет. Л.КОН» (РГАЛИ, ф. 630, оп. 1, д. 925, лл. 89, 89 об.).

И ещё одно письмо, которое Кон послала Бианки. В нём говорилось:

«Уважаемый Виталий Валентинович! Прежде всего о макете. С ним получилась беда: Елисеевнина и Боровская отказались от оформления «Окна», когда узнали о типе оформления и не только потому, что не считают возможным для себя изобразить такое окно, но и потому, что они находят, что такое оформление очень однообразно. Теперь мы начали переговоры с Рыловым, но боимся, что и он откажется, когда узнает, что ему придётся изображать 12 окон, причём «смежные» окна очень мало отличаются одно от другого. В связи с этим наша худож. редакция предлагает делать

только 4 окна по временам года, а остальное всё изобразить на отдельных рисунках. Я знаю, что будете негодовать, но мне их доводы кажутся довольно убедительными. Срочно сообщите Ваше мнение. И будем договариваться с Рыловым. Вот пока всё об «Окне».

Но мне кажется, что за всеми этими разговорами мы совсем забыли о «Маше в лесу», а она нас очень интересует. Как обстоит дело с этой книгой, когда Вы надеетесь её закончить? Мы можем продлить Вам срок на неё до февраля-марта, но не позже, т.к. иначе её не успеют проиллюстрировать. А мы заинтересованы, чтобы она вышла непременно в 1939 г. Не помню, писала ли я Вам, что в отношении договоров на «Машу» и «Окно» дело вот как: «Маша» идёт по договору на «Календарь», т.е. она по размеру как раз отвечает условиям этого договора, а по содержанию им не противоречит. «Окно» же, которое составляет по объёму около 3/4 печатного листа, никак к этому договору не подходит. Такую маленькую вещь для автора выгоднее получить не с листа, а аккордно с тиража (исходя из 25 тыс.). Договора на «Окно» мы пока с Вами не заключали, т.к. сразу же начались разногласия по оформлению и нам хотелось предварительно всё выяснить.

Кстати о договорах. Вы напрасно считаете, что сделали какую-то глупость, подписав договор на «Хвосты». Вся серия «Для маленьких» оплачивается аккордно без тиражей по 3 тысячи. Ну, пока кажется всё. Не собираетесь ли в Москву. Лично нам было бы гораздо легче договориться. Пока кончаю. Привет. Л.Кон» (РГАЛИ, ф. 630, оп. 1, д. 925, лл. 90, 90 об.).

Потом была война. Дальше легче не стало. В 1948 году Бианки перенёс инфаркт и стал инвалидом второй группы.

В Ленинградской писательской организации ему выбили персональную пенсию республиканского значения в 500 рублей, но этих денег не хватало даже на лекарства.

В начале 1954 года накануне 60-летия Бианки один из руководителей Союза писателей Алексей Сурков обратился к властям с предложением наградить литератора орденом. Он писал:

**«СЕКРЕТАРЮ ЦК КПСС
товарищу ХРУЩЁВУ Н.С.**

12 февраля 1954 года исполняется 60 лет со дня рождения популярнейшего писателя для детей и юношества Виталия Валентиновича БИА НК И.

Первая книга В.Бианки «Лесные домишки» вышла в 1923 г. С тех пор В.В. Бианки написал и опубликовал около 90 книг. Многие из этих книг только на русском языке выдержали по десяти и более изданий. Кроме того, его произведения неоднократно выходили в переводах на языки народов Советского Союза, издавались в большинстве зарубежных стран (книги В.В. Бианки изданы на 36 языках).

Общий тираж произведений В.В. Бианки только по СССР составляет около 13 миллионов экземпляров.

В.В. Бианки является одним из зачинателей жанра научно-художественной литературы. По образованию В.В. Бианки – биолог; в его книгах занимательное, поэтическое повествование сочетается с научно-материалистическим раскрытием жизни природы.

Сейчас, несмотря на тяжёлую болезнь, инвалидность, писатель продолжает плодотворно работать в области художественной литературы.

Правление Союза Советских Писателей СССР просит о награждении В.В. Бианки, в связи с 60-летием со дня рождения – орденом «Трудового Красного Знамени» – за выдающиеся

заслуги в области художественной литературы.

К правительственной награде В.В. Бианки представляется впервые

*Секретарь Правления
Союза Советских
Писателей СССР
А. Сурков».*

(РГАНИ, ф. 5, оп. 17, д. 486, лл. 1–2).

Был даже подготовлен соответствующий проект Указа Президиума Верховного Совета СССР. Однако в партийном аппарате предложение Суркова понимания не нашло. Там продолжали считать Бианки чуть ли не скрытым врагом советской власти, чьи книги якобы идейной ценности не имели.

30 января 1954 года Хрущёву была направлена следующая записка:

«Правление Союза советских писателей СССР (т. Сурков) просит наградить орденом Трудового Красного Знамени писателя Бианки Виталия Валентиновича за заслуги в области художественной литературы.

В.Бианки родился в 1874 году, русский, беспартийный. С 1917 по 1919 г. он состоял в партии эсеров. Как бывший эсер в 1925 году был арестован органами госбезопасности и выслан из Ленинграда на Урал, где проживал с 1926 по 1929 год. В 1929 году В.Бианки был амнистирован.

Литературную деятельность В.Бианки начал в 1920 году. В 1923 году В.Бианки выпустил свою первую книжку для детей «Лесные домишки». С тех пор он занимается профессиональной литературной работой как детский писатель. В.Бианки является автором нескольких сборников рассказов и сказок: «Лесная газета», «Сказки», «Где раки зимуют», «Рассказы об охоте» и др. В его книгах даются небольшие зарисовки из жизни зверей и птиц.

Творчество Бианки не представляет большой идейно-

художественной ценности. Длительное время В.Бианки ничего нового не пишет, а частично переделывая, переиздаёт свои старые произведения.

Отдел науки и культуры ЦК КПСС считает нецелесообразным награждать писателя В.Бианки орденом Трудового Красного Знамени.

Тов. Сурков дополнительно сообщил, что он своё предложение о награждении В.Бианки снимает.

Зав. Отделом науки и культуры ЦК КПСС

А. Румянцев

*Зам. зав. Отделом
П. Тарасов»*

(РГАНИ, ф. 5, оп. 17, д. 486, л. 4).

В последние годы жизни Бианки стало совсем плохо. Денег ни на что не хватало. Порой он не мог купить даже нужные лекарства.

Коллеги попытались возбудить ходатайство об увеличении Бианки персональной пенсии. Руководители детской секции Ленинградской писательской организации Лев Успенский и Ирина Карнаухова подготовили характеристику на художника. Они подчеркнули: «Собственно говоря, писатель-биолог В.Бианки, как автор более сотни научно-художественных и просто художественных произведений, издающийся уже в течение двух десятков лет, если не более, ни в какой особой характеристике не нуждается. Среди детских писателей Советского союза он принадлежит к первой пятёрке корифеев, наряду с покойным Б.Житковым, ныне здравствующим С.Маршаком и немногими другими.

В своей специальной области, в том разделе детской литературы, который касается ответственной и важнейшей темы – рассказов о живой природе, в частности – рассказов о животном мире нашей Родины, В.Бианки

попросту не знает себе соперников.

Десятки поколений юннатов воспитались уже, воспитываются и сейчас на его трудах, воодушевляются глубокой и осмысленной любовью к природе, к её освоению и перестройке на пользу нашему народу, на пользу социалистическому человечеству, и, взрослея, превращаются в нужнейшие для нас кадры биологов, животноводов, энтомологов, лесоводов и т.п.

Можно прямо сказать, что современный культурный и грамотный гражданин СССР не имеет права не знать, кто такой В.Бианки и о чём говорят его всегда такие живые и увлекательные книги.

Тот, кто, зайдя в первую попавшуюся детскую или юношескую библиотеку, осведомится там относительно места Бианки в представлении школьно-пионерской читающей массы – тот узнает, конечно, что Виталий Бианки – один из тех авторов, книги которого всегда нарасхват, над которыми и библиотекари, и преподаватели-естественники в школах ведут непрерывную воспитательную и образовательную работу. Горячо любимый детьми, Бианки не менее того ценим всеми теми взрослыми, которым приходится иметь дело с ребёнком и его жизнью.

Так обстоит дело в нашей стране. Но надо сказать, значение этого автора шире даже этого, весьма широкого масштаба. В.Бианки принадлежит к числу тех писателей СССР, которые своим творчеством ниспровергают раболепство перед Западом.

Его работы без всяких изменений жадно перепечатываются на языки зарубежных стран, его книги выходят в свет всюду, от Англии до Японии (не говоря уже о братских славянских государствах). Интересно и поучительно,

что такой солидный, объёмистый и целиком построенный на русском фаунистическом материале труд, как известная «Лесная газета», переиздаётся за границей без малейших попыток приспособления к природе тамошних стран, – настолько неизмеримо выше западноевропейской биологической детской книги стоит эта работа.

За последние годы В.Бианки, человек уже далеко не молодой и никак не «начинающий автор», непрерывно занимается поиском новой темы и новой, отвечающей ей, формы для своих книг. Живое описание мира животных, составлявшее основное содержание его творчества в начале его жизненного пути, всё полнее уступает место описанию прямого взаимодействия между социалистическим человеком-победителем и подчиняемой им себе природой.

Нет ни малейшего сомнения в том, что каждый час работы такого автора, как Бианки, является государственной ценностью, подлежит заботе и охране.

Состояние здоровья Виталия Валентиновича за последние годы, в связи с немалыми лишениями военного времени, к сожалению, оставляет желать лучшего. Было бы непростительной ошибкой не оказать ему максимальной материальной помощи, ибо каковы бы ни были необходимые на это затраты, Бианки-писатель, так же как Бианки постоянный консультант Детских издательских станций, компетентнейший и бескорыстнейший советник-энтузиаст вернёт их и детской литературе и всему нашему государству» (РГАЛИ, ф. 631, оп. 39, д. 737, лл. 39–41).

Но 27 января 1958 года комиссия по установлению персональных пенсий при Совете Министров РСФСР «не нашла оснований для увеличения

т. Бианки В.В. размера персональной пенсии республиканского значения» (РГАЛИ, ф. 631, оп. 39, д. 737, л. 30).

Весной 1958 года Бианки решил постучаться в только что созданную газету «Литература и жизнь». Сначала он предложил заметки о молодом писателе Николае Сладкове. Этот материал вышел 27 апреля. Потом он вспомнил о своём путешествии 1930 года по Югре. Но в редакции к поступившей рукописи отнеслись прохладно. 15 ноября 1958 года Бианки с обидой написал редактору газеты Полторацкому: «Уважаемый Виктор Васильевич. В Китае есть хороший обычай: там редакторы отвечают писателям. Про Кожаного Чулка я написал давно. Всё ждал, когда Вы ответите на моё письмо. Молчание Ваше понимая так, что мои темы для Вашей газеты не подходят. Дело Ваше. Известите, пожалуйста, подойдёт ли «Кожаный Чулок»? С уважением Вит. Бианки.

Благодарю за поздравление и взаимно поздравляю с прошедшим. В.Б.» (РГАЛИ, ф. 1572, оп. 1, д. 22, л. 148).

К чести Полторацкого, он быстро отреагировал:

«Уважаемый Виталий Валентинович! Извините мою бестактность, выразившуюся в том, что я своевременно не ответил на Ваше любезное письмо. Я осмеливаюсь надеяться на Ваше великодушие, сообщив, что письмо было получено в то время, когда я в очень тяжёлом состоянии находился в больнице (у меня жестокая астма, которая временами душит безжалостно и жестоко...).

«Кожаный чулок» прочёл сегодня с радостью. Большое спасибо Вам. Рассказ очень хорош и мы постараемся дать его в ближайшее время.

В. Полторацкий» (РГАЛИ, ф. 1572, оп. 1, д. 22, л. 154).

Умер Бианки 10 июня 1959 года в Ленинграде.

Изобразительное искусство выполняет очень важную задачу в жизни общества. Только благодаря художнику-профессионалу житель нашей планеты получает возможность ещё лучше познать красоту и эстетику окружающего мира. Ребёнок, ещё не научившийся ходить, уже начинает знакомиться с окружающим миром через картинки из детских книжек, которые проиллюстрировал художник. И потом на протяжении всей жизни человек общается с изобразительным искусством, посещая картинные галереи и художественные музеи. Однако даже в продвинутом 21-м веке такие культурные учреждения существуют только в наиболее крупных городах. Но в идеале, житель даже самого отдалённого посёлка также хотел бы общаться к высокому искусству.

Этот руководитель постоянно проявлял внимание и заботу о развитии культуры в родном городе Елизово. Он обратился к нам с просьбой о создании и открытии подобной галереи у них в городе. По прибытии в Москву данная просьба была доложена Секретариату СХ России. И на следующей год в торжественной обстановке, при большом стечении зрителей галерея начала отсчёт времени.

В 1988 году народный художник России **Геннадий Алексеевич Сотсков** выступил с инициативой о создании картинной галереи в самом отдалённом регионе России – Чукотке, в посёлке Провидение. И снова из запасников художественного Фонда СХ России были отобраны сотни художественных произведений в технике живописи, графики, скульптуры,

Искусство шагнуло в глубинку

Северный край в нашей огромной стране занимает немалую площадь. И если человек никогда не видел цветущей тундры, ему трудно представить всю её красоту и величие. Человек всегда стремился в этот загадочный край, чтобы открыть природные богатства, находящиеся в недрах этой земли. Десятки и сотни исследователей оставили свой заметный след в изучении этого края. А сколько ещё предстоит раскрыть тайн загадочной страны ГИПЕРБОРЕИ. Миллионы читателей до сих пор зачитываются приключенческой повестью «Земля Санникова», написанную выдающимся русским учёным **Вл. Обручевым**.

В конце июля 1986 года я вместе с супругой совершал 40-дневное путешествие по Дальнему Востоку и Камчатке. Приехав в дальний посёлок Мильково на Камчатке, мы встретились там с удивительным человеком, большим патриотом этого красивейшего края **Михаилом Угриным**. Благодаря его щедрости и великодушию, нам удалось познакомиться со многими уникальными достопримечательностями этой красивой местности. Наделённый от природы многими талантами, а также будучи художником, этнографом и краеведом, он высказал пожелание создать в посёлке художественную галерею. На следующий день он организовал встречу у тогдашнего секретаря райкома КПСС на предмет предоставления помещения под картинную галерею. На следующий год Секретариат Союза художников России поддержал эту мою инициативу и в июле 1987 г. делегация, которую возглавил народный художник РФ **Андрей Иванович Плотнов**, приехала на открытие этой отдалённой картинной галереи. В составе делегации был также известный художник **Валерий Мазуров**. На следующий день практически вся Камчатка знала об этом уникальном событии – открытии «Малой Третьяковки». Когда спустя несколько дней мы возвращались в аэропорт Петропаловск-Камчатский, наша делегация была встречена первым секретарём ГК КПСС г. Елизово **Владимиром Александровичем Санталовым**.

плаката и ДПИ известных мастеров изобразительного искусства 2-й половины 20 века. А учитывая, что знаменитый посёлок Уэллен на Чукотке известен своим искусством резьбы по кости, открытие картинной галереи в данном регионе, ещё больше поднимает авторитет изобразительного искусства России во всём мире. И теперь жители северо-американского континента, а именно Аляски, при посещении своих родственников, проживающих на Чукотке, могут удивиться наличию профессиональной художественной галереи в этом посёлке.

Начиная со 2-й половины 20-го века, художники совершали творческие поездки в самые отдалённые уголки нашей Родины. И везде они были желанными гостями. Даже если взять, к примеру, пограничные заставы, расположенные вдоль всего северного побережья Арктики, а по протяжённости север составляет около 9000 км, то везде художники были желанными гостями. И всюду их встречали с большим радушием, а по окончании работы каждый из них оставлял на добрую память несколько этюдов, которые в долгие зимние месяцы скрашивали окружающее белое безмолвие, добавляя немало положительных эмоций.

90-е годы 20-го века в изобразительном искусстве были такими же застойными, как и для других творческих организаций. К счастью, этот кризис миновал, и начало 21-го века ознаменовалось подъёмом изобразительного искусства на тот уровень, который был достигнут предшествующими поколениями. И сегодня наши художники наглядно демонстрируют своими произведениями высокую духовность и богатый внутренний мир, присущий всему великому русскому народу.

Лев МИЛОВИДОВ,

*Заслуженный деятель искусств России,
Лауреат премии Императорской российской Академии
художеств, искусствовед, член Правления МООСХ России*

Жизнь писателя – всегда одинокая жизнь... Ибо работает он один, и если он – достаточно хороший писатель, он изо дня в день думает о том, останется или не останется его имя в веках. Для настоящего писателя каждая книга должна быть новым началом, новой попыткой достигнуть недостижимого... Именно потому, что в прошлом у нас были такие великие писатели, современный писатель вынужден уходить дальше, куда ему, возможно, и не дойти и где ему никто не поможет.

Из Нобелевской речи Эрнста-Хемингуэя
(страничка с напечатанной цитатой Э.Хемингуэя
из архивной папки О.Куваева)

ПЛЕВОК В МОГИЛУ ПИСАТЕЛЯ. И... ОТВЕТ НА НЕГО!!!!!!!

Очерк. О светлом имени твоём, Олег Куваев

Здравствуйте, Вячеслав Вячеславович!

Посылаю на Ваше решение статью Светланы Гринь, обнаруженную мной в архивах молодёжной литературной студии «Завтрашний день», действовавшей до 2009 года при Магаданской писательской организации (прекращение работы студии по нелепой случайности совпало с Годом молодёжи).

Статья С.Гринь написана 10 лет назад, но звучит актуально, поскольку споры вокруг романа Олега Куваева «Территория» не затихают и вспыхивают вновь. Особенно после выхода в 2015-м году на экраны второй версии фильма «Территория» и книги Е.Сычёва «Где находится Север?», куда он поместил и свой очерк, о котором пишет Светлана. Мы с С.Суцанским проверили: материал С.Гринь в наших, магаданских, газетах и журналах не публиковался, в том числе в «Колымских просторах», как она того хотела. А его, я считаю, особенно письма О.Куваева, должны прочитать все поклонники творчества нашего земляка. Все, кто задумывался над тем, «доволен ли он собой» и «зачем все мы, ребята, живём?»

С уважением
Пётр ЦЫБУЛЬКИН

24.02.16
п. ЛИВАДИЯ

P.S. Временно пребываю в Крыму, на лечении.

Вот уж воистину прав Олег Куваев: «День сегодняшний есть следствие дня вчерашнего, и причина грядущего дня создаётся сегодня». Эти слова писателя сразу приходят на ум после прочтения очерка Е.Сычёва «За что полевики невзлюбили Олега Куваева» («Колымские просторы» № 3–4. 2006 г.).

На фоне доброжелательной, тёплой атмосферы, исходящей от каждого произведения журнала, вдруг чуждым, враждебным, бездушным диссонансом вторгаются эти две страницы, и подвигают ответить на оскорбления, пропитавшие весь очерк, по пунктам.

Пункт № 1:

Кто вы, анонимщики?

В отличие от «узнаваемых имён» выскиваемых «прототипами» в художественном произведении, в романе Олега Куваева «Территория», имена реальных полевиков в документальном очерке Е.Сычёва почему-то анонимны. Но как бы они не скрывались под общим понятием «полевиков», имена их всё же известны. Они среди тех людей, которые писали или подписывали «письма-компроматы» ещё в 1974 году, сразу же после выхода 1-й части романа «Территория» в журнале «Наш современник» № 4 (об этом ниже).

Хочется спросить у «невзлюбивших писателя полевиков», почему же они прямо, открыто не высказали своё мнение своему товарищу-коллеге в том далёком 1974 году, после выхода 1-й части романа? Что же они не бросили эти слова прямо в лицо автору ещё 33 года назад, а сразу настрочили компромат, старательно перечислив при этом все свои чины и звания для весомости, и с удивительной настойчивостью рассылали эти письма по редакциям газет и журналов? И, возможно, по тем органам, откуда копий обращений не пересылают. Ведь им было хорошо известно, что за этим могло последовать, знали, что грозит писателю в то советское время! Да слава Богу, нашлись в редакциях и издательствах умные профессионалы, порядочные люди, которые не «дали ход» этим письмам-компроматам, а отправили их по адресу, т.е. автору, чтобы он сам ответил на них.

Да и сейчас они не высказываются открыто, а прикрываются общим понятием некоего «полевика»-соседа, и тем самым своим неблагоприятным поступком бросают тень и на всех остальных магаданских геологов-полевиков. И вот что довольно странно, в художественном произведении они

себя «узнают», а в документальном очерке «скромно» умалчивают свои имена.

*Справка: Для неосведомлённого читателя поясню: в Заглавиях пунктов, помеченных значком *, вынесены цитаты из очерка Е.Сычёва «За что полевики невзлюбили Олега Куваева» («Колымские просторы» № 3–4, 2006 г.). К каждому пункту даются документально подтверждённые ответы из архива О.М. Куваева или архива С.А. Гринь.*

Далее иду по тексту очерка.

Пункт № 2:

«Один из полевиков пообещал, если встретит в институте, то публично набьёт морду за откровенное враньё..., так что презентация романа была отменена»*

Но презентации книги не могло быть по определению (как сейчас говорят). Олег Куваев никак не мог даже думать об этом, чтобы «не сглазить», и уж, тем более, «хотеть сделать презентацию книги в академическом институте» (как утверждает очеркист) или где бы то ни было ещё, так как при жизни автора *книги*, как таковой, просто *не было*, она вышла посмертно. При жизни автора вышел только журнальный вариант романа «Территория» в журнале «Наш современник» № 4–5, 1974 г. и в «Роман-газете», № 3, 1975 года был напечатан переписанный специально для этого издания третий вариант романа.

Вообще же до издания «Территории» книгой О.Куваев написал семь вариантов романа. Я читала первый вариант романа в Терсколе в 1972 году, тогда он назывался «Серая река». И первый вариант отличался от окончательного, как «небо и земля». Я тогда ещё спросила Олега: «Ну что, прямо сейчас начинать сухари сушить или подождём?» И, как мне ещё показалось тогда, при чтении первого варианта, в нём не совсем была выдержана некая музыкальная ритмичность, особенно на стыке глав, о чём я и сказала Олегу. В окончательном же варианте романа появилась внутренняя музыкальная гармония, ритмичность, которая и держит весь роман в возрастающем эмоциональном напряжении от первой фразы до самой последней, когда захлёстывающие тебя эмоции достигают апогея.

Ну, это я отвлеклась от темы.

Так вот, здесь сосед-анонимщик что-то перепутал и вместо «мордобоя», который

он хотел устроить в академическом институте, он высек сам себя!!! Поскольку причиной «отмены презентации в академическом институте» было не его «очень ответственное заявление» учинить мордобой автору романа, который «мог бы иметь серьёзные последствия» (интересно, для кого?! не для самого ли «мордобойщика?»), а просто элементарное *отсутствие книги*, которую и самому автору не суждено было увидеть, подержать в руках. Роман «Территория», впервые изданный книгой в издательстве «Современник», Москва, был подписан к печати 5 июня 1975 года, т.е. два месяца спустя после смерти автора. А книга вышла и того позже. Так что на самом деле Некому и Нечего было «презентовать» и уж тем более «отменять» мероприятие по презентации.

А автор-документальщик, не проверив факты, искажил события, что говорит о его недобросовестном, безответственном подходе к работе очеркиста.

Пункт № 3: «Этот прощелыга и геолог никакой...»*

Впервые в жизни за все эти годы мне довелось прочесть такую «оценку» О. Куваева, как человека, геолога, писателя. Мне известно от авторитетных людей совершенно противоположное мнение о нём.

Чтобы магаданцам далеко не ходить, рекомендую обратиться к книге Владимира Курбатова «Из памяти не вычеркнуть...» (за строками писем и книг Олега Куваева), Магадан, 2000 г. из которой можно узнать мнение геологов, непосредственно работавших с ним.

Ниже приведу несколько выдержек из их воспоминаний.

Справка:

«В нашу партию прилетел географ Андрей Петрович Попов, который на Чукотке кончал свой двадцатилетний «северный рейд», начавшийся на Таймыре... Самым пожилым среди нас был Андрей Петрович. Нельзя писать об этом человеке без чувства глубочайшего уважения. Измотанное за тысячи пройденных по Северу километров, сердце его сдавало: он шёл обычно позади всех. Не было случая, чтобы он позволил кому-либо из нас помочь ему или выбрал себе более лёгкий груз. Всё это делалось незаметно, без слов, но именно молчаливая профессиональная гордость опытного географа действовала на нас сильнее всего».

Андрей Петрович Попов:

«...В 1957 году в партию, где я работал старшим специалистом, прибыла группа из десяти человек студентов-практикантов Московского геологоразведочного института и Одесского госуниверситета. Как на подбор спортивны, красивы – цвет своих учебных заведений... к концу сезона они окажутся также как на подбор умны, хорошо подготовлены, выносливы, а по-человечески приятными и надёжными.

Один из этой прекрасной десятки приглянулся мне более других. Он был немногословен, сдержан. К его словам прислушиваются и редко оспаривают. Чувствуется, серьёзность и сдержанность придают его словам какой-то ненавязчивый товарищеский авторитет...

От Куваева (фамилии его я тогда ещё не знал) исходила внутренняя сдержанная сила. Она и отличала его от сверстников, тоже не рядовых ребят. В будущем почти все они получили учёные звания, став кандидатами и докторами. Олег не курил тогда, его физическая форма была удивительно совершенна. Чувствовалось, он готовится, и готовится серьёзно, к работе в любых экстремальных условиях.

Полевой сезон 1957 года был тяжёлым и неудачным. И запомнился не только тяжёлой работой и знакомством с Олегом. Это был год «оттепели», когда бушевали общественные страсти. Шла всенародная дискуссия «О добре и зле», «Что хорошо и что плохо», бушевали страсти и у нас в палатке на 15 человек... Были споры долгие, страстные, все выступали, все «добывали славу Гамбетты». В спорах Олег, как и в других жизненных ситуациях, был сдержан, по-настоящему интеллигентен. Ему нужна была не победа «во что бы то ни слало», не торжество полемиста, а выяснение объективной картины спора, приемлемой, если не всеми, то большинством шатровой палатки...

Улетел в Москву он поздней осенью с мыслью: закончить МГРИ, распределиться и вернуться на Чукотку. Так оно и получилось...»

Яков Севостьянович Ларионов, в то время ведущий специалист Чаунского геологоразведочного управления:

«В составе нашего Чаунского геологоразведочного управления Олег Куваев был в течение 58–60-х годов. За это время провёл две крупные работы. Первая из них, не самая важная, но очень существенная, – по внедрению метода вертикального электрического зондирования в бассейне реки Ичувеем в долине ручья Быстрый... Всем у нас понравилось и как эти работы были проведены, и их результаты.

Решили и дальше внедрять перспективный метод при разведке россыпных месторождений золота на Чукотке. А ещё потому они были признаны удачными, что уже первый опыт внедрения таких работ, фактически опытных, дал высококачественный положительный результат. Но это уже следует отнести на счёт Олега: очень хорошо он их провёл, умело, старательно, энергично – разумеется, со всем составом своего отряда.

Но главной для нас стала вторая его работа, во главе партии, которая исследовала бассейн Чаунской низменности, Чаунской губы и острова Айон – применялся комплекс методов для решения генезиса происхождения Чаунской низменности. Чаунской депрессии, для уточнения мощностей рыхлых отложений в Чаунской губе и на низменности, а также ряда вопросов геологического строения данной территории. Такой комплекс методов не только территории нашего района, но и по всей Чукотке применялся впервое...

В процессе работы проявилась связь нескольких сторон натуры Куваева. Первая – его энергия, настойчивость, они, в любом деле, которым он занимался, проявлялись очень чётко... Ещё в самом начале, в организационный период, зимой, зная о том, какие работы будет проводить и их характер, он организовал самостоятельно, подчёркиваю, один маршрут из Певека на остров Айон – с самодельными нартами, с аппаратурой и с помощью друга провёл геофизический профиль, который потом послужил тому, что своевременно и качественно оказались проведены все объёмы исследований...

Не менее важным оказалось его умение действовать оперативно. Когда не появился для второго рейса вертолёт, он ведь мог сидеть и ждать его... но Куваев решился на пеший переход. А настойчивость какова!.. Предельно тяжёлый переход в верховья на минимальном рационе питания, затем сразу же в обратную дорогу, с середины пути вновь жёсткое лимитирование продуктов, всяческие другие затруднения – но ведь весь комплекс работ завершён успешно!»

А вот мнение **Льва Константиновича Хрузова**, работавшего в те годы главным геологом и начальником геологоразведочной экспедиции в Певеке:

«...и всё же я считаю нужным ещё раз подчеркнуть те же черты характера: упорство, я бы даже сказал, хорошее деловое упрямство. Очень трудно ему тогда пришлось... этот метод пока ещё опробовался, авиация только-только внедрялась в нашу практику, а партии Куваева для нормального ведения работ необходима была дополнительная аппаратура с солидным запасом

к ней электробатарей и иного снаряжения. Надо признать, что Олег Михайлович чуть ли не чудом вывернулся с транспортом, но работы не сорвал.

Конечно, потом винил начальство, в отчёте так прямо и написал, что партии требовалась значительно большая помощь, особенно транспортом. Разумеется, обвинения адресовались непосредственно начальству, и здесь проявилась ещё одна черта характера Куваева: прямота, смелость в словах и на деле. Надо бы знать очень властный, а временами и жёсткий характер тогдашнего начальника РайГРУ Николая Ильича Чемоданова – требовалась действительно смелость, чтобы высказать такую критику в отчёте, официальном документе. И ни у кого рука не поднялась вычеркнуть её – действительно, так ведь и было. А прямота его – только на пользу дела...

В 1958 году, в связи с введением россыпной разведки в долине реки Ичувеем (здесь было найдено первое на Чукотке месторождение золота. – **В.К.**), был организован Ичувеемский геофизический отряд под руководством Куваева О.М. В результате работы отряда была установлена применимость метода ВЭЗ для определения мощностей четвертичных отложений в условиях Чаун-Чукотки. В дальнейшем этот метод широко применялся в работе чаунских геологов и геофизиков.

В следующем, 1959 году была организована Чаунская геофизическая партия с целью комплексного изучения четвертичного чехла и тектонического строения Чаунской впадины. Возглавить партию было вновь поручено Олегу. Несмотря на большие трудности, объективные и субъективные, партия успешно справилась с заданием, и ценность полученных фактов, на наш взгляд, в сочетании с относительно малой стоимостью работ служит наглядным доказательством рациональности их продолжения на территории Чаун-Чукотки. Указывает он и конкретные районы и методы проведения работ, что также было использовано в дальнейшем чаунскими геологами.

Таким образом, уже начальные годы работы Куваева в геологии говорят о том, что Олег был незаурядным геофизиком, и если бы он не стал писателем, я уверен, достиг бы немало в геофизике. Впрочем, об этом свидетельствует дальнейшая его работа в СВГУ и СВКНИИ...»

А теперь обратимся к воспоминаниям и оценкам исследований Олега Куваева, высказанных академиком **Николаем Алексеевичем Шиловым** (в те годы директором магаданского СВКНИИ):

«...За три сезона работ – в низовьях Колымы, по побережью до мыса Биллинга, на острове Врангеля, – Олег Михайлович Куваев провёл очень важные качественно выполненные гравиметрические разрезы и сумел сделать по ним далеко идущие выводы. Данные замеров позволили ему поставить под сомнение единство одной из геологических структур (бывший Колымский срединный массив) и его продолжения в море. Тогда никто не обратил внимания на высказанные впервые Куваевым сомнения, но я обратил, так как они заставляли о многом задуматься. К тому же я знал Олега Михайловича как вдумчивого результативного геофизика, и мне нравилась проведённая им на Чукотке работа. Опираясь на полученные данные, я писал в одной из своих научных публикаций следующее: «Как показали последние исследования, Срединный Колымский массив не продолжается в Ледовитый океан и не смыкается с гиперборийской платформой».

Очень сложно было решиться, а тем более проводить гравиметрические измерения на значительном удалении от берега в море, потому что это было и опасно, работать ведь приходилось на льду, рискуя по нескольку раз в день при посадках и взлётах. К тому же в нашей практике это было впервые, рисковали и он, и я. Но такие работы были очень нужны...

...Ценность работ, проведённых Олегом Михайловичем и нашим институтом, несомненны; в те годы мало кто смог даже представить их истинную значимость. По существу, мы впервые заглянули в глубины Колымской низменности и шельфа окружающих Чукотку морей. Для того времени работа фундаментальная, сложная и смелая, особенно это относится к проникновению в океан и постановке там гравиметрических исследований.

Что они давали науке и что позволяли предположить? Нижнеколымская низменность вообще была белым пятном. Что там за структуры? Куда уходит Яно-Колымская золотая провинция? Ответить на эти вопросы было чрезвычайно важно.

Ещё в 1957 году в одной из научных публикаций я характеризовал Яно-Колымский геологический пояс как единую формацию и в то же время отдельно выделял Чукотский золотой пояс, наличие которого тогда ещё не было доказано, но целый ряд признаков позволял предположить его существование.

Время торопило принимать решение уже потому, что разработку чукотских месторождений касситерита предполагали прекратить, его россыпи (да и рудные тела) обеднели,

добываемое из них олово стало дорогим. Но это означало, что на Чукотке пришлось бы свернуть всю горную промышленность, а следовательно, «закрыть» предполагаемую золотую провинцию. Вопрос детально изучала специальная комиссия во главе с академиком Щербаковым. Доклад Цареградского и доводы сторонников свёртывания горной промышленности Чукотки и поисков здесь золота не удовлетворили и не убедили комиссию. Она поддержала мой доклад и доводы сторонников дальнейшей промышленной эксплуатации подземных богатств этого региона и расширения разведки золота. Обязательность его наличия здесь я настойчиво доказывал, хотя месторождений и не было пока найдено. Основания для таких утверждений имелись достаточно веские, и геологические структуры, и горные образования, и породы, в том числе изверженные – всё было такое же, как на Колыме и Индигирке. Дальнейший ход событий подтвердил нашу правоту.

В этом свете работы Куваева, его разрезы, гравиметрические исследования по существу явились продолжением, развитием, дополнительным подтверждением этих идей. Они стали одним из звеньев общей цепи наших рассуждений, подтверждением структурных особенностей и магнетизма этого региона, которые, в свою очередь, являлись непосредственным подтверждением золотоносности его. К тому же исследования Олега Михайловича позволяли делать определённые выводы о расширении зоны золотоносности Чукотки.

В общем, в нашем коллективе он успешно рос как геолог и как специалист, был нужен институту. И как к человеку у меня к нему не было претензий, мы с ним неоднократно с удовольствием беседовали. Признаться, я не одобрял его уход из геологии, хотя и знал о некоторых неблагоприятно сложившихся обстоятельствах в его личной жизни (с А.Н. Федотовой. – С.Г.). Помнится, произошёл примерно такой разговор с ним:

– Николай Алексеевич, я решил уйти с основной работы.

– Куда? Зачем это нужно?

– Я пишу.

– А вы уверены, что у Вас есть для этого почва? Основания?

– Есть. Я пишу.

Он настоятельно подчёркивал это – «я пишу». Получается, что из моего кабинета он и ушёл в профессиональные писатели.

Мы встречались и в дальнейшем, и я предлагал ему вернуться в институт, если он посчитает возможным, так как проводившиеся им работы следовало продолжить, а для этого лучшую кандидатуру найти было трудно».

**Из письма О.М. Куваева А.П. Попову:
1960 г.**

«Итак, посмотрел я ещё одну часть Чукотки – Великую Анадырскую Низменность... Настроение у меня сейчас двойное. С одной стороны, я уже понимаю, пожалуй, что мне себя не переделать и человека науки из меня не выйдет. Поймите, Андрей Петрович, что с седьмого класса я отравился мечтой о тех странах, что лежат за горизонтом, кончил институт, и вот, проработав два года, понял, что даже профессия геолога или геофизика не даёт полного удовлетворения этой мечте. Сейчас у меня богатейшие возможности для научной работы и карьеры. Можно даже говорить о кандидатской кличке через четыре-пять лет при определённой интенсивности труда. Ну а дальше что?

С другой стороны, я ещё не имею эквивалентного заменителя своей работе. Я имею в виду, что в теперешнем своём положении я вряд ли могу что-либо получить более удовлетворяющее мечте о странах, лежащих за горизонтом, чем моя настоящая работа. Сейчас я пишу интенсивнейшим образом. Я вполне согласен с Вашим тезисом о том, что не важно сразу печататься – важно научиться писать хорошо, так хорошо, чтобы в любом обывателе разбудить дремлющую в нём душу кочевника. Вот что главное...»

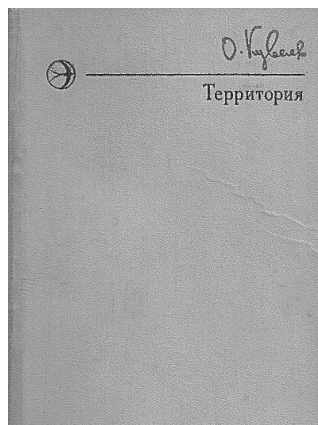
Пункт № 4:

«...а как писатель – просто дерьмо!

...книги надо писать ответственно, а не на потребу всякой сволочи» *

На оскорбление «писатель-дерьмо» хочется ответить «от дерьма слышу», но не будем уподобляться, соседу-анонимщику и автору очерка, а обратимся к статистике.

Что касается официальной оценки, то о творчестве О.М. Куваева в период 1964–2006 гг. (по собранным и учтённым данным в библиографическом перечне, имеющимся в архиве О.Куваева) было написано разными авторами и вышло в издательствах 7 книг, полностью посвящённых жизни и творчеству О.М. Куваева. Нам известны 3 защищённые кандидатские диссертации. Всего публикаций о нём в книгах, журналах и газетах на сегодняшний день превышает уже 1000 единиц.

Я не утверждаю, что все эти публикации – фанфарно-хвалебные. Есть среди них, конечно, и резкие критические статьи и рецензии, есть также статьи с пристрастно-групповым мнением. Но! Ни в одной из них нет слов, оскорбляющих личность писателя! Для подтверждения моих слов, все эти публикации можно найти как в архиве писателя, так и в любой библиотеке.

Связь поколений...

А теперь обратимся к неофициальной оценке творчества О.Куваева. Для наглядности приведу несколько примеров мнений незнакомых между собой читателей из разных возрастных поколений, чтобы объективно выявить различие в оценке романа в зависимости от возраста.

Вот что говорит Мелешин Александр Валентинович – геолог (59 лет) живёт в Москве: «Роман «Территория» Олега Куваева – для меня настольная книга. Я читал и перечитывал роман – 5 раз!!! И это ещё не предел!»

А вот мнение совсем уж из «дня сегодняшнего» 16–17 марта 2007 года. Мнение молодого человека (в возрасте 21–22 лет), высказанное в беседе со своими друзьями по интернету в «Живом журнале» и случайно «подслушанное» мною. Ниже привожу распечатку их беседы. (Перевод с английского и «молодёжного» языка автора. – С.Г.).

Пишет – fluteast: Александр Митряков. 1985 г. рождения.

г. Ижевск. Удмуртия
16.03.2007 23:51

Местоположение: в доме

Настроение: взволнованно-возбуждённое

Музыка: ночь так-то

Метки записи: книги, человеческое

О.Куваев, «Территория»

Перечитываю, ибо сегодня ночью мне вернули. Эта книга есть в каждом втором доме, а должна быть в каждом первом. И в школьной программе.

У кого есть – немедленно достаньте из шкафа и положите на видное место. А ещё лучше откройте и начинайте читать...

Ответ – alennech: 17.03.2007 01:39

Снабдишь? Я из тех первых, у кого нет... Стыдно... Дай почитать.

Ответ – fluteast: 17.03.2007 09:06

Мишка Тюрин первый вроде был на очереди. Правда, он уже брал как-то, но не осилил. Как что притащу в воскресенье.

**Ответ – flame 01 (Мишка Тюрин. – С.Г.):
17.03.2007 10:23**

Не, уже хочу... Постараюсь осилить, лучше ведь, чем «Война и мир», да ещё и на порядок интереснее. В общем, неси, постараюсь не задерживать.

А вот что думает об Олеге Куваеве как писателе уже знакомый нам по своим высказываниям выше Андрей Петрович Попов – географ, геолог, (5 декабря 2006 года А.П. Попову исполнилось 93 года), живёт в посёлке Белые Столбы, Московской области.

**Из писем А.П. Попова С.А. Гринь:
1975–2007 гг.**

«Как хорошо, что ты побывала в Олеговых местах.

Любовь к Олегу – это дань за его талант, прекрасные произведения и замечательную русскую славянскую душу, полную света и доброжелательности к людям. Он и отдал свою душу людям, чтобы они были лучше и добрее. Я и сейчас люблю Олега, как живого, рядом живущего. Россия с такими сынами, как Олег, бессмертна была, есть и будет.

Новый Год будем встречать с мыслями о России, о её замечательных сынах, о её бессмертии.

Света, при всей суете, занятости, всё же найди время и главное вдохновение вспомнить и записать Олега. Он талантливый, светящийся человек, не только в литературе, но во все дни своей жизни, в каждой поступке. Такие люди рождаются только в России, такие же широкие и светлые, как наша Родина.

Почему я люблю Олега? Не только как прекрасного человека и друга, но и как человека-писателя (не просто талантливого, талантливых много), никогда не поступившегося чувством правды и чести, и только такие войдут в Русский бессмертный пантеон – всё вынесшие и не прельстившиеся соблазнам «чечевичной похлёбки». Где сейчас Катаевы, Кожевниковы, Симоновы, не говоря о Бабаевском, Кочетове и многих других. А имя Олега чисто и свято и поминаемо! Имя его вне конъюнктуры.

Относительно Олега-человека и Олега-писателя родилось чувство возмущения. Кто бы и что ни говорил, Олег в обоих случаях кристально чист, честен и трудно досягаем. Таков он по своей природе. Олег унаследовал концентрат своего славянского народа – возвышенного характера, душевной чистоты и выдающегося ума. Не всем это нравится. Чёрные души, одержимые бесовщиной зависти и алчности, чувствуют себя рядом со светом и одухотворённостью неуютно. Им всё хочется испачкать:

«Смотрите, он такой же, как и я». Не был бы этот пакостник ни мироном, ни этлисом, если бы не бросил в светлое грязью, забыв о том, что к чистому и возвышенному грязь не пристаёт.

С большим удовлетворением отмечаю, что с кровавым прошлым, с безумным насилием над людьми, со сталинизмом покончено. На душе светлее и лучше. Я думаю, что сейчас бы Олег не произнёс горьких слов о том, что «настоящую прозу он не напишет из-за окружающей обстановки». И также думаю: книги Олега, посвящённые лучшим, светлым свойствам человеческой природы – доброте, доброжелательности, отваге, стремлению помочь человеку в его неудачах и повседневных трагедиях, нам нужны и близки, они помогают нам жить и верить в хорошее. Вот поэтому творчество Олега непреходяще. Подтверждением тому служит то, что книгу Олега не встретишь на магазинной полке, даже букинистической. Люди их покупают и оставляют их у себя как путеводители жизни. Всего, наверное, издано более 5 миллионов книг, и все они делают доброе дело».

Таким образом, в единодушной высокой оценке романа «Территория» О.Куваева между такими разными по возрасту, статусу и интеллекту людьми прослеживается связь поколений.

Пункт № 5:

**о том, «скребли ли когтями
здоровенные кошки в душе
геолога, и было ли ему неудобно
перед полевиками?» ***

На этот вопрос Олег Куваев отвечает сам в письмах, написанных им 33 года назад. Письма О.М. Куваева приводятся ниже полностью, без купюр.

А вот пожелтевшие листки писем-компроматов, хранящиеся в архиве О.Куваева, которые направляли «полевики-анонимщики» в журнал «Наш современник» и редакцию газеты «Магаданская правда» в 1974 году, с единственной целью «не пущать, запретить, отменить» издание романа «Территория».

С целью экономии места текст этих писем не приводится, так как суть их ясна из ответов О.Куваева. Указывается только фамилия того, кто написал письмо, и куда оно было направлено. При перепечатке соблюдена вся специфика оформления писем.

**Письмо № 1
Май – июнь 1974 г.**

(Дата указывается ориентировочно)
Куда:

ГЛАВНОМУ РЕДАКТОРУ ЖУРНАЛА
«НАШ СОВРЕМЕННОК»
С.В. ВИКУЛОВУ

(Содержание письма не приводится,
суть его ясна из ответа О.Куваева ниже. –
С.Г.)

От кого:

БЕЛЫЙ ВАСИЛИЙ ФЕОФАНОВИЧ,
с.н.с. СВКНИИ ДВНЦ АН СССР,
685000, Магадан,
Портовая. 16. СВКНИИ
(Личная подпись)

Резолюция на письме:

Переслать автору (для сведения).
С.В. (С.В. Викулов)

Письмо № 2

май – июнь 1974 г.

(Дата указывается ориентировочно)

Ответ О.М. Куваева
на письмо В.Ф. Белого

Редакция «довела до сведения» моего
твое письмо, Василий Феофанович.

Свой комментарий я не смогу выразить
лучше, чем это сказано одной фразой пись-
ма – «поступок непристойный и банально-
постыдный». Добавлю – ещё и поспешный.
Лишь пенсионерской поспешностью, усер-
дием «абы не опоздать» можно объяснить
то, что критика на литературное произведе-
ние (какое бы там ни было) пишется ещё до
того, как окончание его вышло в свет.

Писем таких я ждал, и они ещё будут
приходить. Но среди возможных авто-
ров я мог видеть кого угодно – но не тебя.
Но вывод мой и предсказание были тоже
поспешны. Поразмыслив, я пришёл к ло-
гически неопровержимому выводу, что,
пожалуй, именно ты и должен был его на-
писать. Максимализм и ограниченность
взгляда, которые всегда были у тебя, в со-
четании с действительно вызывающим
уважение профессиональным упорством,
и, я бы сказал, чистота в отношении к ра-
боте – должны были к этому привести. Лю-
дям типа Тильмана наплевать на истинный
местный патриотизм, людей типа Параке-
цова и Городинского может удержать вну-
тренняя интеллигентность, которая всегда
у них была.

Но вернёмся к роману. Территория – это
не Чукотка. Это выдуманная мною стра-
на, которой я придал ряд черт Чукотки.
Нескрою, вначале собирался написать имен-
но историю открытия чукотского золота.

Более семи лет собирал материалы. Намере-
ние своё я не рекламировал, но в самом на-
чале работы меня захлестнул поток писем
от «обиженных первооткрывателей». Каж-
дый хотел «свое место». Я понял, что если
я влезу в подлинную историю, мне никогда
до конца дней не выбраться из кляуз. И я
оставил от Чукотки лишь одного подлин-
но существовавшего человека – Николая
Ильича Чемоданова, к нему я всегда отно-
сился и отношусь с глубоким уважением, и
я жалею и буду жалеть, что перо моё слабо,
чтобы выразить всю сложность этого чело-
века и этого человеческого типа. В какой-то
степени это всё-таки удалось.

Китаева я никогда не видел в глаза и даже
слышал о нём мало. По этой причине он не мог
быть прототипом кого бы то ни было. Случай-
ное созвучие фамилий объясняется лишь тем,
что для данного типа героя мне понравилась
фамилия Монголов. Более того, всё услышан-
ное мной о Китаеве – были сплошные пако-
сти. А Монголов – всё-таки человек порядоч-
ный. Надо сказать, что столь любимые мной
геологи после определённого возраста и, как
правило, после перехода в науку, достигают
уровня интриганства, достойного пожилых
актрис провинциального театра.

О.М. Куваев

Если был бы жив Н.И. Чемоданов, я счёл
бы своим долгом показать ему роман в ру-
кописи. Перед остальными – я не ответстве-
нен. И я хотел сделать подобное предисло-
вие к публикации, но решил, что это будет
пижонским самовыпячиванием. Роман на-
писан не для кучки людей, считающих, что
их «задели». Он написан для сотен тысяч
молодых людей – вон они шляются по двору
– и для моих сверстников, которые сейчас
свели смысл жизни к метражу жилплощади
и сорту мебели. И написан он ради послед-
ней его фразы: «довольны ли вы собой?»
Без двух последних страниц его вообще
не стоило бы публиковать. И, уж поверь, го-
нораров мне хватает, чтобы не зарабатывать

их способом и методом, который я считаю неприличным.

Максимализм всегда ведёт к убеждению «мой жизненный опыт полноценен, опыт других ограничен». И вот я, к примеру, начал свою жизнь в Певеке именно в бараке на 70 коек, и там жили в то время Громыко и Толик Захаров и Виктор Леженко. И нам действительно построили общежитие на месте бывшей конюшни (25-й барак) и рядом была скотобаза, где были ещё не вымершие коровы и пара лошадей там была. Это *мой личный* опыт.

Кстати, то, что всё это было на самом деле, не прибавляет достоинств роману. Я имею полное право включить в него ситуацию, произошедшую в Гондурасе. И «талию, непостижимо расширяющуюся к бёдрам», я видел в Гондурасе – она мне понравилась. А «простого супермена» я видел на Памире в местности Кизил-Рабат.

О геологии. Вариантов романа было шесть. В первых двух была «вся геология», ибо страна Территория у меня имеет карту и соответственно геологическое строение. И так как задача всех переработок – найти наиболее экономное решение, то и «геология» отмерла, выпала, как не имеющая идеологического значения и не работающая на вопрос «довольны ли вы собой».

Я собой недоволен. И недоволен я не тем, что не осветил «истинные образы скромных тружеников». Другое. Вот был в редакцию аналогичный звонок. «Мы, пенсионеры, всю жизнь проработали на Колыме. У нас не было этих ужасов, не было работяг под кличками, Куваев чернит нашу колымскую действительность. Не было у нас барачников: Мы жили в комнатках на двоих и на четверых». О, плебейское счастье! Их оклеветали! Они жили не в бараке, а четверо в комнатке! И кличек не было. Не было ни лагерей, ни мордоворотства – были скромные труженики прямо с плаката.

Как автор я виноват в том, что я умолчал. А умолчал я не по трусости, а по той причине, что тема жестокости для писателя тема спекулятивная. И, если ты не прошёл это своей шкурой, ты не вправе об этом писать.

Но и опять всё это частности. То, что эмоциональный заряд романа сработал – подтверждают письма, которые лежат у меня в столе. Писем этих будет сотни. И если кому-то захочется жить честнее и лучше – то и полученный мной гонорар оправдан.

И последнее. Страна Территория у меня создана, население её есть, и я ещё много раз к вящему раздражению твоему буду о ней писать. Деловой совет – не надо в следующий раз писать, пусть обдуманно и со многими черновиками, не надо писать одному. В этом

случае это просто попадёт ко мне с пометкой: «Олег Михайлович, примите к сведению» Уж ежели есть страсть работать в жанре возмущённого пенсионера, надо писать:

«От имени и по поручению коллектива...»
Фофанов, Дудкин, Хрулёв. Чины, звания, стаж.

В этом случае Олег Михайловича и на ковёр могут вызвать. И это даст мне ещё раз возможность высказать убеждение, что не итальянскими кофточками, не французскими диванами и жратвой, не чинами жива наша нация. И сказать также о том, что эпидемия мордоворотства может быть страшнее войны. И эту эпидемию поддерживают своими спинами заслуженные ветераны, и ты в том числе.

Я всегда считал, что геология, как профессия, связанная непосредственно с природой, приводит к эмоциональному обогащению человека и расширению философских оценок жизни. Именно поэтому среди коллег я видел столько ярких людей. Но это правило, как и всякое, работает не всегда. Ты в этом меня убедил.

Без уважения.
Олег Куваев (*Личная подпись*)

Письмецо-то я сохранию. И буду рад случаю показать его тебе лет эдак через пятнадцать-двадцать. И вот беда – я всегда буду тут в выигрышном положении. Как профессиональный литератор я «держу на булавке» судьбы и биографии сотен, может быть тысяч знакомых людей. Идут годы, и сведения о них у меня постоянно пополняются. Есть на такой булавке и ты. Я часто думаю об этих людях, их развитии. И твоё действительно постыдное письмо – вклад в твою биографию, для меня неожиданный и, следовательно, очень эту биографию обогащающий. Избави бог, я нигде и никогда не напишу о герое, прототипом которого будет В.Ф. Белый. Но сведения «о людях вообще» ты мне обогатил. И в этом мой выигрыш. Письмо я написал не для того, чтобы отлаяться. Это ни к чему. Просто нас связывают некоторые общие мемуары, и я счёл своим долгом ответить. Надежд на то, что ты задумаешься над поступком, у меня так же, пожалуй, нет.

Но был случай. Роман в рукописи прочёл Герман Борисович Жилинский. Он увидел себя в Катинском, и мы крепко поспорили при встрече. Но у него хватило души прочесть роман по публикации полностью и прислать мне извинительное письмо. «Я был не прав, и мои личные претензии к Катинскому не имеют никакого значения к общей задаче романа».

Историческая справка.

Историк Берсенева, виднейший в своё время специалист по военной истории, написал по выходе романа «Война и мир»: «Военные события, изложенные графом Толстым в романе «Война и мир», написаны с точки зрения поручика, побывавшего на Севастопольской обороне. И вся стратегия изложена с точки зрения поручика. Багратионовы же флешы весьма напоминают севастопольские редуты, на которые захаживал граф Толстой».

И что же?

Письмо № 3
19 августа 1974 г.
№ 2205

(Дата и номер написаны карандашом)

Куда:

В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА
«НАШ СОВРЕМЕННОК»
ГЛАВНОМУ РЕДАКТОРУ
т. С.В. Викулову

(Содержание письма не приводится, суть его ясна из ответов О.Куваева, В.Марченко ниже. – С.Г.)

От кого:

М.ГОРОДИНСКИЙ –
главный геолог
Аньюйской комплексной
геологоразведочной
экспедиции Северо-Восточного
геологического управления
п. Билибино, Магаданской области
(Личная подпись)

Резолюция на письме:

Куваеву.
С.В. (С.В. Викулов)

Письмо № 4
21 августа 1974 г.

Ответ из редакции журнала
«Наш Современник»
на письмо М.Е. Городинского
п. Билибино, Магаданской области
Аньюйская КГРЭ – тов. ГОРОДИНСКОМУ
Уважаемый тов. Городинский!

По существу Вы уже сами ответили на вопросы, поставленные в Вашем письме: «Я понимаю, что право автора к обобщениям, искажениям и типизации образов и событий являются неотъемлемыми». Оговоримся только: «*право не на искажения, а на домыслы и вымыслы*». К тому же О.Куваев написал не хронику из жизни геологов, не документальную повесть, а художественное произведение – роман – со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Для более полного ответа пересылаем Ваше письмо автору «Территории», кото-

рый сам длительное время работал геологом на Чукотке.

Спасибо за внимание к журналу.

Всего Вам доброго.

Зав. отделом прозы (В.Марченко)

Письмо № 5
август – сентябрь 1974 г.
(Дата указывается ориентировочно)
Ответ О.М. Куваева
на письмо М.Е. Городинского

Уважаемый Марий Евгеньевич!

Редакция «Нашего современника» переслала мне Ваше письмо, на которое Вы, вероятно, уже получили редакционный ответ. Считаю нужным добавить ответ и от себя, ибо отношусь к Вам с уважением, которого Вы заслуживаете как ветеран чукотской геологии.

Я не являюсь историком освоения Чукотки или историком геологического исследования её. Я – прозаик чистой воды и даже очерки отказываюсь писать, несмотря на все просьбы многочисленных редакций.

Был период, когда я действительно хотел написать историю открытия чукотского золота. Работа подобного рода требует скрупулёзности вероятно большей, чем составление геологического отчёта. Материалов у меня были многие папки, но я счёл их недостаточными и начал копать очевидцев с самых дальних времён. В результате я оказался в таком море интриг, склок, самолюбий, что понял – если я опубликую подобную работу, мне не выбраться из дразг до конца своих дней. Я не Тильман, и у меня нет позыва орать на многочисленных конференциях, отстаивая неизвестно чью точку зрения.

Посему выбрал точку зрения свою и написал роман – сугубо художественное произведение, прототипы которого собраны из Прибалтики, с Памира, в Москве и на Чукотке.

Если бы на титуле стояло имя другого автора, о котором Вы не слыхали, который, как Вы установили бы, никогда не бывал на Чукотке – Вы и думать бы забыли об аналогиях. Я не следовал исторической правде. Но у меня хорошая память. С каким бы удовольствием я прокрутил бы сейчас магнитфонную плёнку многим критикам – всё что они говорили о Драбкине, о Чемоданове и так далее.

Но если бы этого не было – у художественного произведения свои законы. Оно требует конфликта и если бы не было Драбкина, Чемоданова и так далее, я должен был бы их выдумать. Единственный человек, перед которым я чувствовал ответственность как

автор, был Николай Ильич Чемоданов. Ему рукопись я считал бы своим долгом показать до публикации. К сожалению, я долго над ней работал и Н.И. Чемоданов умер. Это был большой человек при все своих недостатках и мне искренне жаль, что его нет в живых.

Вы образованный человек, Марий Евгеньевич. Вы знаете, что романы пишутся для миллионов читателей, которые не имеют представления о том, что Вы, В.Ф. Белый и другие существуют на свете. И знать об этом они никогда не будут. Ответственность автора не в том, чтобы не дай бог не обидеть кучку людей, которые взяли себе «монополию на знание Чукотки». Ответственность его перед миллионами и в тех идеях, которые он старается высказать. Неужели это не ясно?

Как признание этого – письма, которые я получаю не от «обиженных» в мелочной привязанности к мелочным фактам частного бытия, а от читателей, причём очень много от геологов. Их резюме: «наконец-то написана путная книга о геологах». В годы за сорок пора уже понять простую истину: твои поступки, факты твоей жизни имеют значение лишь в том аспекте, в каком они связаны с обществом: Всё остальное для твоей кухни и для твоих близких, твоя частная жизнь. На себя я смотрю так.

И я писал не о Чукотке: Я писал всё-таки о вымышленной стране Территории. О том, что «Куваев должен был отнестись с большей ответственностью», я уже сказал. Ответственность моя была столь велика (перед читателем), что роман я переписал полностью семь раз, из них три раза уже после того, как он был принят к печати.

При последних переделках, кстати, исчезла и легальная геологическая фактология. Она нужна была для десятка, может быть, лиц, работавших когда-то на чукотском золоте. Но она же затемняла главную идею и мешала ей. Я убрал это без сожаления как отслужившую роль и отмершую служебную часть.

Итог: настоятельно прошу рассматривать написанное мной как роман, а не как историю открытия чукотского золота.

Второй итог: свойством каждого развитого ума является вопрос, задаваемый себе – прав ли я? Я со своей стороны, именно имея в виду «ответственность Куваева», думаю, что в дальнейших изданиях надо будет ещё раз-два переписать. И не в сторону приближения к частным чукотским реалиям, а в удалении от них.

Желаю всего лучшего,

О.Куваев
(Личная подпись)

Опубликование романа «Территории» оказало мне как профессиональному лите-

ратору неожиданную помощь. Я вдруг осознал тезис: «человек меняется от рождения до смерти».

У меня было эдакое кондовое представление о чукотских патриархах. Туда входили Вы, В.Ф. Белый и ряд других людей. Но вот в редакцию пришло письмо Белого, написанное в столь злобно-пасквильном духе, столь поспешно, что если бы не подпись его, я поставил бы на пари свой годовой оклад, что это не он. Я бережно храню этот «документ». Ибо в нём зафиксировано развитие личности, которую я знаю с институтских времён.

К Альберту Мифтахутдинову – секретарю Магаданского отделения Союза писателей глубокой ночью зашли «три пьяных кандидата наук». Фамилий он мне не написал, видимо, по договорённости. Они показали ему две папочки. «Вот в этой компромат на Куваева». «А вот в этой папочке компромат на роман». «Мы знаем, куда это послать».

Бог мой, бог мой! Я не знаю фамилий этих «трёх пьяных кандидатов наук» и не буду их узнавать. Но я от души желаю им отправить папочки, куда они сочтут нужным. Пусть познают сладость сбора «компромата», радость морального уродства. Наверное, это поможет им самоутвердиться на какой-то зыбкой платформе. А это, в свою очередь, может быть, поможет понять зыбкость этой платформы и поможет понять истину, что твёрдые грани бытия находятся вовсе в другом месте.

Для литератора же, повторяю, подобные анекдоты жизни – драгоценный подарок в копилку знаний о людях.

И всё-таки прошу, Марий Евгеньевич, знать на будущее: у художественной литературы свои законы. Я потратил много лет, чтобы понять: они существуют объективно. Посему художественное произведение отличается от реальности так же, как живопись от фотографии. Все попытки многих авторов следовать «точно под жисть» всегда приводили их в тупик. Это не оправдание, мне не в чем оправдываться, это разъяснение простых вещей, известных каждому интеллигентному человеку. Как Вы жили в Певеке – факт Вашей личной жизни. Ваше частное дело. Как жил на Территории Монголов или Гурин – факт литературный.

Письмо № 6
ноябрь 1974

(Дата указывается ориентировочно)

Куда:

Письмо в редакцию по поводу статьи Б.Некрасова «А территория-то наша» («Магаданская правда», № 250, 1974 г.) (Содержание письма не приводится, суть его ясна из ответов О.Куваева, О.Онищенко ниже. – С.Г.)

От кого (см. в окончании письма ниже):

«...Поэтому мы, двадцать и более лет тому назад начавшие на Чукотке («Территория») свой путь в геологии и жизни Северо-Востока, убедительно просим предать гласности и наше мнение о творении О. Куваева: **И.Е. Рождественский** – начальник геологического управления объединения «Северовостокзолото», Герой Социалистического Труда, **А.А. Сидоров** – зав. лабораторией СВКНИИ, **В.Ф. Белый, В.И. Копытин, Ю.А. Травин** – научные сотрудники СВКНИИ, **М.Е. Городинский** – главный геолог Анюйской КГРЭ; **Г.И. Паракецова, К.В. Паракецов** – геологи ЦКТЭ СВТГУ».

Письмо № 7
11 ноября 1974 г.

**Ответ из редакции газеты
«Магаданская правда»
на письмо группы товарищей
(перечисленных в конце письма № 6)**

Уважаемые товарищи!

В своём письме в редакцию по поводу романа Олега Куваева «Территория» вы считаете его произведение «очень слабым». Существуют и другие мнения. В своём докладе на пленуме правления Союза писателей РСФСР Ю. Бондарев говорит о романе как о заметном явлении в нашей литературе и ставит его в один ряд с лучшими произведениями («Литературная Россия», 10 мая с.г.), рецензент «Литературной газеты» В. Шапошников («М», 17 июня 1974 г.) придерживается такого же мнения. Наконец, автор рецензии в «Магаданской правде» Б. Некрасов тоже высоко оценивает этот роман О. Куваева. У нас нет оснований считать этих товарищей необъективными или некомпетентными в вопросах литературы.

Что же касается ваших конкретных замечаний по роману, то за автором художественного произведения (не документального, каковым «Территория» и не является) остаётся право выбирать в жизни прототипов своих героев. К стати, история литературы знает немало примеров аналогичных конфликтов, и все они решались в пользу писателей.

Конечно, новый романа О. Куваева не лишён недостатков, о чём говорили и рецензенты. Но это не даёт повода перечёркивать интересную работу писателя.

С вашим отзывом мы ознакомили О. Куваева и Б. Некрасова.

С уважением.

**Зав. отделом культуры –
(О. Онищенко)**

Приписка от руки:

Привет, Олег!

Посылаю тебе всё, что у нас появилось по поводу «Территории». Ну и коллеги у тебя!

Привет Юр. Вас. (Юрию Васильеву. – С.Г.)

О. Онищенко (Личная подпись)

Письмо № 8
ноябрь 1974 г.

(Дата указывается ориентировочно)

**Ответ О.М. Куваева
на письмо О. Онищенко –
Зав. отделом культуры газеты
«Магаданская правда»
(на письмо группы товарищей,
перечисленных
в конце письма № 6)**

Олег!

Во-первых, спасибо тебе за письмо, присланное из Беринговского. Я не ответил на него лишь по той причине, что не знал куда ответить. Но об этом после.

Во-вторых, спасибо за присланные материалы и ответ авторам письма. Твой ответ мне представляется наиболее умным, точным и корректным ответом из всевозможных вариантов. Я искренне уверен в том, что на *твою личную позицию* при этом не повлияли ни публикация статьи в «Комсомольской правде», затем в «Правде». Позиция же газеты, я сам понимаю, дело зыбкое. Ну и так как над ответом пришлось трудиться всё-таки тебе и есть твоя личная приписка с оценкой коллег моих бывших, то позволь мне изложить мою позицию с оценкой романа, письма.

Письмо ведь не первое. Два из них (первое, написанное в состоянии предынфарктной ярости) поступило сразу по выходе первой части романа от В.Ф. Белого в редакцию «Нашего современника». Затем пришло письмо от М.Е. Городинского – более спокойное и выдержанное. Каждому из них я ответил лично в соответствии с тоном, стилем и духом их писем. Редакция послала им примерно то же, что написал ты, но, так сказать, ниже сортом была послана бумага. Редакцию «Нашего современника» эти негодующие покорители тундр как-то мало интересуют. Редакцию интересует проза и смысл, заложенный в ней.

Моя личная оценка романа весьма невысока. Писал я его для последнего абзаца и к этому вёл. Видимо, я угадал некую потребность времени, потребность людских душ и совести их – этим и объясняется «популярка». Я много кем был, или могу быть, единственно, чем или кем не был и не способен быть – это циником. Я думаю, что цинизм – это смерть.

Именно боль за души нынешних тридцати-пятидесятилетних и заставила меня написать «Территорию». Там действительно нетрудно угадать прототипы. Это моя личная и честная оценка того, что я о них думал и думаю. Того, что они говорили друг о друге, того, что (все без исключения) авторы письма говорили о Драбкине в частных беседах со мной же. Заметь, что среди авторов письма нет ведь «просто геолога», просто «работяги», просто «техника». Все с титулами.

Получение титулов происходило на моих глазах. Человеку титул или просто дают, ибо это его цена, либо к нему пробиваются. А когда пробиваются, обязательно что-то теряют. Но я никогда не думал, что потери могут быть столь велики. С этой точки зрения я благодарен (искренне) авторам письма за то, что они открыли мне новые стороны человеческой психики. Я всегда идеализировал «полярную братию» и в том меня часто дружески упрекали умные и дельные критики. Они говорили мне о том, что мне не хватает беспощадности конфликтов, беспощадности высот взлётов и глубин падения. Они были правы.

Я давно заметил, что когда человек достигает определённого порога («мы двадцать лет отдали делу освоения С-В»), к тому же его личная самооценка подогрета газетами, добытыми званиями и игрой в науку, у него вдруг возникает потребность, чтобы его «увековечили». Иногда просто он требует, чтобы его увековечили. Иногда желает этого молча. Много, много этого прошло перед моими глазами.

Любой сколь-нибудь умный и сколь-нибудь талантливый человек с годами обретает лишь сознание – сколь мал его ум, мал талант, мал опыт и чем дальше, тем больше это сознание собственной ничтожности и неумелости. Иное дело посредственность. Она «...мы двадцать лет...», она достигла, она... И вдруг эта самооценка нарушается неким романом. Да к тому же этот роман хвалят. Ответная реакция одна – ярость. Есть в этом нечто жалкое и склеротическое. Особенно жаль мне В.Ф. Белого. Он действительно многое сделал. Он действительно был прост и упрям. Кстати, прототипом Баклакова является именно он, а не О.Куваев. Просто я не знал его детства и посему вынужден был прицепить часть биографии своей и знакомых мне биографий.

Но Баклаков взят именно с В.Ф. Белого – вот ирония – ведь именно он-то и является инициатором всех этих бумаг. Баклаков ведь не умён и не будет умён с возрастом.

Кстати, можешь быть уверен, *они не успокоятся* (выделено С.Г.). Благо была статья в «Правде» – пропасть не дадут.

Литература – занятие жестокое и временами жутковатое. Смерть собственной мамы опишешь, если потребуется. Ну и то, что ты прав был в ответе, подтверждается десятками писем от «просто геологов», кстати, и с Чукотки так же. Все они говорят «спасибо» за то, что появилось нечто правдивое о геологах, и в сочинении сем профессия сплетена с тем, что именуется смысл жизни. Я не писал роман о Чукотке, не писал его о геологах, это не сочинение на золотоискательскую тему, я пытался (и буду пытаться) ответить на тему *«зачем все мы, ребята, живём»* (выделено С.Г.).

По роману будет фильм. Я уже вижу, хотя до выхода его минимум года полтора, что фильм будет дерьмо. Ну да ладно. Может, из миллионов читателей и зрителей, хоть пара тысяч задумается. Тогда я своей цели достиг.

Письмо это я отсылаю с припиской «личное», но, зная нравы города Магадана, я всё личное параллельно отсылаю на твоё имя на главпочтамт до востребования. Пожалуй-ста, зайдёшь.

С искренним уважением.

Олег
О.Куваев
(Личная подпись)

Вот теперь и нам известны имена тех, кто скрывается под именем «полевикув-анонимщиков» в очерке Е.Сычёва «За что полевики невзлюбили Олега Куваева». И действительно «они не успокоились», как и предугадывал Олег Куваев, что подтверждает вышеназванный очерк.

*О творческом наследии
О.М. Куваева
Справка № 1*

ВРЕМЯ – «День вчерашний...»:

Олег Михайлович Куваев (12.08.1934 – 08.04.1975) – геолог, писатель. Им написаны 2 романа, 9 повестей, более 20 рассказов и очерков, статьи, тексты публичных выступлений, записные книжки.

При жизни писателя вышли все его 7 книг, в последующие годы его произведения многократно переиздавались в СССР, а затем и в России, в центральных и в региональных издательствах, в странах СНГ и за рубежом.

Произведения Олега Куваева переведены более чем на 20 языков, в том числе: английский, французский, немецкий, испанский, финский, японский, арабский, вьетнамский, польский, чешский, словацкий, венгерский, болгарский и на некоторые языки стран СНГ.

Всего вышло 76 книг с произведениями О. Куваева, из них 50 книг с романом «Территория». Журнальных публикаций на русском и иностранном языках около 100. Общий тираж изданий составляет более 5 миллионов экземпляров.

Пункт № 6:

«...рассудить и всё поставить на свои места может только один судья – время» *

Известно, человек высказывая своё мнение по тому или иному предмету, прежде всего обнажает свой внутренний мир, проецируя его на объект интереса. И никому не возбраняется иметь своё мнение и высказывать его публично, будь оно позитивное или негативное.

Что побудило кучку полевииков обнародовать своё «особое мнение» о романе Олега Куваева «Территория» – вполне понятно. Это желание увидеть *напечатанными* в прессе, хотя бы и 33 года спустя, свои т.н. «мемуарные компроматы», которыми они бомбили, оголтело направляя их во всевозможные органы печати, и, возможно, в те учреждения, архивы которых до сих пор хранятся «за семью печатями», и всякими способами мешали выходу романа «Территория». Однако, несмотря на все их старания, роман живёт, переиздаётся, читается миллионами читателей, освещая дорогу к поиску смысла жизни не одному поколению молодых людей.

Что побудило соседа-анонимщика опубликовать свой пасквиль исподтишка, но публично, оскорбляя грязными словами другого человека, называя его по фамилии, но при этом скрывая своё имя, что даже не знаешь, кому «бросить перчатку в лицо», чтобы защитить честь и достоинство человека, давно покинувшего этот мир интриг и страстей, оставив нам, живущим, свои произведения, которые востребованы вот уже в течение почти полувека и поныне, – тоже понятно.

Это желание, наконец-то, взять реванш, хотя бы и плевком в могилу! Но такой поступок, прежде всего, характеризует самого плюющего, т.е. соседа-анонима, душа которого темна и завистлива, и злоба застит ему глаза, ибо человек со светлой душой не будет копить годами свою желчь и злобу, чтобы выплюнуть грязные пасквильные слова в могилу ушедшего. Да и аноним ли он теперь, когда все имена нам уже известны?! Выбор-то не очень велик, и вычислить, кто автор этого пасквиля, не очень-то сложно!

Но – это их «день вчерашний». Посмотрим теперь на их «день сегодняшний».

И вот что мне непонятно *сегодня*. Зачем 33 года спустя очеркисту писать и печатать очерк без документальной конкретики, когда само время уже доказало всю несостоятельность подобных обвинений? И использовать при этом какой-то кликушеский язык и оскорбительные, злые слова, годами копившиеся у соседа-анонима, и исторгать их на страницы журнала с помощью своего пера? – Непонятно! Точно так же как автору документального очерка не делает чести и то, что фамилия плюющего в могилу (на чьи слова и мнение ссылается автор), им не обнародована, в то время как личность человека, которого оскорбляют, указана.

Очерк этот настолько меня ранил, что я не могу не задать вопрос: «Зачем он был вытянут из грязи «вчерашнего дня» и напечатан сегодня?»

Предполагаю, не иначе как, чтобы, спекулируя именем известного писателя, привлечь скандалом внимание к своей персоне! Так это дешёвая слава! А то ведь, читатель мог бы и не заметить какого-то дебютанта довольно скучных, бесцветных, не запоминающихся очерков об островах, особенно после яркой, блестящей, интересной по событиям, написанной очень хорошим литературным языком документальной повести «Золото Черских гор» Дмитрия Асеева, если бы не скандальная статья о Куваеве.

Так что несёт этот очерк сегодня? Ложь и клевету, очерняющую книгу, которая признана всеми, кто прочёл её. Очерк несёт духовное разрушение человеку и ощущение, как будто и сам участвуешь в чём-то непристойном, читая его. Так что дебютанту не мешало бы крепко и *ответственно* подумать, прежде чем писать, что хочет он сказать в своих работах людям, какие идеи он им несёт? Или хотя бы поучиться «ответственности перед читателем» у автора «Территории».

Если бросить на «чашу весов времени» мнение «полевииков», чтобы узнать, чего оно стоит сегодня, то за эти годы их мнение заинтересовало всего лишь одного человека, который «как полевик присоединился к мнению товарищей» и полностью его разделяет. Поэтому-то и появился этот пасквильный очерк. Но мнение их направлено не на созидание «грядущего дня», а на разрушение.

А время-судья давно уже сделало свою строгую объективную оценку прозы Олега Куваева, давно всё расставило по местам! Только почему-то этого дебютант не заметил. А зря! Для этого ему надо было всего-навсего выглянуть из окна соседской кухни. И оглядеться вокруг...

Говорят, Магадан – город особый. И закрытый. Но не настолько же он «закрыт», чтобы веяние времени не достигало умов, глаз и ушей некоторых его жителей и очеркиста в том числе, и они не заметили бы очевидные события на литературном поле страны, произошедшие за последние без малого 35 лет, чтобы сегодня утверждать в своём очерке, что роман «Территория» написан в «угоду властям» и «на потребу всякой сволочи».

Роман писался не в «угоду властям», так как там нет ни одного даже «просто коммуниста», а не то что каких-либо партбоссов высоких рангов. А он написан был, как известно, в то советское – коммунистическое время, когда ни одно современное произведение не обходилось без идеологической пропаганды компартии. А роман «Территория» – обошёлся! И даже был отмечен. Вот, ведь, в чём парадокс!!!

И написан он не «на потребу всякой сволочи», что доказывают факты постоянного непрекращающегося читательского интереса к «Территории». А факты – всё же, вещь упрямая, и они говорят сами за себя. И только духовно обделённые люди не могут не замечать этого.

Так что же в итоге приобрела и что потеряла за эти годы кучка «полевиков», пытавшихся запретить издание «Территории»? Приобрела она (как говорилось выше) всего-навсего один-единственный «голос», очеркиста, и желчь, копившуюся годами: чтобы плюнуть в могилу писателя с помощью пера дебютанта, настроившего этот очерк. И этим очерком, пропитанным ядом мелочного мщения, вы бросаете оскорбление не только в адрес ушедшего писателя, но и миллионам его читателей, обзывая их «сволочами», за их любовь и преданность прозе Олега Куваева.

Но ветер перемен в сегодняшней России самой жизнью швырнул назад этот плевок в лица плюющих, и там он останется теперь уже навсегда! Так как прошли те времена, когда можно было безнаказанно гнобить таланты и держать в «идеологических клещах» читательский интерес!

Олега Куваева уже 32 года не задевают никакие наветы завистников. Они, завистники, вместе с теми, кто «гнобил» (опять-таки, в Магадане – Магадане!!!) начинающего писателя в 61–64 годах прошлого века, своё чёрное дело уже сделали! – 8 апреля 1975 года (спустя всего четыре месяца после писем-компроматов в мае – ноябре 1974 года), сердце у «среднего геолога», как сказано в очерке, и всемирно известного писателя Олега Куваева не выдержало, и он ушёл из этого мира. И тому, в сторону кого

был сделан сей плевков, сейчас уже всё ни-почём! А плевков этот – на совести живущих, ибо плевать в могилу ушедшего не по-человечески, не по-христиански, и надо помнить это каждому, ибо все мы – смертны. И каждому предстоит свой Высший Божий Суд! И... суд потомков.

А вы ещё говорите: «В России писателю надо жить долго...» Но, чем изрекать и так давно уже всем известные истины, не лучше ли было бы каждому из нас задуматься, нет ли и его личной вины перед ушедшими? И!.. по крайней мере, хотя бы сейчас, сегодня, попросить у них ПРОЩЕНИЯ, а не продолжать мучить их своими пасквилями.

О творческом наследии О.М. Куваева Справка № 2

**ВРЕМЯ – «День вчерашний...»
(продолжение):**

По произведениям и сценариям О.Куваева сняты фильмы, поставлены театральные спектакли, записаны радиопостановки.

По роману «Территория» в московском театре «Современник» был поставлен спектакль «Риск» (пьеса В.Гуркина, постановка Г.Волчек и В.Фокина, 1984). Театральные спектакли по роману «Территория» шли многие сезоны в Магаданском, Красноярском и Петрозаводском драматических театрах. По мотивам романа был снят художественный фильм «Территория» (2 серии). «Мосфильм». 1979. Сценарий О.Куваева, режиссёр А.Сурин.

Другие работы в кино:

телевизионный фильм «Берег принцессы Люськи», «Беларусьфильм», 1970. Сценарий О.Куваева (по одноимённому рассказу);

телевизионный фильм «Идущие за горизонт» (2 серии). «Беларусьфильм», 1972. Сценарий О.Куваева (по повести «Тройной полярный сюжет»), режиссёр Калинин;

художественный фильм «Бросок». «Таджикфильм», 1976–78. Сценарий О.Куваева (по рассказу «Телесная периферия»). Режиссёр А.Тураев.

Кроме того, по сценариям О.Куваева снят ряд документальных фильмов: «Люди тундры и моря», «В стране неторопливых людей» и др.

Радиотеатр: «Территория» (запись 1976), входит в «Золотой фонд», радиопередача ежегодно передавалась в День Геолога (за исключением нескольких последних лет). Рассказы «Через триста лет после радуги» (читает В.Соломин), «Приезжай по старому адресу», по рассказу «Здорово, толстые!» (читают В.Сулимов, В.Кулюхин).

Пункт № 7:**Олег Куваев: «Зачем все мы, ребята, живём?»**

Чтобы обрести душевное равновесие после пасквиля Е.Сычёва, я вновь перечитала (в третий раз!) независимое суждение ранее незнакомого мне автора Валерия Целнакова в его эссе «Трубач у ворот зари». Перечитываемая Куваева («Колымские просторы» № 1–2, 2005).

Внутренний мир В.Целнакова, геолога, магаданца, необыкновенно богат и разнообразен, таким он и проецируется в своём мнении, высказанном в этом эссе. Здесь, как говорится, «ни прибавить, ни убавить». Каков человек – таков и его взгляд на окружающий мир, произведения литературы и искусства.

Благодаря его человеческим качествам, пытливому взгляду, философскому подходу к литературе – «зреть в корень», способности пропускать всё через своё сердце и умению ярко всё это выразить, он помог и мне увидеть в творчестве Олега Куваева то, что было раньше скрыто от меня. Даже мне, при всём моём многократном чтении романа, не дано было так ёмко объять и воспринять мир «Территории», как это сделал В.Целнаков. Для этого надо обладать особенным свойством души и иметь большой опыт жизни и работы на Севере, опыт геолога.

После прочтения эссе «Трубач у ворот зари» остаётся очень светлое, хорошее чувство, как бы духовное очищение, от грязи, осевшей на душе после очерка Е.Сычёва, о котором говорилось выше. Я вчитывалась по несколько раз в каждую строчку эссе, чтобы лучше понять глубинный смысл автора, поскольку каждая из них несёт в себе скрытый подтекст. А поняв смысл, испытывала душевный восторг от авторского, пронизательного понимания романа и философии Олега Куваева. Я преклоняюсь перед этим человеком за то, что он своей статьёй о работе писателя несёт свет и жизнь людям следующего за нами поколения, передаёт духовный огонь от очага, зажжённого Олегом Куваевым. Спасибо Вам за труд Вашей души, уважаемый Валерий Леонидович!

И вдруг мне стало жалко этих «полевиков» вместе с автором очерка «За что полевики невзлюбили Олега Куваева», что из-за своей зашоренности, ограниченности видения мира, им так и не дано было понять всё величие романа! Его духовную суть! Ну что тут поделаешь?!

Трудно даже на миг себе представить последствия того, если бы в угоду кучке людей, рассылающих компромат в 1974 году,

роман «Территория» Олега Куваева не увидел свет. А миллионы читателей-россиян (и не только) лишились бы целого пласта культуры. И книги, на которой воспитывалось и продолжает воспитываться не одно поколение страны.

Когда О.Куваев в самом начале предлагал роман в издательство «Молодая гвардия», он так и сказал: «Я принёс вам «Как закалялась сталь» нашего времени». Так это впоследствии и произошло.

После выхода романа «Территория» молодёжь ринулась поступать в геологоразведочные институты, ехала на Север (откуда нам многие писали); в МГРИ проводились ежегодные вечера памяти писателя и создавались горнолыжные спортивные клубы и соревнования имени О.Куваева; образовывались школьные народные музеи, где проводились и проводятся куваевские чтения; создавались юношеские литклубы «Розовая чайка»; написаны десятки тысяч школьных сочинений (стихов, песен в том числе) о творчестве О.Куваева, по его произведениям и по главному из них – роману «Территория»; читатели целыми классами, группами и в одиночку приезжали из разных уголков страны, приходили в комнату (в коммуналке), где жил и работал писатель, чтобы посмотреть, прикоснуться к его письменному столу, машинке, за которой он работал, книгам, которые читал, проникнуться его духом, подумать о себе, чтобы дальше жить с этим светлым чувством одухотворённости, сопричастности к богатому духовному миру писателя.

Не все, конечно, они стали геологами или литераторами, но то, что они стали настоящими людьми, так это точно! Заслуженный учитель России А.А. Коняев, создавший в 1978 году школьный народный музей Олега Куваева в школе, где он работал (г. Королёв, М.О.), и с тех пор воспитывающий своих учеников на произведениях писателя, отслеживал судьбы своих выпускников, и может подтвердить, что никто из них не свихнулся в жизни, никто не ушёл в криминал.

И движение это – *стихийно*, подчёркиваю, ибо исходит оно от самих читателей – почитателей творчества О.Куваева. И тем оно ценно! И тем оно живо! Имя писателя и память о нём живёт не только в названных в его честь улицах, библиотеках, музеях в Поназырево (Костромской области), Вятке, Королёве, Москве, Певеке, Анадыре, Магадане, но главное живёт в сердцах и памяти благодарных ему потомков. Благодаря мощи духовной, оставшейся в книгах, Олег Куваев жив и поныне в спасённых

им душах вчерашних, сегодняшних и грядущих поколений.

О творческом наследии

О.М. Куваева

Справка № 3

ВРЕМЯ – «День сегодняшний и... день грядущий...»:

В декабре 2005 года в издательстве «Художественная литература», Москва, вышло Собрание сочинений О.Куваева в трёх томах (90 листов). Данный трёхтомник представляет собой самое полное издание писателя. В него вошли не только все его произведения, но и обширное уникальное эпистолярное наследие. Летом 2007 года издательство «Художественная литература» планирует выпустить дополнительный тираж трёхтомника.

В 2006 году вышел 4-й том Антологии вятской литературы. Вятский рассказ XX века. В него включён рассказ О.Куваева «Два выстрела в сентябре».

В 2006 году заключён договор о переиздании романа О.Куваева «Территория» с издательством «Мангазья», «Детская литература», Сибирское отделение.

2007 год. В настоящий момент ведутся переговоры с издательством «Время» о переиздании произведений О.Куваева, и в первую очередь романа «Территория».

Так что пожелание нынешних двадцатилетних о том, чтобы «Территория» «должна быть в каждом первом доме, а не в каждом втором, как это есть сейчас», может быть, и исполнится.

Само время и жизнь ещё и ещё раз подтвердили, доказали слова писателя: «Территория» – не для узкого круга людей, проживающих на местности, о-о-о-чень похожей на страну Территорию. И нечего этой «кучке полевиков» выискивать в ней некие прототипы и проводить какие-либо аналогии.

Ибо если вы *сами* внутренне ещё не созрели для своего духовного возрождения, то делать вам на этой Территории нечего! Страна Территория открыта только для одухотворённых людей, которые хотя бы раз в жизни задают себе вопрос: «зачем все мы, ребята, живём?» и «довольны ли вы собой?»

И вновь обратимся к Духовному наставнику Олега Куваева – Андрею Петровичу Попову, который поддерживал его с самых первых робких шагов в литературе и бесконечно верил в большой талант и бессмертие писателя.

**Из писем А.Л. Попова С.А. Гринь:
1975 – 2007 гг.**

Вот его слова:

«Трёхтомник («Худлит», М., 2005. – С.Г.) Олега – это событие, когда струя свежего воздуха вдруг хлынет в душное помещение, где трудно дышать. Конечно, тираж мизерный, но и это что-то значит для людей, в особенности молодёжи, сбитой с толку ежедневными порциями отравы – насилия, порнографии, духовного стриптиза и всех форм наглости и грязи.

Света, я, наверное, не смогу 8 апреля побывать у Олега. Прошу тебя поклониться ему и передать ему: мы его любим и чтим, как человека и писателя, и жалеем, что его нет с нами в это трудное для России время.

Сейчас страна, люди, жизнь, литература взбаламучены, всё подвергается новому взгляду и переоценке, многое изменится, много мутного и лживого унесут дурные воды и жизнь войдёт в берега, а Олег, память о нём, о его чести и достоинстве, таланте – свежем и ясном останется пока будет стоять Россия, а это будет всегда».

Из произведений О.Куваева:

«...Только тревожно бывает весной. Снег тает... и хочется куда-то идти. Вот так шёл бы и шёл по России, на местность смотрел и встречался с разным народом...»

P.S.

В данной статье я не защищаю имя Олега Куваева, так как имя его не нуждается в защите – его духовное наследие, востребованное как «днём сегодняшним», так и «днём грядущим», говорит само за себя.

Написала я эту статью с единственной целью, чтобы люди, сказавшие и написавшие эти пасквильные слова, вынесенные в заголовки пунктов (№№ 2, 3, 4, 5, 6) (имена которых я обнародовала выше, достав их письма за 1974 год из архива О.Куваева), устыдились своих «непристойных и постыдных поступков». А прочитав свои слова из очерка и писем-компроматов вместе с ответами на них, подумали и ответили не нам, миллионам-«сволочей» (как сказано в очерке), а *самим себе*: «Довольны ли вы собой?» И... может быть, покаяться...

Не знаю, будет ли напечатан мой очерк в «Колымских просторах», но он написан! А, как известно, «ничто в этом мире не пропадает даром».

Светлана ГРИНЬ

Сергей СУЩАНСКИЙ

Пишу тебе из тундры:

ВЛАДИМИР ТЫНЕСКИН

1946 – 1979

Владимир Васильевич Тынескин — чукотский поэт. Родился и вырос на Чукотке, учился в конэргинской и амгуэмской школах, воспитывался в Уэлькальской школе-интернате. Окончил Анадырское педагогическое училище, затем учился в Магаданском педагогическом институте. Служил в армии, работал учителем в сельской школе. В последние годы работал бригадиром оленеводческой бригады на острове Врангеля. Путь в литературу у В.Тынескина, как почти у всех его сверстников и многих предшественников, начался с Чукотского литературного объединения. Первое знакомство с читателем — на страницах газеты «Советская Чукотка» в 1966 году. После службы в армии В.Тынескин учительствовал в сельской школе, его стихи часто публиковались в периодических изданиях. В 1977 году В.Тынескин был участником I Всероссийского семинара молодых литераторов Севера и Дальнего Востока в Москве. На этом семинаре стихи В.Тынескина получили высокую оценку. В.Тынескин — один из самых самобытных чукотских поэтов 60—70-х гг. прошлого XX века. Он автор одной из первых поэм в чукотской поэзии — «Солнце на ладони», опубликованной альманахом «На Севере Дальнем» к 100-летию со дня рождения В.И.Ленина. Его первая и единственная книга «Олени ждали меня» (Магадан, 1978) — это многоплановое живописное произведение о преображённой тундре, о людях, о силах человека, благодаря которым «преобразилось всё, что от века окружало нас». В.Тынескин трудно сходился с людьми, был раним, особенно остро переносил невнимание к себе и своему творчеству. Его нашли мёртвым на перевале недалеко от посёлка Эгвекино. Возможно, он намеренно избрал такой путь ухода из жизни. Владимир Тынескин похоронен в Эгвекино.

Анатолий Пчёлкин не просто принимал участие в становлении чукотских поэтов, он буквально опекал их! Переписывался, переводил на русский язык их стихи и поэмы, посылал им не только свои книги, но и произведения других авторов. Учил, направлял и советовал. Хотя в начале знакомства с Тынескиным Пчёлкин ещё не был членом Союза писателей.

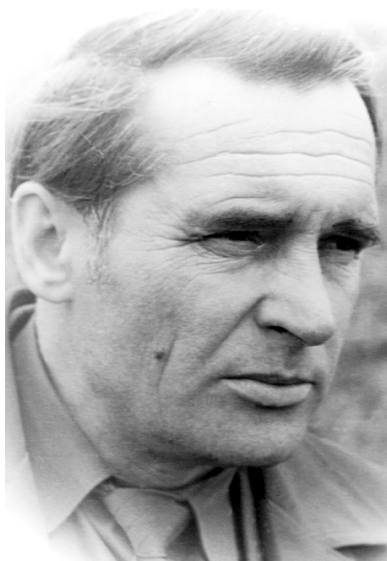
«С Владимиром Тынескиным я познакомился осенью 1961 года на одном из первых занятий Чукотского окружного литературного объединения. Худенький, молчаливый, настороженный юноша в ту пору студент Анадырского педучилища...»

Книгу «Олени ждали меня» Тынескин писал больше пятнадцати лет, а я переводил её на русский... и все эти годы нам лучше всего работалось, когда мы жили на расстоянии. В письмах Владимир был щедр и откровенен...»

Так писал А.Пчёлкин в своих воспоминаниях о Тынескине. С письмами Тынескина, щедрыми и откровенными, я предлагаю ознакомиться заинтересованному читателю, дополнив портрет поэта, сделанный Пчёлкиным по памяти, другими штрихами.

Сохранившиеся письма В.Тынескина можно разделить на две части, ибо в них чётко прослеживаются два периода: отправленные в 1970 году и послания, написанные в период со 2 апреля 1977 по 28 декабря 1978 года.

Первую часть документального очерка я озаглавил «Луна» – по названию поэмы, которую Тынескин сочинил, находясь на службе

Анатолий Пчёлкин

в Вооружённых силах страны, но судя по всему – так нигде и не опубликованную.

Заглавие второй части – «Нервный ребёнок» – возникло после прочтения переписки Тынескина и Пчёлкина.

Часть 1 «Луна»

Здравствуй, Владимир!

Куда же ты пропал, старина? Или за что-нибудь на меня обиделся? Если так, то плохи наши дела...

Кстати, в предыдущем письме я, кажется, послал тебе два перевода. Ты бы мог отозваться о них, как мне кажется...

В середине мая я уезжаю в отпуск. Вернусь в первых числах июля. Захватю с собой все имеющиеся в наличии подстрочки. Может быть, подошёл бы новые?

...В Магадане уже появилась книжица Вальгиргина. У меня её пока нет, но как только появится – вышлю.

Яша Кымыет зондирует почву о работе твоей на Чукотском радио. Пора бы тебе

возвращаться «на круги своя». Когда демобилизуешься: осенью? Летом?

Пиши, пожалуйста. Нельзя быть таким обидчивым, а мне, кроме всего прочего, тяжело всё-таки уговаривать вас – хороших да вот таких строптивых, а кроме всего ещё и разбросанных по всему свету. Уже и забыл, когда садился за свои стихи и вот недавно вылетел из плана издания своей книги в 71-м году. Придётся навёрстывать...

Всего тебе доброго!

Удач, вдохновения, новых стихов!

Скорей приезжай, а то я начал изучать чукотский язык, а учить некому, сами учителя многих слов не знают.

Легонько тебя обнимаю!

Анатолий
22.IV.70 г.

*

Толя, здравствуй!

Наконец-то решился тебе послать очередное письмо.

Ты, видимо, удивился, получив мою поздравительную телеграмму с другим адресом. Да, меня перевели в другую часть. Осталось ещё служить лето, а осенью – дембель.

Сейчас я посылаю тебе перевод своего рассказа «Состязание» ... из задуманного цикла «Рассказы старого Эткэйки». Получив твоё письмо, я оставил пока в какое-то поле идею о «Кривом поле»¹. До лучших времён. А сейчас в редкие свободные минуты (по вечерам) готовлю заявку по твоему совету на поэтический сборник. По существу на сборник материал уже готов², но я точно не знаю: сейчас

¹ Орывок из повести «Кривое поле» под названием «Тынэру» был опубликован 31 октября 1970 г. в газете «Магаданский комсомолец». Другой информацией о повести я не располагаю.

² Не будем забывать, что в момент написания письма Тынескин служит в армии и ему всего 24 года!

ли посылать его в издательство, или же потом самому показать, когда приеду в Магадан осенью. По замыслу сборник должен состоять из 3-х разделов:

1 – стихи о Севере, о природе и т.д.,

2 – о любви,

3 – поэмы «Солнце на ладони», «Всю жизнь мы к Ленину идём» и «Мать» (усл. название).

Толя, я хочу поместить небольшую поэму «Всю жизнь...», о которой ты писал довольно нелестно, по одной причине: мне нравится её ритм, форма стиха. А это сейчас, по-моему, важно для чукотского, тундрового читателя, который ещё слабовато знаком с чукотским стихосложением.

Усиленно работаю над третьей, более серьёзной поэмой (как по тематике, так и по объёму), под условным названием «Мать». В ней также придаю много внимания форме стиха.

Написал около десятка стихов о любви, примерно столько же на другие темы. Подстрочники вышлю в следующий раз.

Теперь один вопрос. Где сейчас А.Д. Нутэтэгринэ³? Когда Л.Г. Тынель⁴ избрана председателем окрисполкома?

На днях тоже вышлю чукотский текст рассказа, но не тебе, а в радио или в газету. Будет неплохо, если он

будет принят. Жду отзыва твоего на перевод рассказа. Я хочу объединить в одном цикле несколько рассказов под общим названием «Рассказы старого Эткэйна».

Мой адрес:

Петропавловск-Камчатский-21, в/ч 47022 «И».

Жду вестей. Подстрочники вышлю в другой раз.

С приветом – Володя.

21.05.70.

P.S. Если рассказ идёт, то, пожалуйста, сплавь его куда-нибудь. В.Т.

*

г. Петропавловск-Камчатский
11.06.70 г.

Здравствуй, Толя!

Прежде всего, поздравляю тебя с таким важным событием в твоей жизни, как женитьба. Желаю доброго и счастливого пути, пусть будут и штиль и штормы (без них нет жизни!), но никогда – кораблекрушений! ...

Толя, спасибо за книжку. Очень рад за Васю с Мишей поэтическую, хорошо оформленную книжку. Наконец-то, кажется, появился человек, который сумел принять эстафету от Виктора Кеулькута. Конечно, этого всем бы нам хотелось...

Ты своей посылкой поднял моё настроение. Я сразу же взялся за заявку, и дня через два она уже была готова. Сейчас послал её

в издательство. Включил в неё пока три поэмы, 25 стихотворений и два перевода из Шевченко. Со временем я пришлю ещё несколько стихотворений и переводов (в частности, из Лермонтова). А сейчас я сначала хочу получить небольшую восточку из книжного издательства: будет ли принят мой материал? Кстати, кто сейчас там? Ермошина или уже кто-то другой? Говорят, что Лившиц уехал... Правда ли?

Сейчас написал две странички рецензии на книжку Вальгиргина. Пока туманно, но, думаю, кое-что выйдёт. ...Хотелось бы и упомянуть труд переводчиков. Я считаю (это моё совершенно личное и секретное мнение), что Вальгиргина, каким знает его читатель ..., не было бы без энтузиазма переводчиков, без их хлопотливой работы.

Видимо, если рецензия получится, я её пошлю в редакцию газеты «М.К.», а уже она пусть распорядится. Если она им не подойдёт, то пусть отдадут в издательство: может там примут в альманах.

Теперь о своих делах.

Да, ещё один вопросик: где же, всё-таки А.Д. Нутэтэгринэ? Ты тогда не ответил на этот вопрос. Неужели, что-то случилось?

Посылаю несколько подстрочников. Подстрочный перевод поэмы «Мать и

³ Нутэтэгринэ (Мчащаяся по тундре) – это чукотское имя замечательной чукотской женщины Анны Дмитриевны Нутэтэгринэ. Родившись 18 августа 1930 года в яранге охотника, она вышла на широкую дорогу знаний, творческой деятельности, много лет работала председателем Чукотского окрисполкома (1961–70 гг.), была избрана депутатом Верховного Совета СССР и членом Президиума Верховного Совета СССР. «Президент Чукотки», как называла её зарубежная печать, – умная, обаятельная женщина, талантливый партийный работник. (См.: Н.Л. Кошелева, «Художественная литература о Магаданской области». Магадан, 1973, с. 140, 146).

⁴ Тынель Лиана Григорьевна (15.09.1932 – 5.12.1999). Работала преподавателем чукотского языка в Анадырском педучилище, воспитателем в Анойской школе-интернате, методистом по национальным школам в областном Институте усовершенствования учителей, редактором-переводчиком газеты «Советкэн Чукотка», возглавляла редакцию литературы народностей Севера в Магаданском книжном издательстве. Внесла значительный вклад в развитие чукотского литературного языка и чукотской литературы, в частности переводила на родной язык произведения русскоязычного родоначальника чукотской литературы Ю.Рытхэу. В 1970 г. Л.Тынель избрана председателем исполкома Чукотского окружного Совета депутатов трудящихся. Избиралась депутатом и членом Президиума Верховного Совета СССР. Награждена орденами Трудового Красного Знамени и «Знак Почёта», медалями, грамотами. (См.: «Календарь дат и событий по Магаданской области на 2012 год». МОУНБ им. А.С. Пушкина. Магадан, 2011, с. 26).

думы» (новое условное название) я, видимо, вышлю тебе прямо к твоим старикам. К тому времени ты уже будешь там...

Остальные стихи вышлю с подстрочником поэмы или в другом письме. ... Посылая несколько подстрочников надеюсь, что может быть один-два подойдут для второго номера альманаха. Жду вестей.

С приветом – Володя.
11.06.70

*

г. Петропавловск

Здравствуй, Толя!

Я долго колебался: посылать тебе или нет подстрочник поэмы, о которой я писал. Тогда она носила условное название «Мать». Она получилась какая-то длинноватая, по-моему, в некоторых местах неуклюжая, может даже наивная. Но отдельные места мне нравятся. Отдельные строки, особенно двустишья, кажется, чукотскому читателю помогут дать понятие о стихотворной форме...

Если ты возьмёшься переводить поэму или хоть её отрывки, то я напишу объяснения некоторых слов, встречающихся в тексте...

Если по каким-то причинам не сможешь взяться за перевод, пожалуйста, напиши. Но я бы тебя попросил, в крайнем случае, перевести хоть отрывки.

Ты, наверное, заметил, что поэма построена на рассказе матери и размышлениях сына. Поэтому не всегда будут ясны читателю отрывки без предыдущих частей, хотя и отрывки вполне самостоятельны. Потом, ты тоже, конечно,

заметил, что рассказ матери написан одним ритмом, а размышления – другим.

Теперь о других делах. Ты, наверное, уже получил телеграмму, где я сообщал о приглашении Стебаковой Л.Н.⁵, это было бы просто замечательно! Но подождём ещё три месяца, оставшихся до «дембеля».

Рецензию на книжку Вальгиргина послал в издательство. Стебакова просила прислать ей рассказ. У меня почти нет времени на переписывание написанного ранее. В армии надо иметь крепкие нервы, а таких у меня, к сожалению, нет.

Заявка на издание книжки принята. Но требуют срочно подстрочники и, если возможно, то и твои переводы.

Написал поэму «Луна»⁶, сделал перевод. Этот перевод я вышлю тебе для редактирования. И если бы она была напечатана, то неплохо бы звучали слова: «Перевод с чукотского автора и А.Пчёлкина». А?

Ну, ладно, Толя. Продолжение в следующем письме, которое вышлю тебе завтра.

С уважением – Володя.
24.07.70

P.S. Желая хорошего отдыха!

*

Петропавловск
25.07.70 г.

Здравствуй, Толя!

Только сегодня утром отправил тебе письмо с подстрочником поэмы «Олени ждали меня...». Я тебе о ней уже писал. Много думал над названием, но так и ничего не придумал. Сначала назвал её «Мать», потом «Мать и думы»,

и, наконец, «Олени ждали меня...». Но и последнее название не очень нравится слишком прозаичное.

Этим письмом посылаю тебе перевод моей новой поэмы... «Луна». Оригинал вышлю в газету «Советкэн Чуколка». Кроме того, в эту газету я послал стихотворение ««Рассвет» родился», посвящённое ансамблю «Эргырон». Вместе с этим стихотворением послал в газету 5–6 текстов для песни. Редактору И.Омрувье написал, что эти тексты, возможно, пригодятся участникам художественной самодеятельности или же национальному ансамблю. Мелодию или же музыку к ним могут сочинить сами же участники самодеятельности. Возможно, что их напечатают в газете...

Толя, жду письмо твоё и несколько слов о «Луне».

На Камчатке идёт жаркий июль. Такого жаркого лета, пишут местные газеты, не было последние 70–80 лет. А я жду с нетерпением осени и зимы. Ведь это означает для меня (уж не подумай ничего плохого) – «дембель»! Да, до него осталось где-то 100 дней. Возможно, что праздники сумею встретить уже на «гражданке». А я соскучился по ней, как и соскучился по родным, по тундре, по Магадану, по Конергино, в общем – по Чукотке...

Ну, ладно, хватит хныкать. Надо просто жить...

Толя, гл. редактор издательства Стебакова Л.Н. просила, чтобы я послал в издательство подстрочники стихотворений, которые должны войти в сборник. Я это, конечно, сделаю. В то же время она намекнула, чтобы были как можно скорее

⁵ Людмила Никифоровна Стебакова, с весны 1969 и до июля 1975 года была главным редактором областного книжного издательства.

⁶ Поэму «Луна» Тынескин написал в период с 26.06 по 2.07.1970 г. Рукопись хранится в материалах поэта. А.Пчёлкин вскользь упомянул о ней, но каких-либо высказываний А.Пчёлкина о поэме я не обнаружил. Нет сведений о публикации поэмы.

и поэтические переводы. Ну, это уже по твоему делу, как ты пишешь, «это уже будет зависеть от моей фантазии». Ни пуха, ни пера! Желаю прекрасного отдыха, чтобы зимою лучше, без усталости работалось.

Последние оставшиеся месяцы я, наверное, буду заниматься двумя рассказами из цикла «Старик Эткэйки».

Скоро поездка на «картошку». А там природа, тайга, воздух – а, значит, будут и стихи!

До свидания. Добрые пожелания твоим старикам.⁷

Твой Володя.

P.S. ...Толя, в последнее время стихи что-то не идут ко мне. Видимо, настроение не то. Вот что я, в частности, писал о своей душе в записной книжке: «Она сейчас как струна: перетянут – и оборвётся, и она будет натянутой струной ещё 4-5 месяцев...». Ну, ты, Толя, это чувство знаешь, ведь сам был солдатом. Сейчас считаем уже не месяцы, а дни до своего «дебеля». Такова жизнь.

Жду вестей. ...

Твой Володя.

25.07.70 г.

*

«Рыская» в Интернете в поисках дополнительной информации о В.Тынескине, наткнулся на такую фразу: «...с первой книгой поэт не спешил, более пятнадцати лет шёл он к ней». Это глубоко ошибочное мнение, появившееся неизвестно откуда. Ибо в письме из Петропавловска-Камчатского от 21.05.70 г., Владимир сообщает Пчёлкину о том, что он готовит заявку на поэтический сборник: «По существу на сборник

материал уже готов, но я точно не знаю: сейчас ли посылать его в издательство, или же потом самому показать, когда приеду в Магадан осенью».

И в следующем письме от 11.06.1970 г. Тынескин извещает Пчёлкина, что: «...Я сразу же взялся за заявку, и дня через два она уже была готова. Сейчас послал её в издательство. Включил в неё пока три поэмы, 25 стихотворений и два перевода из Шевченко».

Понятное дело, что от заявки на книгу до её издания – путь «и далёк, и долог». Но почему Магаданское книжное издательство в начале 70-х годов прошлого века отложило выпуск фактически уже готового сборника стихов В.Тынескина, для меня останется загадкой. Конечно, если не появятся новые документы.

*

Часть II

«Нервный ребёнок»

О.Врангеля
С.Ушаковское

Привет, Анатолий!

Был я в этом (вернее с середины декабря до начала марта) году в отпуске. Хотел до тебя доехать, но Е.Рожков мне сказал, что в апреле или марте будет совещание молодых литераторов Ленинграде, где должен быть и я вместе с З.Ненлюмкиной. тогда я решил возвратиться на «свой» остров. Но вот уже конец марта, а вызова нет, и, видимо, не дождусь, т.к. в настоящее время нахожусь в тундре на отёле.

Теперь – о своей вине перед тобой...

Недавно я получил письмо от двоюродного брата,

который работает в с. Амгуэма. Кличут – Туркигин Сергей. Он мне пишет, что ты перевёл у него около 10 стихотворений. Прочитал я его стихи в сборнике на чукотском языке «О Северепесня моя». И скажу честно (пусть он не обижается!) – это проза, расположенная автором столбиком. Ему надо искать свою рифму. Ну, об этом я ему напишу.

Кстати, он пишет, что ты меня называешь в своём письме к нему «нервным ребёнком». Это, я тебе скажу, до того мило и точно. Я до сих пор не чувствую себя взрослым, и до чего же хочется вернуться в детство, к матери, к игрушкам из камней и рогов! Но – увы! Да и, по-моему, не следует...

Теперь – почему я тебе так долго не отвечал. Послушай небольшой рассказ.

...Жила-была на острове пожилая женщина Х. Жила одна в своём домишке на краю посёлка. Дети её жили в интернате. Лишь на воскресенья они приходили домой к маме.

Наше общежитие было расположено напротив дома Х., через улицу. Х. часто приходила к нам в гости, а мы, приезжая из тундры, дарили ей гостинец – кусок жирного «врангелевского» мяса. Уезжая обратно в бригаду, ей наказывали: забирай нашу почту из отделения связи и отправляй нам попутным вездеходом. Так она и делала.

Перед осенним забоем, 15 октября, я пришёл в посёлок, чтобы проверить готовность короля к забое (в то время я исполнял обязанности бригадира). Зашёл к Х., как обычно, чай попить, а она лежит на кровати бледная, похудев-

⁷ Очевидно, письмо отправлено в г. Червонопартизанск, где жили родители А.Пчёлкина

шая. «Заболела, Вера?» – спрашиваю. Она отвечает почти шёпотом: «Уже лучше стало...» Через два дня она умерла. После похорон я уехал снова в бригаду.

Однажды в конце забоя (уже в конце ноября) приходят ко мне в общежитие девушки-забойщицы из пос. Рыйкайлий. Ира В., моя старая знакомая ещё по Конергино, протягивает письмо. ... Я был очень рад и удивлён, это были твои фрагменты из поэмы «Олены ждали меня»...

Теперь, Толя, о других делишках. Недавно я получил письмо из Москвы. Автор – Брудный Дмитрий Львович, ст. научный сотрудник института национальных школ при Министерстве просвещения РСФСР. Они выпускают там какой-то сборник для национальных школ. Ищут стихотворения о Пушкине местных поэтов. У меня такого нет. Но работаю над ним, вышлю тебе подстрочник, а оригинал срочно направлю в «Советкэн Чукотка» И.У. Берёзкину. Надеюсь, напечатает.

В настоящее время по-прежнему работаю над поэмой, посвящённой 60-летию Великого Октября. Постараюсь до сентября выслать хоть часть подстрочников. Отрывки из поэмы вышлю, опять же, И.У. Берёзкину.

И, наконец, о будущем. В настоящее время, сам слышал, на острове организован гос. заповедник. У меня нет особого желания здесь жить и работать. Да и маловато возможностей работать над рукописью сборника, который, как писали, планируется выпустить в 1978 году.

Поэтому я написал Л.Г. Тынель и зав. окружным отделом культуры тов. Першину о переводе меня в

любой район округа на работу в агиткультуротряде или в агиткультурбригаде. Там, я считаю, будет больше времени для творческой работы.

После отпуска я долго беседовал с администрацией заповедника о моей будущей работе. Уговорили, чтобы я провёл отёл. Согласился. В конце июня у меня очередной отпуск за год. Думаю, взять его с последующим увольнением. Да и буду ждать, что мне ответит тов. Першин.

Пока всё. Жду вестей. Заранее поздравляю с праздником Мая ... ! Желаю счастья, главное – творческих успехов!

«Нервный Ребёнок»
2 апреля 1977 г.

*

25.06.1977

Здравствуйте,

Александр Михайлович!⁸

Я посылаю Вам заявку на издание книги. Число поставил 11 марта, т.е. то же, что и на договоре.

Не уверен, что написал правильно заявку. Ведь никогда не писал таких вещей.

Правда, в 1970 году, кажется, писал, но тогда ничего не вышло с выпуском книжки.

Если заявка написана неверно, то напишите, пожалуйста, как мне её написать. Очень хочется, чтобы всё-таки вышла книжка, давно к ней иду.

И ещё, как быть с фотографией. Ведь нужна будет, наверное? А у меня её и нет. Было полно фотографий, так пока я был в армии, их порастеряли.

Пчёлкину послал новые подстрочники.

Теперь у меня настроенье есть, вдохновение приходит, ибо есть в жизни какая-то цель, надежда,

перспектива, мечта – своя книжка!

К ноябрьским праздникам в «Советкэн Чукотке» думаю опубликовать поэму «Я и Чукотка», отрывок из которой послал А.Пчёлкину.

Хотелось бы, Александр Михайлович, чтобы некоторые мои стихи, которые я писал на русском языке, были опубликованы в книжке. Посылаю их на Ваше «растерзание». Может, кое-какие потянут, а?

Нельзя ли потом, когда А.Пчёлкин предоставит Вам все переводы, посмотреть рукопись целиком? Может когда-нибудь сумею вырваться в Магадан... Сам не знаю. Работы много в заповеднике, ведь я здесь работаю бригадиром оленеводов.

Привет Легкову, Першину.
С уважением – В.Тнескин
О. Врангеля,

с. Ушаковское

25.06.1977

*

О. Врангеля
25 июня 1977 г.

Привет, Анатолий!

Пишу тебе из тундры. Находимся на реке Мамонтова, недалеко от гнездовья. Здесь, на острове, удивительные названия рек, гор, равнин: река Красный Флаг, река Кларк, горы Дрем-Хед, тундра Академии и т.д. и т.п.

Когда ехал на остров, то думал, что переменится настроение, и я вновь возьмусь, как говорится, за перо. Но, увы... Видимо, после службы у меня был какой-то душевный кризис. От радости, от ощущения свободы, что ли, после казармы. Сейчас, слава Христу-Богу, кажется, душевное состояние меняется. Видимо, это тоже от

⁸ Александр Михайлович Бирюков, главный редактор Магаданского книжного издательства (1975–1982 гг.).

радости: наконец-то, выходит книжка! От А.М. Бирюкова получил экземпляр издательского договора, подписанный и заверенный печатью.

Так что – радоваться и работать, работать!

Посылаю несколько подстрочников стихотворений. Одни стихи написаны давно, ... другие – недавно. Посылаю тебе подстрочники отрывка из поэмы... «Я и Чукотка»...

Толя, нельзя ли включить в книгу и переводы других поэтов, например Эдидовича и Першина? Кстати, неплохо было бы включить и переводы В.Сергеева «Ленин на Чукотке» и стихотворение об Анадыре, напечатанное в коллективном сборнике «Озябший меридиан». Но, видимо, не выйдет, раз уже подписан договор...

*

В.Тынескин в своих письмах всегда очень строго соблюдал правила оформления: ставил дату, место, где было написано письмо, и обязательно – слова прощания. На письме от 25 июня этих самых слов нет. Следовательно, это только часть послания. Но, к сожалению, окончания я не нашёл...

*

30 августа 1977 г.

Здравствуй, Анатолий!

Прошёл ещё один месяц. Тяжёлый. Измотался. Но, всё же, провели кастрацию 400 быков. А олени здесь, особенно быки, очень сильные. Лето было очень жаркое, овод появился на острове. В жаркую погоду стадо, когда ринется против ветра, очень трудно, почти невозможно, остановить набегался, долго буду помнить это лето.

Сейчас готовимся к осеннему забою оленей. Опять придётся попотеть, хоть и на улице будут дуть пурги,

стлаться надоедливый туман. Правда, официально будет забивать оленей совхоз «Пионер», который у нас, заповедника, купил 3000 стадо. Обещает обеспечить людьми. Ты, наверное, слышал, что на острове организован государственный заповедник.

Теперь о приятной новости. Из Москвы получил письмо, где сообщают, что я включён в число участников Всероссийского семинара молодых литераторов народностей Крайнего Севера и Дальнего Востока. Семинар должен состояться с 24 ноября по декабрь 1977 г. в «Малеевке», в Доме творчества Литфонда СССР. Я, конечно, благодарен тебе! Ведь благодаря твоим переводам, моё имя стало известно читателям Чукотки. Так что, если поеду на семинар – не подведу. Ведь я понимаю, что там на меня будут смотреть, как на представителя Чукотки...

Не было меня в Ушаковском почти 4 месяца. Мотался по тундре. Привезли мне твоё письмо только в 20-х числах июля. Так уж вышло. Иногда проклинаешь свою работу – сплошная нервотрёпка. Оказывается, хорошо быть рядовым работником. А эти полтора месяца на мою душу давила (чтоб она навсегда исчезла!) кастрация оленей. А условия сложились неважные: то жара (стадо держать невозможно на одном месте), то кораль не готов, то людей не привезли, то сломался один вездеход, то другой. Привезли кораль на военных машинах, так эти машины вдруг застряли. Вытаскивали их двое суток... И так я задержался с ответом на твоё письмо. Пишу сейчас из посёлка, куда приехал 25 августа. ... Необходимо ехать за сетчатой коралью, которую оставили на месте кастрации. А транспорта нет, вездеход (последний!) еле дышит... но все эти дела, в общем-то, касаются только меня, так сказать, эти дела – хозяйственные.

А что на литературном фронте? Недавно получил гонорар из редакции «Советская Чукотка». Что там напечатали – не знаю. В прошлом году не выписал эту газету, на 1978 г. обязательно выпишу.

Чукотское радио передаю на чук. языке один рассказ, стихи...

На счёт «Я и Чукотка» твои мысли правильные. «...не делать ставку только на противопоставление настоящего прошлому». А то у меня поэма вырисовывается именно почти по такой схеме...

А где Сергей Теркигин? Может быть, связь с ним держишь? Он мне одно письмо написал из Амгуэмы, а моё письмо к нему вернулось из-за выбития адресата. Куда он делся? А то я смог бы его устроить на острове работать оленеводом...

Что у нас, Анатолий, с рукописью? Издательство молчит, правда, есть у меня договор, подписанный А.М. Бирюковым.

Толя, стихи переведённые Першиным и Эдидовичем, не буду высылать. Думаю, что нет смысла переводить их дважды. Лучше я буду писать новые стихи, присылать их буду тебе.

О фото. Здесь меня сфотографировал Теин Тасян Сергеевич, сотрудник СВКНИИ. Обещал отдать издательству и прислать фотографии мне.

Кстати, В.Шенталинский на острове. Возможно, ещё он сфотографирует. Поеду на семинар – сфотографируюсь ещё где-нибудь.

Пока! Володя.

P.S. не смог бы ты срочно достать мне очки – 4 (минус 4). Разбил очки, хожу как без глаз.

В.Т.

*
г. Анадырь
17 декабря 1977 г.

Здравствуйте,
Александр Михайлович!
Пишу из Анадыря. Делетел, вроде бы нормально. Но, кажется, где-то «поселя» аванс, который у Вас, в издательстве, взял. Но я ещё хорошенько поищу в своих вещах.

Теперь – другое. Сообщите, пожалуйста, будет А.Пчёлкин писать предисловие к моей книжке?

И ещё. Сейчас нахожусь в гостях у Зои Ненлюмкиной. Она интересуется, когда у неё будет выходить книга. Занимается ли Черевченко её переводами?⁹

Из о. Врангеля, видимо, буду уезжать. Сообщу потом, где буду находиться.

Привет Першину, Легкову, и, конечно, Черемных. С уважением – Тнескин В.
17 декабря 1977 г.

*
Здравствуй, Анатолий!
Я очень виноват перед тобой. Никак не могу выслать деньги. И сейчас не имею возможности, т.к. эту записку пишу из тундры. Пишу в пологе, на шкурах. Правда, подложил под лист журнал «Шахматный бюллетень» за 1978 год. Не уверен, дойдёт ли это письмо до тебя.

Когда переезжал из острова Врангеля в Конергино, вконец обанкротился. Большинство своих монет потерял – или украл, или как-то уронил, потерял сам.

Сейчас работаю в тундре, стараюсь подзаработать. Как только получу деньги и смогу выехать в центральную усадьбу, так сразу же вышлю тебе деньги. Мучаюсь,

что я так тебя подвёл. Никогда себе это не прощу.

Начинаю понемногу писать письма друзьям, знакомым. Что за натура у меня непостоянная: то пишу, тружусь, как сумасшедший, то ничего не могу делать, тоже, словно сумасшедший...

Нашёл я бараний рог сантиметров на 40. Толстый, свёрнутый в дугу. Весной вышлю. Почему весной? Потому, что на центральную усадьбу попаду только после отёла. Видимо, тогда и вышлю деньги. Постарайся простить меня. Очень виноват. Мучаюсь.

Сообщи свой адрес – куда писать.

Поздравляю с Новым – 1979 годом. Пусть он будет для тебя и твоей семьи годом счастья и удач.

Жму руку, если её пришьёшь. Постараюсь вновь завоевать твоё доверие.

Всегда твой и сейчас кающийся – Вл. Тнескин.

25 декабря 1978 г.
Тундра, бригада № 1
с-за «Возрождение»

*
Обращу внимание на ту часть письма А.Пчёлкину от 2.04.1977 г., в которой Тынескин пишет, что у него «нет особого желания здесь жить и работать» (здесь – это на о. Врангеля), и что он «написал Л.Г. Тынель и зав. окружным отделом культуры тов. Першину о переводе меня в любой район округа на работу в агиткультуротряде или в агиткультурбригаде. Там, я считаю, будет больше времени для творческой работы».

Из дальнейшей переписки становится ясным, что перевод не состоялся и Тынескин продолжал гонять оленей

в заповеднике на острове Врангеля. То, что уход Тынескина был осознанным шагом, не вызывает у меня никаких сомнений. Но подтолкнуло его к уходу именно нежелание властей перевести поэта на работу в культбригаду. И это довольно странно, ибо хоть и говорят, что «незаменимых людей нет», но Поэта Тынескина не может заменить никто. А вот оленевода для проведения отёлов и кастраций в заповеднике на острове Врангеля, власть могла бы и подобрать...

*
Позже, после ухода Тынескина, Пчёлкин подготовил радиокомпозицию о творчестве поэта «Земля суровой пробы», которая вышла в эфир 31 августа 1980 года. И вот что он говорил:

«Меня всегда покоряло в Тынескине его серьёзное отношение к поэтическому творчеству, нацеленность на решение именно сверхзадач. Ну и то, разумеется, что задачи эти были ему явно по силам.

Он не стоял на месте. Всё время стремился к освоению новых просторов. Закончив одну поэму и сядя за другую, уже вынашивал мысль о третьей, в которой, наконец, он сможет сказать обо всём так, как ему хочется».

И в завершении передачи, Пчёлкин говорит: «...он как бы сообщил толчок развитию эпического жанра в чукотской поэзии. И вот сразу же вслед за появлением в печати «Солнца на ладони», первую свою поэму написала Антонина Кымытваль¹⁰. Первые попытки к созданию крупных поэтических форм делает сегодня совсем ещё молодой Сергей Теркигин».

⁹ Сборник стихов З.Н. Ненлюмкиной «Птицы Наукана» в переводе с эскимос. А.Черевченко изданы в Магадане в 1979 г. За этот сборник и автор, и переводчик стали лауреатами премии Магаданского комсомола.

¹⁰ Очевидно, речь идёт о поэме А.Кымытваль «Будет день». (В кн.: «Мои стихи». Магадан, 2008).

КОСМИЧЕСКИЕ ЖЕРТВЫ ГУЛАГА

Воспоминания очевидца

Шарыповой Анфисы Никитьевны

ВСТРЕЧА

**С.П. КОРОЛЁВА
И Я.М. ТЕРЕНТЬЕВА**
11 АВГУСТА 1965 ГОДА

Я, Шарыпова Анфиса Никитьевна, хочу написать об удивительной семье, проживавшей в посёлке Ульяновке по улице Берёзовая, Тосненского района, Ленинградской области, — о Терентьеве Якове Матвеевиче и его жене Астаховой Тамаре Лаврентьевне — и их встрече там с С.П. Королёвым.

Лишь прожив большую часть жизни, начинаешь чувствовать, как быстро летят годы и как много ещё надо сделать! Более 40 лет назад ушёл из жизни крупнейший советский учёный в области ракетно-космической техники Сергей Павлович Королёв. Нет сегодня среди нас Якова Матвеевича Терентьева, его жены Тамары Лаврентьевны, которые

когда-то в Певеке заменили мне отца и мать. Что связывало этих людей? Об этом я хочу рассказать читателям на страницах вашего журнала. В августе 2015 года исполнилось 50 лет этой знаменательной встрече, которой я была очевидцем и всё помню, как будто это было вчера. Жаль, что не сфотографировались.

Тамара Лаврентьевна и Яков Матвеевич

Я.М. Терентьев прожил сложную, но интересную жизнь. Родился в 1897 году в Казани в семье крестьян. В 1913 году окончил Орловское

высшее начальное училище и в качестве командира взвода участвовал в первой мировой войне. После революции Яков Матвеевич принимал активное участие в организации отрядов Красной Армии, командовал Коммунистическим полком. Видел и слышал В.И. Ленина, встречался с Я.М. Свердловым, по долгу службы общался с Н.И. Подвойским. Окончив в 1930 году военное отделение Московского института народного хозяйства и получив звание военного инженера-технолога первого ранга, руководил конструкторским бюро, научными лабораториями, испытательными полигонами. Был заместителем М.Н. Тухачевского по ракетному вооружению.

Пути Я.М. Терентьева и С.П. Королёва пересеклись в 1932 году. Яков Матвеевич только что был привлечён к разработке перспективных соображений по перевооружению

Красной Армии на более высокой технической основе. К нему и обратился за помощью никому тогда ещё не известный С.П. Королёв. Тогда С.П. Королёв являлся начальником Московской группы по изучению ракетного движения (ГИРД) Осоавиахима, которая располагалась в подвальной помещении строящегося дома. И в этих убогих «кабинетах» без дверей с земляными полами проектировались будущие космические корабли! О бедственном положении конструкторов Терентьев доложил заместителю наркома обороны М.Н. Тухачевскому, и уже через несколько дней ГИРД передали из ведения Осоавиахима в систему Управления военных изобретений при начальнике вооружений Рабоче-Крестьянской Красной Армии. 17 августа 1933 года была запущена первая ракета.

К сожалению, как и многие талантливые учёные в то время, Королёв и Терентьев не избежали репрессий. Оба были арестованы по ложному доносу и, как враги народа, сосланы – Королёв на Колыму, Терентьев на Чукотку. Терентьев был осуждён через год после Тухачевского в 1938 году особым совещанием НКВД СССР за участие в антисоветском военном заговоре. Просидев в Таганской и Бутырской тюрьмах, был отправлен на Чукотку, освобождён в 1946 году, но оставался поражённым в правах ещё пять лет. Тамара Лаврентьевна к приехала к мужу в 1947 году, и только в 1954 году они вместе выехали и поселились в Ульяновке, купив небольшой домик.

Именно на Чукотке, работая в Чаунской районной больнице, в 1948 году я познакомилась с медсестрой Тамарой Лаврентьевной, а через неё – с Яковом Матвеевичем. Супруги называли меня дочкой, опекали, учили жизни. Ведь мне едва исполнилось 19 лет, когда после окончания Уржумской фельдшерско-

акушерской школы в Кировской области я была распределена на работу в Хабаровский Краевой отдел здравоохранения, а оттуда – на Чукотку. Я и до сих пор живу на Чукотке. Каждые отпуска я приезжала в Ульяновку. А позже стала свидетельницей незабываемой встречи двух старых товарищей после вынужденной разлуки.

Однажды Яков Матвеевич получил записку от С.П. Королёва такого содержания:

3.11.64. *Яков Якович Матвеевич!*
 Примите привет и наилучшие пожелания к приятному и большому количеству здоровья, и много счастья. Буду рада познакомиться с вами в Москве.
 Ваш адрес мне известен и я рад вас познакомиться.
 Как идёт ваша жизнь? Хотите ли выехать куда-то в отпуск, где морей и свежий воздух?
 Ваш адрес: Москва, Ленинградский проспект д. 13/1651 или (Москва)
 Яков Якович Матвеевич
 с благодарностью Яков Якович

В 1965 году в очередной раз во время отпуска я приехала к ним погостить, провести. 11 августа мы уже поужинали и смотрели по телевизору кино «Бесприданница». Вдруг позвонили в дверь. Яков Матвеевич удивился звонку и сказал: «Наверное, пришёл кто-то не из местных жителей, свои без звонка заходят». Двери у них никогда не закрывались, Яков Матвеевич впустил гостя, и вдруг они бросились друг к другу в объятия, стали целоваться, обниматься. Мы с Тамарой Лаврентьевной убежали на кухню. «Кто это?» – спросила я её. «Наверное, академик Королёв». Тогда

ещё никто, в том числе и Яков Матвеевич, не знал, что С.П. Королёв является главным авиаконструктором. Приеду в Анадырь, подумала я, всем расскажу, что видела живого академика. В это время было слышно, что Королёв и Терентьев продолжают смеяться и плакать от радости. Наверное, надо угостить чество гостя, вслух подумала Тамара Лаврентьевна, но чем кормят академиков? Мы вышли в небольшую гостиную, позна-

комились с гостем, меня Яков Матвеевич представил как дочку, живущую на Чукотке, а Тамара Лаврентьевна так и спросила: «А что едят академики?» «Картошку едят, – серьёзно ответил Сергей Павлович, – яичницу. Водочку врачи не разрешают, но за встречу рюмочку можно». Мы на скорую руку поджарили картошку, яйца, достали из подвала соленья, варенья и быстро накрыли стол. «Какой я академик, – тогда сказал Сергей Павлович, – постоянно работаю на заводе,

а академики сидят в кабинетах». С Яковом Матвеевичем они не виделись больше тридцати лет и поэтому им очень о многом хотелось поговорить. Вспоминали о совместной работе в 30-е годы, о запусках первых ракет. Королёв поведал, что пришлось пережить в годы репрессий. Арестовали его по ложному доносу и заключили в тюрьму, содержали в одиночной камере, сырой и тёмной. Зарешёченное окно находилось высоко под потолком, по полу бегали крысы. Газеты и радио были запрещены, как и свидания с родными. На допросы вызывали только по ночам, спать днём не разрешалось.

«Чтобы не сломаться, я придумывал всякие занятия: выучил азбуку Морзе, перестукивался с соседними камерами, разработал комплекс физических упражнений, разговаривал вслух, разыгрывал сцены похода в кино, на свидания. Тюремные надзиратели не понимали, что происходит и часто заглядывали в глазок, интересовались, не сошёл ли я с ума? Бывало, длительное время не вызывали на допросы и я думал: наверное, разбираются, что не виновен, и скоро выпустят. Иногда приходила мысль, что враги народа не мы, политзаключённые, а те, которые нас арестовали. Так и не добившись никакого признания, сослали на Колыму. Здесь содержался в лагере на приiske вместе с уголовниками, выполнял тяжёлую физическую работу, копал землю. От непосильного труда и плохого питания тяжело заболел цингой, распухли дёсны, выпадали зубы, ноги покрылись язвами, невозможно было одевать тяжёлые кирзовые сапоги. Я стал «фитилём-доходягой», кандидатом в смертники, даже на работу не гоняли. Но случилось чудо, и меня женщина-врач взяла на должность санитаря в больницу – то ли она очень рисковала сама, то ли договорилась с начальником лагеря. Спасибо ей, она спасла мне жизнь, жаль, что забыл её фамилию, имя и отчество. Не мог я работать санитаром, просто валился с ног. Меня уложили на койку, стали натирать дёсны сырой картошкой (где её достали?), лечили ноги, делали уколы, старались подкармливать. Постепенно стал поправляться, выписали и снова на тяжёлую работу. Уголовники издевались над политическими, охрана нас не защищала: мы – враги народа, а уголовники – свои. Нам присваивали всякие провинности, урезали пайки хлеба, не разрешали встречаться с товарищами, встреча трёх человек вместе –

уже считалось нарушением лагерных правил.

Неоднократно я писал Сталину с просьбой послать меня на фронт, уж лучше убьют немцы, если это суждено, чем уголовники в лагере. Ответа, разумеется, не получал. Но, однажды, вызвали к начальнику с вещами, я подумал: ну всё, расстреляют, потому что после вызова некоторые сокамерники обратно не возвращались. Я попрощался с товарищами. Посадили в кузов грузовика, смотрю, куда то везут. Приехали в Магадан и там сообщили, что есть распоряжение об отправке меня в ближайший морпорт. Меня привезли в порт Находку или в Ванино (*забыла, в который, – прим. автора*). Здесь я встретился со следователем, который дал мне прочитать донос, написанный моим коллегой (*фамилию не сказал*), что я, используя государственные деньги на строительство ракет, подрывал мощь СССР. Следователь предупредил: прочитай, запоминай, но не припоминай и распорядился отправить меня в Москву.

По приезде в столицу был вызван Сталиным, который сказал: «Забудем прошлые грехи, будем работать для родины, необходимо посвятить себя созданию ракет», и пожал мне руку. Что я мог сказать ему? Я не имел грехов, не считал себя в чём-то виноватым, промолчал и с головой ушёл в свою любимую работу. Так конструировались знаменитые реактивные миномёты «КАТЮША».

После окончания Великой отечественной войны продолжил разработку космических ракет. Удачный полёт собак Стрелки и Белки воодушевили конструкторов и завод (*так Королёв называл место работы*) подарил мне дачу и зелёный участок. А мне этим заниматься некогда, я пригласил своих сотрудников и сказал, вот сажайте сами, что хотите, ухаживайте и со-

бирайте урожай, теперь уже зреют яблоки. В честь награды Ордена Ленина был организован торжественный обед, и мне принесли список приглашённых, в котором увидел фамилию доносчика. Я его вычеркнул, сказав про себя, что его я точно не хочу видеть. Но он приехал, сел за стол против меня, расспрашивал, как я живу, я отвечал, не обмолвился о его доносе, не подвёл следователя...»

Тамара Лаврентьевна спросила о его жене, семье, не пострадали ли они? Сергей Павлович сказал, что жена живёт в Житомире:

«Вышла замуж за хорошего моего друга, я ей благодарен, что вырастила дочь без меня, я всегда был плохим семьянином, постоянно пропадаю на работе. Я тоже женился на прекрасной женщине, сотруднице нашего учреждения, Нине Ивановне, в 1948 году, и счастлив с ней».

За разговором незаметно пролетели 3 часа. Я, конечно, сидела, открыв рот, хотя тогда не знала, что перед нами сидит главный конструктор космических ракет. Да и приехал Королёв украдкой. Был на каком-то симпозиуме в Ленинграде и вырвался на короткое время в Ульяновку. Приехал один (без свиты, как теперь ездят) с шофёром, который так и просидел в машине, отказавшись подняться в дом. «Наверное, меня потеряли и уже ищут, надо ехать», – сказал Сергей Павлович и стал собираться. Теперь, конечно, я понимаю, что он скрылся от охраны. На прощание Сергей Павлович Королёв подарил Якову Матвеевичу глобус, модель первого искусственного спутника земли, книгу «В скафандре над планетой» с надписью «Дорогому Якову Матвеевичу Терентьеву на добрую память о незабываемых годах совместной работы на заре отечественной космонавтики» и фотографию обратной стороны луны.

Последний подарок особенно удивил Якова Матвеевича, так как в газетах не печатались о запуске новой ракеты. Сергей Павлович рассмеялся и сказал, что сообщение появится завтра, запуск в сторону Луны прошёл успешно. В свою очередь Яков Матвеевич подарил Сергею Павловичу фотографию, на которой они вдвоём запечатлены вместе в связи с успешным запуском на Нахабинском Полигоне под Москвой 17 августа 1933 года.

Когда-то Королёв сам подарил Терентьеву этот снимок и сейчас был несказанно рад, что фотография вновь вернулась к нему, ведь его вторая фотография не сохранилась (изъяли при аресте), а она напоминала об успешном запуске первой советской ракеты. Меня Сергей Павлович потрепал по плечу и сказал: «А к тебе, дочка, ещё загляну, так хочется посмотреть, как изменилось на Севере». «Жаль, что времени всегда мало, а так много ещё хочется сделать! Сожалею, что многое ещё не сказали друг другу, надеюсь, ещё встретимся, Яков Матвеевич, и вы расскажите о трудных годах на Чукотке. Приезжайте ко мне на новый 1966 год в Москву.» Так и договорились. При выходе из дома к машине Тамара Лаврентьевна нарвала большой букет белых флоксов и подарила Королёву. Кто знал, что это было последнее свидание...

Сергей Павлович в моей памяти остался простым человеком и о себе говорил с некоторым юмором, как о ком-то постороннем.

14 января 1966 года по радио сообщили, что скоропостижно скончался крупнейший советский учёный, академик Сергей Павлович Королёв, конструктор первых искусственных ракет. Я сразу же послала телеграмму Якову Матвеевичу с соболезнованием. После он прислал мне письмо, в котором сообщил,

что получил письмо от Сергея Павловича, датированное 31 декабря 1965 года, со следующими словами:

«Шлю тебе, старому другу, товарищу, самые наилучшие пожелания и поздравления к новому году. Прошу передать мой привет и поздравления Тамаре Лаврентьевне. Мои дела и планы не слишком важные, буду весь январь лечиться в больнице. Ничего особенного нет, но вылечиться надо. Всё прочее, как всегда, в неудержимом стремительном движении».

По словам Тамары Лаврентьевны, Яков Матвеевич тяжело переносил утрату товарища, был молчалив, плакал, плохо спал, мало ел. Сам он тоже скоропостижно умер от сердечного приступа в день космонавтики 12 апреля 1983 года на 86 году жизни, а Тамара Лаврентьевна – 26 ноября того же 1983 года.

Вот так закончилась жизнь замечательных людей.

ИЗ ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО РАКЕТОСТРОЕНИЯ

1930–1935 годы

Воспоминания Терентьева Я. М.

1. Оптимисты с Садово-Спасской

В один из дней лета 1932 года ко мне в управление РККА (рабоче-крестьянской красной армии) пришли двое молодых людей. Один из них, назвавшийся Сергеем Павловичем Королёвым, сказал, что он начальник Московской группы изучения ракетного движения при бюро воздушной техники Осоавиахима. Второй – Л.К. Корнеев – заместитель начальника бригады и секретарь партийной организации ГИРДа (группа изучения ракетного движения). Я насторожился: о существовании такой группы мне не было известно. В то время у нас «болела голова» о Ленинградской газодинамической лаборатории (ГДЛ) о её превращении в мощную научную организацию. Я понял, что новоявленная группа вряд ли сможет дать что-либо реальное в скором

времени. Молодые люди, явно не замечая моего смущения, с прежней энергией и оптимизмом продолжали говорить о работе ГИРДа, о ближайших планах и перспективах. Короче, они попросили помощи для их работы. Оба рассказчика произвели на меня впечатление своей убеждённости, и я решил поближе познакомиться с группой. Посмотреть, как она работает. Хотел записать адрес, но тут мои посетители засмеялись и предложили встречу на улице. И вот настал день встречи. В условном месте меня ждал Королёв. Вслед за ним я иду вдоль строительной площадки, раскинувшейся на Садово-Спасской улице Москвы. Рискуя сломать ноги, перелезаем через горы строительного мусора, удивление моё нарастает. Но я молчу. Наконец, попадаем в какое-то подвальное помещение, слышу удары то ли по жести, то ли по куску железа. Первая мысль: тут какая-то ремонтная мастерская. Но Королёв говорит: «Вот и пришли».

В сыром подвале, на земляном полу, при плохом искусственном свете работал настоящий научно-исследовательский коллектив, и не простой. Десяток шагов вперёд – вот и «кабинеты», где рождаются многообещающие проекты будущих ракет. В большинстве комнат дверей нет, а там где есть – самодельные. На столах чертежи и бумаги. Выяснилось, что нередко члены группы покупали всё необходимое для работы на свои личные средства. Познакомился и с замечательным учёным и изобретателем Ф.А. Цандером, который, безусловно, был душой группы. Ему в то время было

Слева Сергей Павлович Королёв, справа Яков Матвеевич на Нахабинском полигоне в 1933 году

около 45 лет, но выглядел старше. Цандер извинился за необычную обстановку и вместе с Королёвым начал знакомить меня с делами группы. Просматривая физико-математические расчёты, эскизы проектов, я убедился, что выполнены они квалифицированно с инженерной точки зрения, глубоко и тщательно продуманы. И здесь на самом деле ведутся серьёзные поиски в решении проблем проникновения человека в космос. По проекту Цандера уже был сконструирован и прошёл испытания первый реактивный двигатель (Ор-1). Инженеры и конструкторы имели свои оригинальные проекты и предложения по созданию жидкостных реактивных двигателей ракет.

2. Итоги посещения ГИРДа

Перед уходом из коллектива я понял, что все ждали моих мнений, а может быть решений. И я их высказал: я был удовлетворён просмотренными расчётами, первыми успехами в проектировании, а самое главное – я отметил хороший коллектив и почувствовал уверенность, что большие задачи, которые он ставил перед собой, будут осуществлены. Я выразил сожаление по поводу тяжёлых условий, в которых они работали, и обещал принять меры по улучшению условий их работы и помещения. Я их просил подумать над тем, как построить ракету, которая могла бы в точно установленную точку прилететь хотя бы за 100 километров. Если это технически выполнимо, я просил их прийти на переговоры. Я дал обещание, что о коллективе ГИРД доложу руководству, которое несомненно согласится на соответствующую помощь.

Вечером в своём кабинете подвёл итоги деятельности ГИРД и её положения. Они были примерно таковы:

1) Цандер – несомненно высокообразованный инженер, который обладает целеустремлённым характером, имеет ряд научных работ в области астронавтики, работая в этой области около двух десятков лет, образовал около себя школу, состоящую из инженеров-изобретателей.

2) Группа занята не только теоретическими, но и экспериментальными работами. По проекту Цандера был уже создан первый реактивный двигатель, он был испытан и под-

твердил его теоретические выводы.

3) Инженеры ГИРД С.П. Королёв, С.К. Корнеев, М.К. Тихомиров, И.А. Красенко и другие имели свои проекты или изобретательские предложения по осуществлению строительства опытных реактивных двигателей и ракеты, которые заслуживали внимания.

4) По отдельным разработкам деталей в жидкостных реактивных двигателях имелись оригинальные решения.

Обдумывая посещение ГИРД и обмениваясь с товарищами по этим вопросам, мы мечтали решить задачу: построить ракету с радиусом действия 100 – 1000 километров, в то время фантазии на большой радиус действия у нас не хватало.

3. Мой доклад

М.Н. Тухачевскому

В одну из последующих ночей я докладывал Тухачевскому о научно-изобретательских работах ГИРД и положении московской группы по изучению реактивного движения. Почему в одну из ночей? Потому что тогда в центральном аппарате Наркомата военных и морских дел СССР было много работы. У руководящих лиц днём было много приёмов, они посещали заводы, научные учреждения, полигоны строительства, работали в комиссиях правительственных органов. В 9–10 часов вечера начиналась творческая работа. Меньше гудели телефоны, обсуждались коллективно важные вопросы, которые должны быть начаты разработкой в аппаратах многочисленных управлений Наркомата. В докладе Михаилу Николаевичу я сообщил, что группа работает в тяжёлых условиях, без каких-либо средств, с благодетельным фанатизмом, в области как научных, так и экспериментальных работ. Был решён вопрос о работе Ф.А. Цандера в качестве штатного сотрудника ГИРД, до этого он работал на общественных началах без зарплаты. Основная его работа была в Управлении Наркомата путей сообщений. С этих дней Московская группа фактически вошла в нашу систему и она начала организовываться на новых началах. На территории Петропавловской крепости, на артиллерийском полигоне и военном полигоне всё чаще гремели в воздухе ракеты, мины и другие виды воору-

Слева Королёв С.П, справа Яков Матвеевич около первой ракеты (снимок 1933г. 17 августа)

жений. В 1932 году строился испытательный стенд при Авиазаводе №1, подыскивались помещения для конструкторского бюро.

1933 год начался плохо. 28 февраля на юге нашей страны скончался Ф.А. Цандер, отправленный для восстановления здоровья. Все тяжело переживали этот неожиданный удар, но сотрудники ГИРД дали клятву вечно хранить его уроки и осуществить его мечту. В марте этого года они испытывали жидкостный реактивный двигатель конструкции Ф.А. Цандера.

4. Запуски ракет в 1933– 1935 годы

17 августа 1933 года на Нахабинском полигоне коллективом ГИРД была запущена первая ракета с жидкостным двигателем конструкции М.К. Тихонравова. Это была первая важная победа гирдовцев, и они оправдали надежды, которые мы и руководители изобретательных органов РККА во главе с М.Н. Тухачевским возлагали на них.

На радостях фотограф-любитель сфотографировал присутствующих, в том числе и меня с С.П. Королёвым.

В ноябре того же 1933 года под руководством С.П. Королёва испытывалась новая более мощная ракета «ГИРД-Х» Ф.А. Цандера. Эти успехи воодушевляли их создателей и нас, работников РККА.

В марте 1934 года С.П. Королёв испытал в полёте модель планера, снабжённого жидкостным реактивным двигателем (ЖРД). Размер двигателя был, примерно 1,5 метра по размаху крыльев и около одного метра длины. Модель поднялась, примерно, на 100–500 метров вверх и с гулом произвела круговые полёты над нашими головами в течение нескольких минут.

В марте 1935 года в моём присутствии вновь под руководством Леонида Константиновича Корнеева испытывалась ещё более мощная ракета.

Каждое испытание приносило радость и большую уверенность в успехе дела, но немало было и разочарований, которые определяли новые теоретические и практические поиски.

Так, в 1933 году Газодинамическая лаборатория (ГДЛ) предложила испытать изготовленное у неё топливо на одном из опытных реактивных двигателей ГИРД для определения давления тяги и других параметров. Решили топливо из Ленинграда перевезти в Москву по железной дороге, поручив руководство перевозки Г.Э. Лангемак. Перед отправкой поезда топливо начало подымливаться, железнодорожники Октябрьской ж.д. подняли шум и организовали суд над т. Лангемаком. Пришлось потратить много сил, чтобы исследователя не осудили.

5. Моя записка в ЦК ВКП(б) об организации реактивного научно-исследовательского Института

Всё более назревал вопрос о необходимости объединения двух родственных научных организации – ГДЛ и ГИРД в единый научный Реактивный институт. Совместно с товарищами, моими помощниками – полковниками Б.Н. Лопиковым и И.П. Попковым и другими, я вёл активные беседы по этому вопросу. Был проведён широкий обмен мнениями с Л.К. Корнеевым, С.П. Королёвым, Н.Я. Ильиным, Л.Э. Лангемаком и другими товарищами. 25 февраля 1933 года в Управлении Военных изобретений я созвал комиссию с участием руководителей ГДЛ и ГИРД по организационным

вопросам создания Реактивного научно-исследовательского института.

В результате мною была составлена записка (письмо), и, с согласия М.Н. Тухачевского, я как коммунист направил её в ЦК ВКП(б). Приветствуя моё предложение, М.Н. Тухачевский не решился сам обращаться в ЦК партии без согласования со своим начальством – наркомом военных и морских дел К.Е. Ворошиловым. Тем более, этот вопрос уже был поставлен Тухачевским ещё в апреле 1932 года, но решение вопрос почему-то очень задерживалось. А решать его, мы считали, надо немедленно. Мы оба хорошо понимали, что этот институт сыграет большую роль в создании могучего ракетного оружия для обороны родины и в развитии советской космонавтики. Представляя записку непосредственно в ЦК партии, я очень волновался, потому что мог за это получить серьёзное взыскание, и всё-таки решился. Здесь я руководствовался Уставом партии, где говорилось, что член партии по любому вопросу может обращаться непосредственно в ЦК партии. Эту записку, поскольку она была секретной, послали через Особый сектор ЦК, который возглавлял командующий войсками Московского военного округа т. Базилевич. В записке говорилось о достижениях газодинамической Лаборатории (ГДЛ) и (ГИРД), о работах в области ракетостроения в США и других государствах. Указывалось, что в целях развития ракетостроения и космонавтики в СССР необходимо объединить маломощные ГДЛ и ГИРД и на их базе создать Реактивный научно-исследовательский институт.

Через несколько дней я был срочно вызван к М.Н. Тухачевскому. Как только я перешагнул порог кабинета, он встретил меня в хорошем расположении духа: сообщил про объединение Московской группы по изучению реактивного движения и Ленинградской газодинамической лаборатории, а также о решении образовать московский реактивный научно-исследовательский институт. Михаил Николаевич рассказал, что он и заместитель На-

ркома тяжёлой промышленности И.П. Павлуновский были вызваны к И. В. Сталину, где рассматривалась моя записка. Решения ЦК об организации РНИИ было направлено в Совет Народных Комиссаров СССР на исполнение. Для решения размещения РНИИ была создана правительственная комиссия из трёх человек, в которую вошли секретарь МК ВКП(б) Н.С. Хрущёв, от наркомата военных и морских дел СССР – я, а также представитель ОГПУ (фамилию не помню). Много мы осмотрели зданий и остановились на помещениях завода Всесоюзного института сельскохозяйственного института. Но дело с организацией института задерживалось (я даже письменно обратился к М.Н. Тухачевскому с просьбой ускорить слияние ГДЛ и ГИРД и занятие утверждённого помещения для РНИИ).

1 сентября 1933 года был издан приказ Революционного военного совета СССР, подписанный Тухачевским, 31 октября того же года было вынесено постановление Совета Труда и Оборона при совнаркоме СССР об организации РНИИ. Начальником этого института был назначен И.Т. Клеймёнов, а зам. начальника по научной части – С.П. Королёв. С начала 1934 года заместителем начальника РНИИ назначили Г.Э. Лангемака, а С.П. Королёва – начальником отдела РНИИ по разработке крылатых ракет. Так в нашей стране был создан крупнейший научный центр-институт реактивной техники, специалисты которого своими достижениями прославили нашу Родину и первыми заложили основу для освоения космического пространства и создания мощных ракетных вооружений оборонного щита СССР. Впоследствии это великое начинание основоположников астронавтики было поднято на небывалую высоту уже их талантливыми последователями.

1965 год

Я.М. ТЕРЕНТЬЕВ –
бывший исполняющий обязанности
начальника Управления Военных
Изобретений РККА,
инженер-технолог

СТАРЫЕ ФОТОГРАФИИ. АРЕСТЫ

В семье у Якова Матвеевича хранилось несколько альбомов с фотографиями. Я всегда с интересом их рассматривала и расспрашивала, кто снят на фото. Здесь были снимки в кругу семьи, в рабочей обстановке. На одной фотографии Яков Матвеевич был снят с большой группой военных специалистов довоенного времени. На ней в центре был вырезан один снимок. Я спросила: «А кто здесь находился?» Он ответил, что вырезан Тухачевский М.Н. Затем рассказал, как Тухачевского арестовали на одном из заседаний, предъявив обвинение в шпионаже и предательстве:

«Это обвинение было настолько неожиданным и ошеломляющим, что всех буквально повергло в шок. Не никто не успел и опомниться, как Тухачевского обезоружили и увели. Обвинение было сфабриковано настолько правдоподобно, что многие поверили, в том числе и я. А через некоторое время стали сгущаться тучи и надомной. Меня сняли с работы и в 1938 году арестовали.»

Зная, чем кончаются подозрения, Яков Матвеевич некоторые документы и фотографии увёз к родственникам. Поэтому они сохранились, их не нашли во время ареста. Сам он вскоре понял, что Тухачевский был оклеветан, как и Якир, Уборевич, Егоров и другие. Их обвинили в выдаче государственных тайн и снабжении секретными сведениями иностранных разведок, якобы ставивших своей целью разрушение партии и советского государства, подрыв обороны страны, создание условий для иностранной военной интервенции и подготовки поражения Красной Армии, расчленения СССР. Эти обвинения были настолько чудовищны и нелепы, что Яков Матвеевич

сделал вывод: они кем-то сфабрикованы, а значит, всё скоро выяснится. Но нет. Всех их приговорили к расстрелу. НКВД привёл приговор в исполнение в 1937 году.

Мне Яков Матвеевич рассказал, что он восхищался и чисто человеческими, и деловыми качествами Тухачевского. Так, например, Тухачевский постоянно находился в дневные часы на предприятиях оборонного значения, а кабинетной работой занимался в ночные часы. Так тогда работали многие руководители партии и государства. При этом Тухачевский всегда был добр, неутомим и общителен. В том же альбоме была ещё фотография, на которой академик С.П. Королёв с Яковом Матвеевичем сняты возле первой ракеты, запущенной позже с Нахабинского полигона. Вот что рассказывал мне Терентьев об этом.

АРЕСТ ТЕРЕНТЬЕВА

Со слов Якова Матвеевича вскоре после ареста М.Н. Тухачевского изменилось отношение ко многим работникам Кремля, многих стали подозревать в измене Родины. Началось следствие над Яковом Матвеевичем как заместителем М.Н. Тухачевского. Его отстранили от работы и в течение почти года он трудился на разных работах, зарабатывая на питание, в основном грузчиком на железной дороге. Пока однажды ночью не забрали.

В 1938 году Якова Матвеевича арестовали и больше двух лет содержали в Таганской и Бутырской тюрьмах и только в 1941 году осудили Особым Совещанием НКВД СССР «за участие в антисоветском военном заговоре» по статье 58.10 как врага народа. После этого срок наказания отбывал на Чукотке. Был в числе первых строителей прииска Красноармейский. В 1946 году был освобождён по окончании

срока наказания, но на 5 лет лишён прав гражданина СССР (участие в выборах, собраниях и т.д.) и права выезда с Чукотки. Вызвал Тамару Лаврентьевну, которая, бросив всё, приехала к нему в 1947 году.

В 1948 году (когда я приехала) Яков Матвеевич работал инженером в Чаунском Горно-промышленном управлении, в 1952 году был разрешён выезд на «материк» и он с Тамарой Лаврентьевной выехал в отпуск (через 24 года после ареста).

1953 год из Певека переехали на рудник Валькумей, где Яков Матвеевич был начальником буровзрывных работ.

ЭТАПИРОВАНИЕ НА ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

После ареста и содержания в Бутырской и Таганской тюрьмах «за участие в антисоветском военном заговоре» в течении более трёх лет, Якова Матвеевича этапировали на Дальний Восток. Везли в «телячьих вагонах», битком набитых заключёнными, где было тесно, жарко, страдали от жажды, голода, болезней. Остановки были краткими, когда создавалась необходимость убрать умерших и для переключки оставшихся, иногда в это время выдавались хлеб и вода. Политических заключённых везли вместе с уголовниками, которые всячески издевались над «врагами народа»: могли отобрать хлеб и воду, избить, даже убить. Люто ненавидели и любыми способами старались уничтожить, и никакая охрана не защитит и не будет искать виновных. Они себя считали советским людьми, хотя были ворами и убийцами, но не предавали Родину. Чтобы выжить в этой ситуации, Яков Матвеевич определил главаря уголовников в своём вагоне и стал рассказывать о Чапаеве, его подвигах,

об интересных случаях в своей жизни, о том, как воевал против басмачей, о боевых операциях против бандитизма, об организации Красной Армии и разгроме, в котором он участвовал, восставшего чехословацкого полка и т.д. Яков Матвеевич стал пользоваться авторитетом среди уголовников, ему предоставили лучшее место в вагоне и другие почести, стали его оберегать и прозвали Чапаевым.

«Где-то уже на Дальнем Востоке, на каком-то пересыльном пункте, место его нахождения я не запомнил, – вспоминал Яков Матвеевич, – поезд остановился на продолжительное время и нам организовали помывку. Заключённым устроили баню, переодели и один из работников НКВД пригласил меня в кабинет. С начала ареста впервые следователь разговаривал со мной по-человечески, на равных, фамилию этого человека не помню, но был благодарен ему и думал, не повторил ли он судьбу «врагов народа», так как и хороших следователей тоже арестовывали.» Он дал Якову Матвеевичу газету. Прочитав её, Яков Матвеевич узнал, что международная обстановка такова, что война неизбежна, и понял, что большая беда ждёт СССР, а многое он не успел сделать и теперь уже не может ничем помочь. После помывки заключённых погрузили в вагоны и направили в порт Ванино, а оттуда на пароходе на Чукотку в Певек Чаунского района. Сначала поместили в отдел лагерного пункта № 10 (ОЛП № 10), расположенный в двух-трёх километрах от Певека, потом этапировали на строительство будущего прииска Красноармейский. Расстояние до будущего прииска от Певека, примерно 180 километров, заключённые шли из последних сил, падали некоторые замертво. Яков Матвеевич говорил, что и дорога, и сам прииск построен на человеческих костях.

Живя в Певеке четыре года, мы с подругами иногда забирались на ближайшую сопку: оттуда в летние месяцы был красивый вид на Чаунскую Губу, остров Раутан, – наблюдали приближение первых пароходов с «материка», а в подножье сопки было кладбище заключённых. Могилы были без крестов, вместо них стояли покосившиеся столбики с номерами.

РОЖДЕНИЕ ПРИИСКА Вспоминания Якова Матвеевича

После двухмесячного этапирования Москва – Чаунская Губа колонна заключённых (около пятисот человек) прибыла на конечный пункт. Собственно прииска ещё не было. Стояло несколько неказистых домиков, очевидно, для будущей администрации и охраны. Создать прииск должны были мы, заключённые. Для нас начали строить лагерь, была уже проходная, от которой протянули несколько метров колючей проволоки. Тут же стояли три недостроенных барака.

Колонна пришла вечером. Все мы получили по куску свежего хлеба. Ноги нас едва держали, так устали. Большинство прошедших разместились в недостроенных бараках, а около сотни, в том числе и я, устроились, подобрав под себя всякий строительный хлам, на улице. Так и уснули около бараков под открытым небом. Проснулся я от холода и боли во всём теле. Большинство заключённых ещё спали, во сне кричали, охали, кто-то ругался вслух. Я обнаружил, что мои ноги превратились в тумбы, особенно распухли ступни. Многие из проснувшихся не могли встать, у них была высокая температура – у некоторых явные признаки воспаления лёгких, у других появились рожистые пятна. Стоял июль месяц, но день был унылым и мрачным. Через некоторое время появился охранник и подал команду: «Подъём!». Я попытался встать. Но почувствовал нестерпимую боль в ступнях. Понимая, что в этих условиях надеяться на медиков нельзя, я перевязал ступни тряпками и, скрипя зубами, сделал первые

шаги. Оказывается, пока мы спали, трактор привёз сани с лесом и досками. Охранник отобрал человек десять и приказал идти к саням на разгрузку. Примерно через час мы закончили работу. Нам выдали хлеб и консервы. Мы тут же разожгли костёр, вскипятили в найденных консервных банках воду и запивали ею свой сухой паёк. Затем было приказано всем построиться по четыре. Произвели списочную проверку и тут же назначили бригадиров. В основном они были из уголовников. Каждая бригада насчитывала примерно человек пятьдесят. Выбрав момент, я подошёл к бригадиру и показал свои ноги. Вскоре он принёс мне ботинки и сказал, что эти самые большие. После завтрака пришёл человек в гражданской одежде, оказалось, прораб, и каждой бригаде дал задание на работу. Нашу бригаду определили на возведение палатки. Нужно было поставить каркас – конусообразную палатку, в ней сделать настил пола из торфа. Но прежде надо было оторвать торф от вечной мерзлоты за сто метров, уложить, утрамбовать. В палатке предусматривалась железная печка (сделанная из железной бочки с приспособленными тяжёлыми железными трубами), а также нары. Затем каркас покрыть. Для нас, полубольных, не плотников и не специалистов, эта работа заняла около 14 часов. В этой палатке мы прожили около года, в том числе и полярную ночь. Палатка была рассчитана на 25 спальных мест, а жило в ней около 50 человек. Спали по очереди; рабочий день 12 часов (с 7 утра до 19 часов и с 7 вечера до 7 утра.), потому одни спали, другие работали. Зимой палатку заносило метра на два-три. В палатке было относительно тепло, когда топилась печь, но топилась она далеко не постоянно. На другой день нашего пребывания нас подняли в 5 утра. Бригадир нас по списку разбил на 2 смены. Я попал в первую – дневную (через неделю бригады подменяются). Объявили, что в первой палатке идёт приём больных. Многие, в том числе и я, бросились туда. Но пока я с трудом доковылял, там уже собрались в кучу человек около ста. И в этот день я так и не попал к лекпому. Кое-как я успел вернуться, съесть суп и подгорелую кашу, и ротный (так называли бригадира) приказал

– всем в зону, строиться побригадно в колонну. Нас построили, проверили пофамильно, выдали нам лопаты и кайла. У ворот, которых ещё не было, сдали по счёту шести охранникам, которые предупредили: шаг вправо, шаг влево – будут стрелять без предупреждения. Идти нужно было километра 3 от лагерного пункта. Я шёл, ощущая невероятную боль в ступнях. Хотелось лечь, но это значило быть пристреленным. И я старался идти в ногу с товарищами, как положено заключённым. Шёл и думал, как сейчас нелегко моим друзьям на фронте. Но быть раненым и умереть на фронте – это одно, а умереть здесь, за полярным кругом, во имя чего? Да, мы будем строить прииск, верю, что он нужен. Но никто нам не сказал ободряющего слова, что это ради победы в войне.

С нами идёт бригадир – неграмотный уголовник. Среди нас есть грамотные инженеры и специалисты, которые бы принесли гораздо больше пользы, будь они на воле, свободными гражданами. Шли мы около часа, потом нас разделили на две группы. Одна группа пошла дальше, а к нам подошёл человек в штатском и сказал: «Вот эту горку надо опустить вниз и выровнять площадку длиной сорок, шириной от десяти до пятидесяти метров, глубиной до трёх метров. С первыми десяти сантиметрами глубины мы справились примерно за час, а потом кайлить становилось всё труднее – началась вечная мерзлота. Так мы получили первый урок, что здесь природа без боя не сдаётся. Мы трудились, что есть силы. Охранники за нами наблюдали. Так начинал зарождаться прииск.

Несомненно, здесь уже была проделана большая работа, многолетние поиски, предварительная разведка района – установление наличия полезных ископаемых и их промышленных запасов. На основе разведанных данных был составлен технический проект прииска, а также хозяйственных и жилых сооружений. Сейчас начинали его осуществлять. Не знал я, конечно, что тут будут добывать, и только спустя годы уже после освобождения мне стало известно, что тут производилась первая разработка месторождения касситерита, который содержит

необходимое стране олово. То, что мы ничего не знали, – это главная ошибка руководителей прииска. Они нам не доверяли и очень много теряли в производительности труда. «Они нас занимают деятельностью, чтобы гробить, – считали многие заключённые. – так зачем честно работать?». Придя в зону, я в первую очередь пошёл к лектому, но приём уже закончился и я снова не попал к нему. Только на третий раз подошла моя долгожданная очередь. Лектом, одетый в лагерную фуфайку, спросил фамилию и по какой статье осуждён. Я ответил, что никакой статьи у меня нет. Тогда он сказал: «Контрик?» Я молча показываю ему сплошную опухоль на ноге, пытаюсь развернуть тряпки на другой ноге, но он даже не стал смотреть, сказав сквозь зубы: «На работу!». Оказывается, что все политические не получают медицинской помощи. Так прошло две недели, и свалилась на нас новая беда. Пустую руду надо было отвозить метров на двести. Привезли тачки. Эти тачки стали настоящим наказанием для нас: очень тяжёлые, неуклюжие. Они даже налегке еле передвигались, а нам ещё надо было нагружать их пустой породой. И мы молили бога, чтобы быстрее наступили холода, выпал снег, который избавил бы нас от ненавистных тачек.

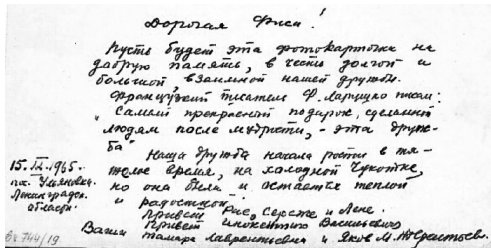
Парадокс – крупные специалисты-строители, которые построили такие первоклассные промышленные предприятия, как Дороднинский, Кисчевский и другие, должны были тратить себя на строительстве горного предприятия, пользуясь «инструментом» тачкой-уродом. С каждой неделей заключённые всё больше концентрировались на разработке месторождения олова. Но людские кадры использовались нерационально. Смерть начала посещать наш лагерь. Умирали получившие воспаление лёгких, умирали молодые, не втянувшиеся в работу. Сказался и наш переход Певек – прииск и изнурительный труд по 12 часов, плюс 2 часа ходьбы туда и обратно. Сказалась и акклиматизация. Говорят, что за Полярным кругом количество кислорода в атмосфере чуть ли не на 16 процентов меньше по сравнению с привычными широтами. Часто меняется атмосферное давление. От плохого питания у многих нача-

лась цинга. Угнетающе действовало и отсутствие информации, переписки с семьёй, очень плохое отношение к нам охраны. Казалось, всё против нас. Как сказал английский поэт С.Элиот: «Мир этот создан не мною, мне страшно в нём – я здесь чужой». Даже отсутствие бани – я не мылся с Хабаровска больше месяца – удручало и физически и морально.

Наконец, мне улыбнулась fortuna. В конце августа бригадир послал меня на кухню за каким-то инструментом. Меня встретил повар и сказал: «Приветствую, Яков Матвеевич». Я очень удивился: откуда повар знает моё имя? Видимо, он заметил моё смущение и объяснил, что узнал меня, когда мы плыли на пароходе «САХАЛИН», но не имел возможности поговорить со мной. Далее он сказал: «Вы были у нас на подводной лодке и с нами плавали несколько дней, испытывая какую-то торпеду. Я тогда был мичманом, вы – генералом, и сопровождало Вас высшее начальство флота». Я был рад встретиться с поваром – мичманом с Балтики. Он извинился, что ничем не может угостить меня, и добавил, что у него есть несколько коробочек чёрного перца и одну может выделить. Я его упрекнул за плохие обеды, а он ответил, что тут сказывается не только неумение готовить: «Получше обеды дают охране, администрации из заключённых – ротным, медработникам, крупным уголовникам, а уж остальное – вам». Со временем у меня было ограничено, и я собрался уходить, а перец он всё же сунул мне. Коробочку эту нельзя было показывать, и я перед обедом и ужином этот перец немного отсыпал в бумажечку, а из бумажки в суп. Безвкусный суп стал вкуснее с перцем. Так я использовал перец два-три дня и вдруг заметил, что с ног сходит опухоль. А ещё через день-два ноги пришли в норму и перестали болеть. Я невольно стал вспоминать всё, что знал о перце: родина его Индия, Цейлон, Ява, Суматра, в СССР перец культивируется как пряное растение, он влияет на сердце. Но вот то, что перец поможет моим ногам, я никогда не предполагал. Верно говорят: век живи – век учись. Наконец, наступил сентябрь, подули холодные ветры. В нашей палатке становилось всё холоднее. Мы старались подбирать

Шарыпова А. Н. и Терентьев Я. М.
(снимок 1965 г.)

каждую щепочку и, припрятывая, несли в палатку. Пока топили, было тепло, как утром вставать, так страшно холодно. В это время мы приступили к нарезке шахты с деревянными креплениями для выхода и вывоза в будущее руды, промывки добычи касситерита. Где-то недалеко от отвала должен был строиться по проекту строителей прибор.

Мои товарищи по звену сменялись уже несколько раз. В первом составе были: я, Власов – белорус, лётчик, Короленко – украинец, танкист, подполковник – командир полка. Они выбыли от переутомления и полученных травм. И я чувствовал себя измождённым, всё чаще кружилась голова, болели спина, руки, ноги. Двигался, работал, благодаря силе воли. В сентябре вновь пошёл в медпункт. Там уже был новый лекарь, более внимательный, не такой хам, как прежний. Он внимательно осмотрел меня, послушал и сказал: «У вас критическое переутомление». Но ничего не дал и не посоветовал и сказал: «Я вас освободить от работы не имею права». В октябре началась сильная пурга. Но нас гоняли на работу. Я боялся, что или замёрзну по пути, или меня пристрелят (как уже делали с некоторыми), как куропатку, которых, кстати, здесь было очень много. Только помощь друзей спасла меня от этой участи.

После пурги настал воскресный день, и нам полагался отдых. День выдался тихий и относительно тёплый. Но нас выгнали заготавливать

хворост и носить его по заснеженной долине не менее километра от речки до лагеря. Однако хворост надо было ещё откопать (его основательно занесло снегом) и наломать. А инструменты – лопаты и топоры – нам не дали, приходилось всё делать руками. По глубокому снегу шли с трудом. Первые несколько часов таскали хворост к проходной за лагерь, где день и ночь стояли охранники, так что хворост у них был на виду. Отдыхать никому не разрешали. Устав, некоторые стали двигаться медленно, тогда один охранник решил «подбодрить» таких и выстрелил в одного заключённого, смертельно ранив. После выстрела многие заключённые

легли, выражая тем самым своё возмущение. Но вскоре всех загнали в зону. Через день самых слабых перевели с горных работ на переноску к зоне заготовленного ещё в тёплое время торфа. Эта работа была сравнительно не тяжёлой. Был образован большой круг носильщиков торфа, каждый брал два-три куска и шёл с ними. А в центре стоял охранник с винтовкой – наблюдал. Так мы ходили, как рабы, едва таская ноги. Через несколько дней я шёл всё медленнее и всё время ожидал, что стрелок-охранник в меня выстрелит. И я мысленно был готов умереть. Идя по очередному кругу с небольшим куском торфа, я упал без сознания. Очнулся на топчане в медпункте. Было там человек десять, рядом лежал подполковник Романов с рожистым воспалением. Из разговоров с ним я узнал, что он был нашим разведчиком во Франции, прекрасно знал эту страну, особенно Париж. С утра, как заканчивался завтрак и процедуры, Романов спрашивал меня, куда мы сегодня поедим? «Вы, конечно, остановились в гостинице ПАР гранд-отель?» И далее он рассказал историю Парижа, его магистралей, какие исторические события на них происходили. «Вот, – продолжал Романов, – мы подъезжаем к Елисейским полям, где расположен дворец президента Франции». Далее шёл рассказ о политике современной Франции, её музеях, картинных галереях. Сам Романов так увлеклся, будто наяву сопровождал меня на экскурсии.

И остальные заключённые заслушивались его рассказами, и мы забывали на время окружающую нас мрачную действительность.

Через пару недель меня выписали, хотя за это время я ни одного врача не видел, а фельдшер-заключённый осуществлял главным образом административную роль. Дорогой мой товарищ Романов, видимо, умер через две-три недели. Он также пал жертвой беззакония, которое установилось тогда в стране. Пусть будет вечная память разведчику Романову!

Здесь, в медпункте, я узнал, что наш прииск, который рождался в таких мучениях, только что назван «Красноармейским».

ТЕРЕНТЬЕВ Я. М.

Ленинградская обл.,
пос. Ульяновка. 1956 год

ЖИЗНЬ В ЛАГЕРЯХ

Яков Матвеевич был скромным человеком, мало рассказывал о себе, тем более о жизни во время отбывания срока в лагерях Чаунского района на Чукотке. Не хотел вспоминать тяжёлые годы, ни слова не говорили и другие заключённые, с которыми мне приходилось встречаться (санитары, врачи отдела лагерного пункта № 10, расположенного в двух километрах от посёлка Певек), вероятно, шла слежка НКВД за ними. Яков Матвеевич дорожил мной, ведь я была комсомолкой. Не рассказывала и его жена Тамара Лаврентьевна. И только после реабилитации Терентьева Я.М. в 1956 году, уже будучи в Ульяновке, иногда рассказывал про жизнь в лагерях, тогда навёртывались слёзы на глазах, и Тамара Лаврентьевна запрещала дальнейшие разговоры на эту тему. Как и всех «врагов народа», Якова Матвеевича содержали вместе с уголовниками, работал он с кайлом и лопатой вместе с ними, которые могли издеваться, отобрать пайку хлеба. Охрана «врагов народа» не защищала. Я однажды спросила:

как ему удалось выжить? Яков Матвеевич ответил, что благодаря образованию в лагере партийной организации, члены которой поддерживали друг друга морально и могли отдавать часть пайки (кусочек сахара или хлеба) нуждающемуся больному или сидящему в карцере. В охране тоже были свои люди. Иногда казалось, что нас арестовали настоящие враги народа. Надеялся, что органы разберутся и отпустят. Тяжелее всего было переносить неизвестность, что с семьёй, отбывал срок без права переписки, а дома остались Тамара Лаврентьевна, сыновья Ким и Спартак, дочери Роза и Людмила, сёстры. Яков Матвеевич и Тамара Лаврентьевна были мне вторыми родителями. Свободное от дежурства в больнице время я бежала к ним с 1948 по 1952 год, а после переезда в посёлок Ульяновка (остановка Саблино по железной дороге Москва – Ленинград) гостила один раз в три года во время отпусков, иногда с мужем и тремя детьми. Последний раз гостила у них в октябре 1982 года, за полгода до смерти Якова Матвеевича. Они всегда радовались моему приезду.

В один из приездов он и рассказал о своём знакомстве с С.П. Королёвым.

КАРЦЕР

Однажды вечером, сидя после ужина перед телевизором с Яковом Матвеевичем, мы смотрели передачу вечерних новостей по программе «Время», вспоминали о жизни в Певеке, а Тамара Лаврентьевна была на кухне, и я спросила, сидел ли он в карцере. Он сказал, что ему пришлось два раза отсиживать в холодной и грязной камере:

«Сидел первый раз ещё в тюрьме вскоре после ареста. Тогда каждую ночь, следователи, сменяя друг друга, заставляли признаваться в несуществующей виновности,

выдавать своих соучастников, товарищей-сообщников и просто друзей. И так каждую ночь вызывали до шести утра, а днём запрещалось спать. В один из допросов я не выдержал и ударил следователя пресс-папье, который лежал на столе. Отсидел несколько дней. Второй раз – уже в Певеке.

История второго карцера такова. Из строящегося прииска Красноармейский меня этапировали в Отдел Лагерного Пункта № 10 Управления Северо-Восточных Исправительно-Трудовых Лагерей (УСВИТЛ) Дальстроя в Певек. Он, вероятно, служил перевалбазой для приёма с парохода вновь привезённых заключённых для последующей отправки по горнорудным предприятиям Дальстроя Чаунского района.

В ПАМЯТЬ О ЖЕРТВАХ РЕПРЕССИИ. ВЫСТРЕЛ В ЗАМЕРЗАЮЩЕГО ЧЕЛОВЕКА

«В один из дней октября нас, человек 120, снабдили ломами, киркой и лопатой и направили на берег Чаунской губы для подготовки площадки под строительство чаунского электрокомбината (ЧЭК). Одежды были плохо, как обычно, в лагерных фуфайках, кирзовых сапогах с тонкими и рваными портянками, у некоторых не было рукавиц. Работа была бессмысленна: мёрзлая, как камень, земля не поддавалась, лом, лопата и кирка просто отскакивали от неё. Дул пронизывающий ветер. Люди стали мёрзнуть. Выдолбленные комочки земли старались на носилках быстрее отнести на указанное охранником место, чтобы согреться. Но охранник часто менял место для укладки земли, как будто издевался над нами. Особенно

обессилел один «старик», так он выглядел, хотя ему было не больше сорока лет. В лагере все заключённые выглядели старше своих лет. Он ослабел, руки в рваных рукавицах примерзали к лому, постоянно падал, как воробышек, мы его поднимали, колотили, тормозили, старались разогреть, но он снова падал. А поодаль стоял с ружьём в руках охранник, грелся около большого костра. Мы стали кричать, чтобы он разрешил замерзающему погреться немного около костра. Сначала охранник не разрешил этого, но потом, вроде, сжалился и крикнул: «Ладно, пусть идёт, только один, без сопровождения». «Старик» медленно шёл, у него подгибались ноги, падал и поднимался, вытянув руки к теплу. Мы смотрели, как он еле передвигает ноги. И вот уже осталось метра два до костра, тут неожиданно охранник выстрелил, человек упал замертво. Такой варварский поступок так ошеломил всех заключённых, что поднялся крик возмущения. ОЛП № 10 был расположен примерно в двух-трёх километрах от Певека, и наш крик услышала администрация лагеря (ветер дул в сторону ОЛПа), тут же приехали узнать, в чём дело. Нас, тринадцать человек, в том числе и меня, посадили по одному в карцеры, остальных отвели по камерам. Отдельно от нас изолировали охранника, наверное, с целью ограждения его от мести заключённых. Тоже посадили в карцер. Начали допрашивать ежедневно, с пристрастием, били, выясняли, кто зачинщик, и так в течение трёх месяцев, добивались узнать фамилию, а зачинщика не было как такового, предполагали почему-то, что я организатор этого «бунта», но никто этого не подтвердил. Мы все требовали приезда начальства из Магадана. И только по приезду начальства из Магадана мы могли рассказать, как это

было, и нас выпустили. Выйдя из карцера, мы узнали, что охранника нашли в камере повесившимся, то ли сам повесился, то ли повесили – для всех осталось загадкой...»

В конце рассказа у Якова Матвеевича навернулись слёзы. Вернувшись с кухни, Тамара Лаврентьевна запретила разговоры на тему заключения.

ТРАГЕДИЯ СЕМЬИ ЯКОВА МАТВЕЕВИЧА

Сам Яков Матвеевич, поселившись в Ульяновке после отбытия срока в ГУЛАГах Чаунского района по статье «50 - пункт № 10» как «враг народа», о семье мало говорил, но как-то рассказал, что был женат, от первой жены у них родились два сына, назвали их Ким и Спартак, и дочь Людмила. Но жена заболела скоротечным туберкулёзом и умерла, Яков Матвеевич, овдовев в тридцать лет в 1927 году, остался с тремя детьми. Через несколько лет женился на сотруднице газеты «Правда», родилась дочь, назвали её Розой. Но как только начались гонения на членов правительств со стороны НКВД, жена порвала все отношения с Яковым Матвеевичем. На Тамаре Лаврентьевне женился в 1936 году, за полтора-два года до ареста. Сыновья остались на её попечение, а Людмила ушла в самостоятельную жизнь. Кроме них у Тамары Лаврентьевны был сын Мелик от первого мужа Астахова, которого тоже арестовали. Тамару Лаврентьевну с детьми выселили из квартиры.

Трудно жилось. От отца никаких известий не получали. Сыновья страдали от клейма со стороны окружающих «сын врага народа», их презирали. Но они не верили этому, не считали отца предателем Советской власти. В 1941 году ребята были призваны в ополчение около Ленинграда. Спартак служил в штабе, хотел вступить в ряды

ВКП(б). Написал заявление в партийную организацию, на собрании рассказал правдивую историю об отце, что тот арестован и что он не знает, где отец находится в данное время. Коммунисты его в партию не приняли, и в тот же день Спартак кинулся в бой и погиб. Ким решил навсегда отказаться от фамилии Терентьев: после очередного боя вынул документы из кармана убитого, взамен положил свои. Так он сам лишил себя фамилии отца. Но Ким не погиб на фронте, несколько лет скитался где-то, приезжал к Якову Матвеевичу, плакал и укорял отца, доводил его до слёз, что он виноват в его судьбе, и снова уезжал, в Ульяновке жить не хотел. Дочь Людмила редко навещала отца. С ней я виделась один раз на похоронах Якова Матвеевича 18 июня 1983 года. Она приезжала с сыном, а жила с семьёй в Москве. Дочь Роза несколько раз гостила в Ульяновке, Яков Матвеевич и Тамара Лаврентьевна её тепло принимали. Мелик в 18 летнем возрасте умер в блокадном Ленинграде от голода.

Рассказывает Тамара Лаврентьевна Астахова – жена Якова Матвеевича

Родилась 19 мая 1903 года в городе Ленинграде в семье портных. В юном возрасте очень хотела научиться шить, но мама не учила и говорила, что тысячи женщин не шьют и живут не плохо. «А мы по 12 часов с отцом шьём ежедневно, торопимся для людей шить к празднику, а сами не отдыхаем.» Пошла на курсы шитья без ведома родителей, что очень пригодилось ей в жизни. Потом училась на чертёжницу, ещё закончила школу акушерок.

Рано вышла замуж за очень красивого молодого человека, члена партии, работающего в военном ведомстве. У нас родился сын, назвали его Мелик. В тридцатые годы мужа неожиданно ночью арестовали. Я узнала, в какой тюрьме он содержится, и в течение трёх дней носила передачи,

Т. Л. Астахова

подолгу простаивая в очереди у тюремного окошка. На четвёртый день передачу не приняли и сказали, чтобы больше не носила. Так и до сих пор не знаю его судьбу, скорее всего, расстреляли...

С вдовым Яковым Матвеевичем встретилась незадолго до ареста (года за полтора-два), поженились, но не успели зарегистрироваться. Может, это и спасло меня от ареста, которого не избежали многие родственники арестованных. Оставшись с сыновьями Якова Матвеевича Спартаком, Кимом и своим Меликом, чтобы их прокормить, я пыталась устроиться на работу. Прихожу устраиваться в отдел кадров, говорят: «есть работа, приходите завтра». Прихожу на следующий день, отвечают, что уже «место занято». И так постоянно. Наверное, проверяют, узнают, что я из семьи арестованного, и не принимают. В отчаянии я бросалась под поезд, но меня чудом спасли, парализовало лицевой нерв.

Меня выручила шитьё. Нашла работу только в войну, стала работать медсестрой в эвакогоспитале. Раненых с фронта врачи сопровождали до города Томска. Как в кино «На всю оставшую жизнь». Спартака и Кима взяли в ополчение, в блокаде остались Мелик, младшая сестра Людмила с двумя детьми и мама. После блокады узнала, что Мелик и мама умерли от голода. Где их могила, не знаю. Работая в эвакогоспитале, видела много страданий, от тяжёлых ран умирали такие молодые ребята. Особенно запал в душу беспризорный двадцатилетний Миша, очень похожий на Мелика, и мы оба потянулись

к друг другу. Как только немного улучшилось здоровье Миши, с его согласия – взяла к себе. Он мне дал сыновье тепло, временно заглушая утрату. Да и сам он нуждался в семье.

В 1946 году мы получили одно легальное письмо с известием от Якова Матвеевича, что он освобождён и, если не забыла, просил приехать в Певек, так как сам выехать не может из-за лишения прав гражданства СССР и выезда на 5 лет. Правда, как-то ещё получила одно письмо, зашитое в телогрейку и переданное с одним освобождёвшимся заключённым, где Яков Матвеевич в нескольких словах сообщал своё место заключения. Мы с Мишей собрались и в 1947 году приехали в Певек.

ЖИЗНЬ В ПЕКЕ ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ СРОКА ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Приехав по направлению по окончании Ужумской фельдшерско-акушерской школы Кировской области с группой девчат в 1948 году в Певек, меня устроили на работу в районную больницу. Там я познакомилась с Тамарой Лаврентьевной, работавшей в этой больнице медсестрой. Вскоре она стала приглашать домой в свободное от дежурства время. Через неё и познакомилась с Яковым Матвеевичем. Он, как я уже упоминала, после освобождения работал инженером в Чаун-Чукотском горнопромышленном управлении (ЧГПУ) начальником буровзрывных работ, потом возглавил Певекский горно-разведочный комбинат. Рабочий кабинет его находился в здании ЧГПУ, расположенный в единственном двухэтажном доме Певека. Уходил на службу рано, приходил поздно, поэтому мало общались, был немногословен. Жили они в маленькой 12–13 квадратной комнате общежития, где в основном проживали люди, связанные с разведкой ископаемых на Чукотке: это семья Китаева, его жена и маленькая дочь, семья Галактионовых (отец и сын его

тоже занимались разведкой) и другие геологи. Позднее группа Китаева была награждена Ленинской премией за открытие прииска Комсомольский. Привезённый Тамарой Лаврентьевной молодой человек Михаил, взятый раненым в эвакогоспитале, где она работала во время войны, со временем был назначен начальником шахты на руднике Валькумей, ему было уже 24 года. Тамара Лаврентьевна не пользовалась общей кухней, еду готовила на керосинке в комнате. Из мебели стояла кровать, топчан, стол и ножная швейная машина. Хозяйка во время переезда с Михаилом на Чукотку задолжала и расплачивалась вырученными деньгами за шитьё. Помогала сестре Людмиле и её двум детям, живущим в Ленинграде. В 1950 году Михаил выехал в Москву, поступил учиться в институт иностранных языков. Из посетителей квартиры Тамары Лаврентьевны в основном были женщины-заказчицы на шитьё, вышивку, потому что быткомбината не было. Приходили медработники районной больницы; хирург Сенченко Семён Иванович, заведующая больницей врач Поплавская Надежда Павловна, начальник санчасти Отдела Лагерного Пункта № 10 (ОЛП № 10) Лунина Эдита Абрамовна и другие медработники. Заглядывал лейтенант Клемешев Алексей, возможно, сексот НКВД. По истечению пяти лет лишения прав Яков Матвеевич писал в органы с просьбой разрешения выезда на «материк», но согласия не давали.

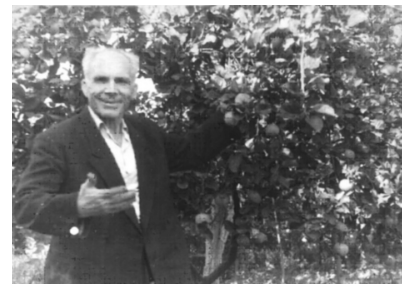
ПЕРЕЕЗД С ЧУКОТКИ В УЛЬЯНОВКУ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В 1953 ГОДУ

На «материк» власти разрешили выехать только в 1953 году, но без разрешения проживать в столицах союз-

Тамара Лаврентьевна
в саду около дома

ных республик, не ближе ста километров от больших городов, так как Яков Матвеевич был ещё не реабилитирован и часто отмечался в милиции.

Яков Матвеевич около яблони
на приусадебном участке

Пришлось искать подходящее место для проживания. Хотя у Тамары Лаврентьевны была родительская квартира в самом Ленинграде на улице Жуковского, они решили поселиться под Ленинградом в посёлке Ульяновка по московской железной дороге – остановка Саблино.

Там они купили домик за 25 тысяч с приусадебным участком и прожили в нём около восьми лет. После решили подновить, но дом оказался поражён грибком, так что пришлось купить готовые конструкции финского домика, заняв денег у родственников и знакомых. Дом построили без ванны, туалет выгребной. Дом состоял из трёх маленьких комнат: кабинета 6–7 квадратных метров Якова Матвеевича, где стоял столик, диван и полки с книгами и брошюрами, в такой же маленькой комнате Тамары Лаврентьевны стоял шкаф для одежды, ножная швейная машина и кровать,

чуть больше – гостиная, где обедали и смотрели телевизор и где стоял небольшой шкаф с книгами. Жили скромно. Обработывали земельный участок, было несколько яблонь, выращивали овощи. Чтобы отдать долги, Тамара Лаврентьевна шила женщинам одежду, она мастерица была шить, вышивать. Яков Матвеевич говорил: «Поживу, может, лет пять на свободе...» Он организовал в огороде небольшой водоём, развёл рыбок, и мы любовались ими на досуге. С яблонь получали хороший урожай, торговать ими не умели и раздавали соседям, Яков Матвеевич научился из них делать вкусное вино, всегда угощал гостей. Так вино и получило название «терентьевка».

РЕАБИЛИТАЦИЯ

В 1956 году Якова Матвеевича реабилитировали, назначили пенсию союзного значения в сумме 140 рублей, установили плату за коммунальные услуги в 50% и санаторное лечение то ли ежегодно, то ли один раз в два года, а также бесплатное приобретение одежды один раз в два года. Восстановили в партии с 1919 года. Дали компенсацию за годы, проведённые в лагерях, в сумме 80 тысяч, но он отказался их взять, а передал на какое-то общественное дело. Несколько раз ездил на лечение (раза три) в санаторий Сестрорецк, потом уже не мог по состоянию здоровья и преклонного возраста. После реабилитации Яков Матвеевич ещё больше включился в общественную жизнь посёлка: избирался председателем уличного комитета, депутатом поселкового совета, принимал участие в районной партийной организации, ездил по учебным заведениям, проводил с молодёжью лекции и беседы на тему трудовых, революционных традиций нашего народа, по семейным вопросам.

С ним готовился скрупулёзно, обычно в вечернее и ночное время.

ВСТРЕЧА С КОСМОНАВТОМ ВИКТОРОМ САВИНЫХ

26 декабря 1981 года к Якову Матвеевичу приехал в Ульяновку космонавт Виктор Савиных, сотрудники Московского музея Космонавтики и фотокорреспондент ТАСС. Они сообщили, что 30 сентября 1981 года Федерация Космонавтики СССР внесла решение о награждении Я.М. Терентьева Медалью С.П. Королёва.

Я.М. Терентьев и космонавт Виктор Савиных в Ульяновске

Космонавт Савиных от имени Федерации и музея Космонавтики поздравил Якова Матвеевича с заслуженной наградой и вручил медаль. Затем ему была подарена книга «Творческое наследие Академика С.П. Королёва» с надписью «ветерану ракетной техники Я.М. Терентьеву от мемориального музея Космонавтики 26.09.81 г.».

В тот день Терентьев Я.М. передал музею письма С.П. Королёва, адресованные ему, а также макет спутника Земли (луны), подаренного Королёвым 11 августа 1965 г.

ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА

В октябре 1982 года состоялась последняя моя встреча с Яковом Матвеевичем, когда мы с дочерью Раей гостили в Ульяновке.

Якову Матвеевичу 80 лет

Встретили нас, как всегда, с радостью. Тамара Лаврентьевна накрыла стол, поставив свои овощные заготовки, с подполья достала домашнее вино «терентьевку». За едой они рассказывали про свою жизнь. На приусадебном участке собрали неплохой урожай земляники на варенье, хорошие были в том году выращенные в теплице помидоры и огурцы, картофель не стали садить: «Много ли нам надо? Копать землю тяжело, часть огорода соседи засеяли клевером...». Зато много разных цветов ещё цвели и радовали глаз. На веранде стояли корзины с яблоками. В свою очередь мы делились своей жизнью на Чукотке. Яков Матвеевич расспрашивал обо всём. Гостили мы две недели, на прощание он подарил свою фотографию, на обратной стороне которой написано:

«Дорогой Анфисе Никитичне, дорогому Иннокентию Васильевичу, милой Рае; На закате лет в связи с моим 80-летием со дня рождения, приветствую вас и желаю Вам всего хорошего. Крепко целую, ваши Тамара и Яков Терентьевы. 14 июля 1972г.»

Другий Андрей
Николаевич
Другому Николаевичу
Василию
Минин Раи.

На Закатах нет, в сса-
ди с моим во-етном со-
гласия, пришествии
Вас и тесно Вы были
весь догрозил.

Крепко уселю.

Ваша Тамара и Яков

19. VII 1977.

67/14

и с удовольствием её писали.
Хорошо нам привык, жила
еще Рубинича чемере с пропиской-
стае и дома.

Если человек добро, а человек
и душа ты всё и погубил
с добрым словом нам привык
Кей - Дие рождался мысли

Я уже пошел в сакотарин,
Сопиторий хорони, как марш пред
Степико во время убител были
Корней хорони. Жуть как при
Коллекция, единственно как
Солнечный Тамара
Крепко уселю.

С любовью

С. Тобилевич

19. VII 1977

С праздником!

28. VII. 76
самое "сердце мое"

Другий день, дорогой
Фриск

Скорее поздравлю тебе с
Днем Рождения!
Тамара набрала поздравий
самолично, т.е. во Владимир
как человек. Мне бы хотелось
еще у Фриски с поздравий. Если не
поздравил, то забудет! Если не
поздравил, то забудет! Если не
поздравил, то забудет!

Другой Фриск, самая красивая
какая из рожки, желало уже
ведь, весь миром, в первую оче-
редь, конечно здоровья, несли со-
дой, маринован, уютом с тем
благоприятного труд и счастья
всегда так переживаете

Здоровья, больше всего
в их время. Когда вы любите,
то время ваше дороже и вы
только улыбаются, и не улыбаются, вы
духу времени, как я люблю
своего, но я узнаю много
сати, уже того много времени.
Если вы я человек некий
узнаю вы в доме, три раз вы
ше. Сейчас наша дружба
та и скоро, скоро будет несли
ко всем. Каждый человек в
своем, каждый он занимается
своем. В свое время несли
своем. Каждый человек в
своем. Каждый он занимается
своем. В свое время несли
своем. Каждый человек в
своем. Каждый он занимается
своем.

Ваша Тамара и Яков

19. VII 1977

от Николаева
6 IV. 70.

Дорогая Фриск!
Дорогая Фриск!

В первую очередь я пишу тебе
любимый лист, с этой датой не
подразумевая с прищипкой в сердце
и не повсюду тебе благодарю
оставляя, ты жалею думать. Все
та же, что ты делаешь, куда
идеи, ты делаешь, ты делаешь
своем. Каждый человек в
своем. Каждый он занимается
своем. В свое время несли
своем. Каждый человек в
своем. Каждый он занимается
своем.

Ваша Тамара и Яков

19. VII 1977

на будущее. Ты ведь не
подразумевая, а ты и когда
Кто, мне вдумать, но где
рождения, да еще в том
Маринован. Я люблю
не только рожки, вы и
Николаева, так ко мне
рождения, орудие рожки
и, ты конечно, я от-горю
не забуду.

Ваша Тамара и Яков

19. VII 1977

на свой, на свой. Ты ведь
я не забуду, пишу рожки, но
поэтому, вы любите, я за-
буду о вас, как я буду
когда вера рожки в вас,
и о чем сказать, вы вы
там далеко. Я понимаю
каждый день Занять, да. Мне
мало рожки любите, если вера
вы не забуду, а от-горю
редко, потому что вы
замышляете, и я от-горю.
Я от-горю, потому что вы
любите, я за-буду о вас,
когда вера рожки в вас,
и о чем сказать, вы вы
там далеко. Я понимаю
каждый день Занять, да. Мне
мало рожки любите, если вера
вы не забуду, а от-горю
редко, потому что вы
замышляете, и я от-горю.

Ваша Тамара и Яков

19. VII 1977

Выше приводятся некото-
рые письма Якова Матвееви-
ча, написанные моей семье
на Чукотку в Анадырь.

БОЛЕЗнь ТАМАРЫ ЛАВРЕНТЬЕВНЫ

В мае 1983 года я получила
скорбное письмо от Тамары
Лаврентьевны о смерти Якова
Матвеевича и плохом её здо-
ровье, она просила меня прие-
хать к ней.

В начале июня я взяла от-
пуск и поехала ухаживать за
Тамарой Лаврентьевной. Она
была исхудавшая, с трудом
ходила, больше лежала, аппе-
тита не было. По три-четыре
раза приезжала племянница
из Ленинграда навестить свою
тётю, привозила продукты,
приходили друзья. Старый
друг семьи Никитина Вален-
тина Ивановна, живущая в

посёлке Никольское, часто
оставалась ночевать. Один
раз в неделю навещала врач.
Но ничего её не веселило, не
отвлекало от тяжёлых дум,
жить ей стало не для кого, и
она таяла с каждым днём. 18
июня 1983 года состоялось за-
муровывание урны с пеплом
Якова Матвеевича, приеха-
ли из Москвы дочь Людмила
Яковлевна с сыном Сергеем,
собрались друзья, соседи, по-
мянули. После этого совсем
слегла Тамара Лаврентьевна.
Участковый врач советовала
лечь в больницу, но она отка-
залась. У меня заканчивался
отпуск, и я уехала 28 июля в
Москву и оттуда в Анадырь,
оставив Тамару Лаврентьевну
под наблюдением племянни-
цы Нелли. В августе 1983 года
её поместили в больницу и в
конце ноября, 26 числа 1983
года она умерла. Вот так за-

кончилась жизнь этой заме-
чательной пары. Я получила
большую науку взаимоотно-
шений в семье. До конца жиз-
ни они друг друга называли
«Тамарочка» и «Яшенька». Я
поражаюсь их жизнелюбием,
добротой, стойкостью ко всем
невздам. В 1989 году пое-
хала в Ленинград, съездила в
Ульяновку, походила по ого-
роду, посидела на крыльце, за-
шла в дом. Не смогла спокой-
но смотреть, слёзы застилали
глаза, так многое напоминало
о хозяевах: казалось, вот-вот
они зайдут и весело здоро-
ваются. Сейчас там постоянно
никто не живёт, только летом
отдыхает и работает на участ-
ке Неля со своими друзьями.
Цветут вишня, яблони, кры-
жовник и малина, растёт ель,
посаженная Яковым Матвее-
вичем. Увы, самих хозяев уже
давно нет...

**НИНА МАТВЕЕВНА
ТЕРЕНТЬЕВА –
СЕСТРА
ЯКОВА
МАТВЕЕВИЧА**

В сентябре 1999 года я посетила сестру Якова Матвеевича, Нину Матвеевну, с которой не была знакома. Она проживала в однокомнатной квартире в Москве. Из трёх сестёр осталась одна. Так получилось, что муж умер давно, детей нет, квартиру сдала администрации города, которая доплачивает некоторую сумму денег к пенсии, заботятся о ней, подарили телевизор, периодически звонят, поздравляют с праздниками. Рассказала, что чудом осталась не арестованной как сестра Якова Матвеевича, об аресте которого узнала по радио. Должна была, по тем временам, заявить в органы сама, что является родственницей, и уже шла в милицию, обливаясь слезами, ведь неминуемо и её должны были арестовать. К её счастью, встретился секретарь комсомольской организации, где она состояла на учёте, и отговорил, так как Нина Матвеевна жила отдельно от Якова Матвеевича, и она осталась на свободе, по гроб жизни благодарна этому человеку. После ареста Якова Матвеевича долгие годы никому не говорила, что является его сестрой. Жила в постоянном страхе: а вдруг узнают правду и арестуют?

Так мы проговорили часа три за чаем, вспоминали родных. Нина Матвеевна спрашивала, как мы жили на Чукотке, когда Яков Матвеевич был лишён всех прав и боялся писать письма даже после освобождения от «наказания». Расстались мы с надеждой, что ещё встретимся, но этому не суждено было случиться, так как вскоре она скончалась, об этом мне сообщила её племянница Неля.

**К 75 ЛЕТИЮ
С.П. КОРОЛЁВА**

**Из газеты
«Магаданская правда»
от 10 Января 1982 года**

12 января 1982 года исполняется 75 лет со дня рождения С.П. КОРОЛЁВА – конструктора первого в мире пилотируемого космического корабля.

Родился он в Житомире в семье учителя словесности. Когда Сергею исполнилось девять лет, семья переехала в Одессу. Здесь зародилось у него увлечение авиацией. Недалеко от дома, где жили Королёвы, располагался гидроавиационный отряд. Мальчик стал постоянным гостем лётчиков. В июне 1923 года, занимаясь в кружке планеристов, в Обществе авиации и воздухоплавания Украины и Крыма (ОАВУК), Сергей Королёв сконструировал свой первый планер К-5. К тому времени он самостоятельно, пользуясь лишь литературой, приобрёл все необходимые ему знания по разделам высшей математики и воздухоплаванию и в 1924 году поступил в аэромеханическое отделение Киевского института. В 1929–1931 годах он познакомился с трудами Циолковского и Цандера и увлёкся их идеями. В 1931 году было организовано Общественное бюро воздушной техники. Одна из групп именовалась «Группа изучения реактивного движения» (ГИРД). В 1932 году Королёв назначается начальником ГИРД. В 1932 году принимается решение о слиянии Московской ГИРД с Ленинградской газодинамической лабораторией (ГДЛ) и о создании первого в мире Реактивного научно-исследовательского института (РНИИ). Королёв назначается заместителем начальника этого института по научной работе. В РНИИ под непосредственным руководством Королёва была произведена широкая программа научных исследований и опытно-конструкторских работ, завершившихся испытаниями ряда конструкций баллистических и крылатых управляемых и первыми полётами человека на ракетном аппарате. Эти полёты были выполнены в феврале-марте 1940 года. Лётчиком Фёдоровым на ракетоплане РП-318 конструкции Королёва. В 1942 году Королёв занимается проектированием и руководит проектированием работы по установке ракетных ускорителей

на боевые самолёты конструкции Петлякова, Яковлева, Лавочкина и сам испытывает их. В первые послевоенные годы Королёв создаёт несколько типов жидкостных баллистических ракет дальнего действия, в которых использованы принципиально новые конструктивные решения – отделяющаяся головная часть, несущие топливные баки, бесстабилизаторная компоновочная схема. Совершенствуются системы разрабатываемые другими конструкторами, соратниками Королёва, системы управления, двигательные установки, радиотелеметрическая система.

КОСМИЧЕСКИЕ СТУПЕНИ

В 1949 году по инициативе Королёва начинаются исследование верхних слоёв атмосферы с помощью ракет. Количество экспериментов всё увеличивалось. На ракетах стали поднимать животных, обрабатывая их возвращение на землю. В 1956 году разрабатывается эскизный проект первого искусственного спутника. За год до этого начинается строительство космодрома Бойконур. Королёв участвует в выборе места для космодрома и планировке его служб, разработке проектного здания. В августе 1957 года Советский Союз объявил о создании первой в мире межконтинентальной баллистической ракеты, на базе которой создаётся ракета для запуска космических аппаратов. Оригинальная конструктивно-компоновочная схема позволяла использовать её долгие годы для самых различных целей. И сейчас её модификация служит для запуска космических советских кораблей «Союз-3» и многих космических аппаратов. 4 октября с помощью двухступенчатой ракеты на орбиту бы выведен первый в мире искусственный спутник (ИСЗ) – детище Королёва. 3 ноября 1957 года был произведён в Советском Союзе второй искусственный спутник с собакой на борту. В мае 1958 года производится третий ИСЗ. Это уже была целая лаборатория с комплексом аппаратуры для исследования космического пространства. В соответствии с разработанной программой космических исследований Королёва, его конструкторское бюро начинает разработку спутника для полёта человека в космос (тогда он ещё назывался просто спутник, кораблём его назовёт

Королёв позднее). В 1958–1959 годах первые межпланетные автоматические станции для исследования Луны. Ракета для их запуска обретает третью ступень. Наступает год «ЛУНЫ»: 2 января 1959 года впервые космический аппарат ЛУНА-1, достигнув второй космической скорости, проходит вблизи Луны и становится спутником Солнца. 12 сентября стартует ЛУНА-2, проложившая трассу Земля–Луна и впервые доставившая на поверхность спутника Земли вымпел. 4 октября новый старт – Луна-3, облетев Луну, сфотографировала её обратную сторону и передала изображение на Землю. В конце 1959 года начинаются проектные работы по созданию автоматических межпланетных станций для исследования Марса и Венеры. Для того, чтобы полёты были возможны, на ракету устанавливается четвёртая ступень, которая должна работать в необычных условиях – запуск двигателя осуществляется в невесомости на орбите искусственного спутника. Первый пуск этой ракеты со станцией Венера-1 состоялся 12 февраля 1961 года. А в это время полным ходом идёт работа над пилотируемым космическим кораблём. Полёту человека предшествовали пять запусков кораблей в беспилотном варианте: на двух последних полностью моделируется программа первого полёта человека в космос. Королёв придавал очень большое значение надёжности космических аппаратов.

ПИЛОТИРУЕМЫЕ КОСМИЧЕСКИЕ КОРАБЛИ

12 апреля 1961 года главный конструктор в ночь накануне старта – главного старта в его жизни – не спал. Он волновался, но не показывал вида, так как знал, что его настроение, поведение очень чутко воспринимается окружающими. Королёв делал всё, чтобы даже необычные, чрезвычайно важные этапы работы внешне ничем не отличались от работы повседневной, уже налаженной. Конечно, Королёв прекрасно понимал, что эти минуты будут историческими. Чем стал этот день, знают все в мире. Имя Юрия Гагарина стало известно всем. Вслед за Гагариным полетел Герман Титов, уже на сутки. Многие предлагали ограничить полёты тремя витками. Королёв был сторонником суточного полёта и сумел убедить в этом

остальных. Затем групповой полёт Андриана Николаева и Павла Поповича. Королёв был уверен в необходимости отработки сближения между собой двух аппаратов, движущихся по близким орбитам, понимая важность решения этого вопроса для будущих полётов. И в 1963 году стартуют Валерий Быковский и Валентина Терешкова – первая женщина-космонавт.

Следующий шаг – многоместный корабль ВОСХОД; для работы в космосе нужны экипажи, состоящие из разных специалистов. Затем выход Алексея Леонова в открытый космос. В своём последнем выступлении перед журналистами в 1965 году Королёв говорил о важности решения проблемы выхода в космическое пространство для производства монтажно-ремонтных работ. В это время идут работы по всем направлениям космонавтики: создаются «МАРСЫ» и «ВЕНЕРЫ», «ЛУНЫ» для мягкой посадки, спутники Луны, «КОСМОСЫ» и «ЭЛЕКТРОНЫ» для исследования около земного пространства, спутник связи «МОЛНИЯ». Под его руководством ведутся проектные работы по созданию корабля «СОЮЗ», лётные испытания которого начались уже после смерти Королёва в 1967 году. Известный шведский учёный, лауреат Нобелевской премии Ханнес Альвин так оценил Королёва: «Сергею Королёву больше, чем кому-либо другому, принадлежит заслуга в том, что космический век стал реальностью».

С именем С.П. Королёва поистине связана целая эпоха в истории земной цивилизации. В каждом космическом аппарате, созданном человечеством, всегда будет присутствовать частичка его дел.

ЧЕЛОВЕК

Королёв был требователен к себе и другим. Строго и подчас жестоко спрашивал с других. Он ценил своё и чужое время, был пунктуален. Королёв был человеком слова, не было случая, чтобы он его не сдержал, ценил это качество и в других. Он бережно относился к людям, хотя и был резок. Если оказывался не справедливым, не стеснялся извиниться перед человеком. Королёв был честолюбив, но это не то мелочное чувство, когда человек хочет выде-

латься любой ценой, скорее оказать на виду, получить высокие звания, привилегии, награды. Его честолюбие заключалось в том, чтобы первому сделать какую-то уникальную машину, решить трудную техническую проблему. Он всегда хотел быть лидером, лидером важного и трудного дела, осуществление которого принесло бы славу родной стране. Он и был таким лидером. Хотя главным в жизни Королёва была работа, круг его интересов был широк. Он был очень эрудированным человеком, интересным собеседником. В компании умел веселиться, танцевал, был остроумным сам, понимал и ценил юмор других. Таким помнят Королёва Сергей Павлович его друзья и коллеги по работе.

И.ИВАНОВА (АПН)

Из статьи «ГОРБАТОВ И КОРОЛЁВ НА КОЛЫМЕ», помещённой в газете «Магаданская правда»

В 1937 году в главное экономическое управление НКВД поступил донос на инженера С.П. Королёва, в котором он обвиняется как член троцкистской организации, тайно существовавшей в институте и связанной с контрреволюционными центрами на западе. «Однодельцами» проходили инженеры И.Т. Клеймёнов, Г.Э. Лангемак, В.П. Глушко, его коллеги, соратники. В период всеобщей бдительности нашлись люди, заступившиеся за Королёва – прославленные лётчики герои советского Союза В.С. Гризодубова и М.М. Громов, просили в ЦК ВКП(б) разобраться с ложными обвинениями против Сергея Павловича. Но Королёв уже был на Колыме. В июле 1939 года пленум верховного суда приговор отменил и вынес решение провести следствие. 24 июля Королёв написал письмо Берии, в котором излагал перспективы крылатых ракет и ракетных самолётов и их значение в обороне страны и некоторые предложения технического характера. Просил предоставить возможность лично доложить положение дел в этой области. К работе он мог приступить в условиях тюрьмы Особого технического бюро НКВД, где работал над пикирующим бомбардировщиками авиоконструктор А.С. Туполев. И то по требованию Туполева в составе

группы 26 инженеров одной с Туполевым трагической судьбы. Бывший заключённый той же тюрьмы Герой Социалистического Труда С.М. Егер расскажет: «Вид у Королёва был никудашный, истощённый, измученный. Туполев относился к Королёву с непонятной для нас теплотой. Видно, он ценил те его качества, которых мы в ту пору не замечали – работоспособность и интерес к творческим решениям».

М. Пастухова в своём очерке о жизни Королёва («Огонёк», № 49 за 1987 г.) публикует ряд документальных материалов о его жизни, в которых рукой Королёва написано: «27 июня 1938 года я был арестован органами НКВД по обвинению в участии в антисоветской организации, в которой я работал, как мне сказали на следствии. Я обвинялся во вредительстве новой техники. Осенью того же года я был осуждён Высшей коллегией Верховного суда к тюремному заключению на срок 10 лет. В 1939 году этот приговор был отменён и Особое совещание НКВД заочно вынесло осудить меня на срок 8 лет заключения в исправительно-трудовых лагерях».

Г.А. Тюлин дополняет, что когда арестовали В.Глушко (будущего академика – дважды Героя Социалистического Труда) и объявили врагом народа, Сергей Павлович публично заявил, что не может поверить, что Глушко враг народа, что «не может этого быть». Тогда и его самого забрали через несколько дней. Сергей Павлович пытался добиться реабилитации, находясь на прииске «Мальдьак», 15 октября 1939 года обратился к Генеральному прокурору с письмом. Личное дело заключённого Королёва хранится в Москве, в нашем же архиве известно, что 23 декабря 1939 года его направили в распоряжение Владлага. Было тогда будущему академику 32 года. Вдова Королёва Нина Ивановна рассказывает В.Пастуховой, что когда Сергей Павлович вспоминал те годы, то очень нервничал. Приводит она и такой факт: на Колыму пришёл вызов на него, но когда Королёва привезли к пристани (Магадана), то оказалось – опоздали, последний пароход ушёл. Пришлось ждать следующей навигации. Потом он узнал, что этот пароход затонул. Где же был Королёв в ожидании парохода в 1939 году? Н.С. Королёва (дочь) сообщила,

что в Москву он прибыл из северо-восточных лагерей 2 марта 1940 года. Дальнейшие 15 лет биографии Королёва малоизвестны. Ясно, что конструктором он работал в заключении, но по представлению НКВД СССР 27 июля 1947 года Королёв был досрочно освобождён со снятием судимости. Через год за работу по спецтехнике был награждён орденом Знак Почёта. Однако опубликованный в «Огоньке» (№ 49 за 1987 год) документ свидетельствует, что 10 июля 1940 года особое совещание НКВД вторично осудило Королёва, и решение его было отменено только 18 июля 1957 года, хотя в члены партии он был принят в 1953 году, через два года он стал Героем Социалистического Труда, а в 1957 году – Лауреата Ленинской премии.

В биографии Королёва непонятно следующее утверждение в письме к жене Нине Ивановне от 29.02.1953: «Я даже вспомнил своё пребывание на Чукотке» (и упоминается Певек). Первая жена Королёва отрицает его пребывание на Чукотке. Возможно, под Чукоткой он подразумевал вообще тот край страны, с которым познакомился не лучшим образом. В.Пастухова цитирует в «Огоньке» заявление Королёва на полную реабилитацию:

«Мне пришлось участвовать в самых первых в СССР работах в этой области, а затем в 1937–1938 годах после моего ареста всё это было прервано на несколько лет, и лишь с 1943 года я снова мог работать по своей специальности».

Но вопрос, был ли Королёв на Чукотке, остаётся неясным. И это – информация для размышления и уточнения фактов жизни Великого учёного. История колымского прииска «Мальдьак» интересует и самих горняков. Такой поиск ведёт Пётр Александрович Макаров – секретарь парткома. Наверно, это надо не для праздного любопытства. Пребыванием Королёва на Севере интересуются многие. Известно, что пребывавшие в нашей области космонавты Б.Волынов, Г.Титов, В.Савостьянов, П.Климук, Л.Леммин пытались узнать о колымской жизни Главного конструктора. Да и сам Сергей Павлович неоднократно говорил жене Нине Ивановне о том, что должен написать о том времени: мы должны посетить те

места. «Мы непременно туда с тобой съездим.»

Сейчас, с приходом гласности и демократии, с началом переосмысления истории советского общества, есть реальная возможность восстановить правду.

Д.РАЙЗМАН –

Член союза журналистов СССР, г. Магадан

(Выписка из статьи сделана Шарыповой А.Н.)

Вспоминания Василия Павловича Мишина – первого заместителя С.П. Королёва, впоследствии главного конструктора, опубликованные в журнале «Огонёк»

Жизнь настоящего учёного всегда драматична. К сожалению, жизнь Королёва осложняли причины и не научного характера, другие внешние обстоятельства. Сказать о них нужно не только для того, чтобы представить Королёва в реальном историческом контексте, но и думая о будущем науки. Королёву легче было начинать, когда он был один на один с государственным заданием. Вот тогда Королёв был Королёвым. А когда он путь в космос проложил, и дело это стало перспективным и весьма престижным, тогда в космонавтике появились многие, чьи интересы были далеки от науки – карьера, честолюбие... Вам не приходилось слышать, что Королёв был «только талантливый организатор»? То есть другие были светилами, а он «талантливо организовывал». Многие из тех, кто так говорил, сами рвали его идеи, разработки, кто как мог. Вы бы видели, как люди, которые были способны лишь сопутствующие товары на королевскую программу поставлять, стали потихоньку себе присваивать его заслуги. Само имя Королёва впервые появилось

в печати, к сожалению, только в некрологе. По непонятным причинам долгое время его имя в нашей стране было строго засекречено, хотя вся заграница (!) прекрасно знала, кто у нас Главный Конструктор. То, что его обнародовали, до сих пор не даёт кое-кому покоя, им бы хотелось и сейчас его имя и плоды его работы замалчивать. Сергею Павловичу трудно было работать в последнее время. Зато люди недалёкие в науке, карьеристы чувствовали себя уверенно в условиях разрастающегося влияния бюрократов. Становилось, в частности, нормой, не опираться на компетентное мнение специалиста, а администрировать. Окрик чиновника стал выше мнения учёного. Мы чувствовали, что кое-кому хотелось, чтобы во главе нашего научно-исследовательского подразделения стоял не учёный-мыслитель, а послушный исполнитель, готовый беспрекословно подчиняться. Со стороны Королёва такие попытки встречали серьёзное и обоснованное возражение. Недооценка науки, принижение роли учёного и, как следствие, снижение уровня исследовательской деятельности, научных результатов и разработки во многих областях – уходят корнями в эти времена. Королёв предвидел это и тяжело переживал. Все, кто с Королёвым работал, не смогут не признать, что он обладал огромной силой предвидения. Простейшие спутники мы стали разрабатывать в 1951 году, а у Королёва идея полёта в космос уже была. Не может не возникнуть вопрос, как Королёв относился к Сталину. Сегодня, когда мы пытаемся осмыслить происхождение культа личности, его последствия, взгляды Королёва были бы для нас особенно ценны. Сергей Павлович писал письма с Колымы, и не он один. Ответов не было. Но вера в Сталина была так сильна, что в его честности и справедливости, Сергей Павлович, несмотря ни на что,

не усомнился. И только после Двадцатого съезда!.. Каким он пришёл! Это было огромное потрясение в его жизни.

Королёв знал, кто непосредственно был повинен в его аресте, в гибели Клеймёнова и Лангемака, кто писал доносы. Как же он относился к этим людям? Ведь по долгу службы они и впоследствии сталкивались. Вдова Королёва Нина Ивановна говорит:

«Пусть об этом скажет сам Королёв – вот его письмо на смерть К. («вчера в газете прочитал»):

«Так судьба развела нас на век, и эта чёрная точка навеки зачёркнута. Ну, пусть спит с миром – старое надо простить и забыть».

Это письмо от 12 декабря 1950 года.

Из воспоминания вдовы Клеймёновой – Левицкой:

«Я сказала: «Сергей Павлович, мне известно, что и Л.К.К. (Леонид Константинович Корнеев) также писал многочисленные доносы на И.Т. Клеймёнова, называл его вредителем, стоявшим за спиной Тухачевского и других. При этом Тухачевского называл подонком человечества, сиятельным мерзавцем и прохвостом, мешавшем ему, то есть К. (Л.К.К.), работать над ракетами». С.П. Королёв сказал, что «К. – дуб настоящий, к творческой работе не был способен никогда. Для дела он не нужен и в дальнейшем. Ему ведь 70 лет, инфаркт перенёс. Ну, попросил меня не выгонять с работы, дать ему возможность чем-либо заниматься».

Попутно встаёт ещё один деликатный вопрос – о детях, внуках и родственниках. Видимо, во всех случаях не надо забывать об охране их достоинства. Правда, пока нередко приходится сталкиваться с другим – когда «высоким именем» родственники и «соратники» размахивают, как флагом, получая разные дивиденды.

«Я (Нина Ивановна) и жена Лангемака отвозили К.

фотографии Лангемака и Клеймёнова для помещения их на ВДНХ (по инициативе С.П.), он нам говорил, что помнит их обоих и всякие хорошие слова про них.»

Королёв неоднократно писал в Главную Военную Прокуратуру заявление с просьбой на реабилитацию:

«Прошу Главную Военную Прокуратуру просмотреть моё дело и полностью реабилитировать, так как я ни в какой антисоветской организации не состоял и ничего о существовании такой организации не знал и не подозревал. Никаких действий антисоветского характера за И.Т. Клеймёновым, Г.Э. Лангемак и В.П. Глушко я не замечал и не знал. Если существуют показания этих лиц, то это, очевидно, от какого-то огромного недоразумения или вымысла с их стороны... Ещё раз прошу Главную Военную Прокуратуру пересмотреть моё дело и снять с меня пятно осуждения».

Заявление отправлено 30 мая 1955 года. В ответ официальная открытка из Главной Прокуратуры от 1 октября того же года: *«Сообщаю, что ваша жалоба от 30 мая 1955 года находится на рассмотрении. Результат рассмотрения вам будет сообщён дополнительно».* Прошёл год. Сергей Павлович получает уведомление на бланке: *«Сообщаю, что поступившая от вас жалоба Главной Военной Прокуратурой рассмотрена и Ваше дело направлено для рассмотрения в Военную Коллегию Верховного Суда СССР, откуда Вам будет сообщено о результатах».* Проходит ещё год. Сергей Павлович в экспедиции. Нина Ивановна получает долгожданный документ:

*Военная Коллегия
Верховного Суда Союза ССР
25 апреля 1957г.
№4н-018811/56
Москва, ул. Воровского, д. 13,
форма 30.*

СПРАВКА

Дело по обвинению Королёва Сергея Павловича, до ареста 27 июня 1938 года, работавшего старшим инженером группы № 2 в научно-исследовательском институте № 3 НКОП (министерства оборонной промышленности), пересмотрено Военной Коллегией Верховного Суда СССР 18 апреля 1957 года.

Постановление Особого Суда при НКВД СССР от 18 июля 1940 года в отношении Королёва С.П. отменено и дело за отсутствием состава преступления отменено.

Председательствующий судебного состава Военной Коллегии Верховного суда СССР полковник юстиции (Цирлицкий).

Печать (Военная Коллегия Верховсуда СССР)

Сразу же Нина Ивановна общается об этом Сергею Павловичу. Вот что он пишет в ответ 9 мая 1957 года. «Очень меня обрадовало твоё сообщение о решении Верховсуда. Наконец-то и это всё окончательно закончилось. Прошу тебя снять в нотариальной конторе 3–4 копии этой справки, они мне нужны будут по приезду»

НЕКОТОРЫЕ ПИСЬМА С.П. КОРОЛЁВА К ЖЕНЕ НИНЕ ИВАНОВНЕ

15 июня 1957 года. Спасибо тысячу раз тебе. Мой верный и дорогой друг за твои участия и поддержки. Я и сам понимал, что нельзя было рассчитывать на лёгкую дорогу, а мы и не рассчитывали. Но всё же пока идёт очень трудно. Правда, и задача небывалая ещё во всей истории нашей техники, да пожалуй, во всей технике. Сегодня меня взяло сомнение о том, как же, родная, тебе тяжело переживать все мои тяжёлые письма и мне, конеч-

но, очень важно с тобой поделиться, ведь мне на эти темы ни с кем делиться нельзя. Ещё больше, ещё крепче люблю тебя, за это ещё раз благодарю.

12 ноября 1948 года. Мне хочется, чтобы ты была сильной и стойкой в жизни. Знай, что и я стараюсь быть таким и, прежде всего, для тебя.

29 февраля 1953 год. Я даже вспомнил своё пребывание на Чукотке – как ты знаешь – это довольно грустные воспоминания.

При встрече С.П. Королёва с Яковом Матвеевичем Терентьевым 11 августа 1965 года в посёлке Ульяновка, Ленинградской области, где я была свидетелем, Сергей Павлович не упоминал Чукотку, а говорил только о пребывании его на Колыме. (Примечание Шарыповой А.Н.)

18 марта – 53 год. Мне так трудно стало жить и работать, сил мало, чувствую, что устал и издёргался до последнего предела. Но огромное наше дело тащит всё дальше и дальше и нельзя сейчас отходить в сторону. Это всё нужно нашей родине и народу.

30 марта – 64 г. Дела наши печальные, весьма. Две неудачи, одна за другой (сперва Л., а потом В.) и в обоих случаях всё же недосмотр.

25 сентября – 64 г. Эти дни для меня были, как в уга-ре, по сути дела вся наша работа за последние годы подвергалась проверке, действительности не только нашей фирмы, но и других. По счастью, всё прошло отлично, и у меня настроение самое хорошее.

7 марта – 65 г. Мы стараемся всё делать не торопясь, основательно. Наша главная задача, беречь людей. Дай-то бог нам силы и умения достигать этого всегда, что, впрочем, противно закону познания жизни. И всё же, я верю в лучшее, все мои усилия и раз-

ум и мой опыт направлены на то, чтобы предупредить, предугадать как раз то худшее, что подстерегает нас на каждом шагу в неизведанном.

Нина Ивановна вспоминает: «В последний год Сергей Павлович приходил домой усталый, расстроенный. Прямо с порога говорил: «Нина, я не могу больше так работать, я уйду». «Куда ты, Серёжа, уйдёшь? Не уйдёшь ты от чертежей, ни от металла, ни от людей». Где-то приобрёл (я ещё удивилась) положение о пенсиях. Значит, серьёзно думал...»

Оглядываясь на наш космический путь, давайте зададимся вопросом: в какой степени достижения и победы зависели от С.П. Королёва?

Тюлин: «На мой взгляд, вклад Королёва в науку так огромен, что до конца ещё недооценён. И успехи наши ещё до сих пор от них зависят: кое-какие его разработки настолько в своё время определили общий уровень мировой науки, что до сих пор представляют научную ценность, то есть мир до сих пор не ответил на вопросы, которые уже тогда были решены Королёвым. Потому секретность с его работ не снята.»

В последующие годы уже без Сергея Павловича продолжали реализовываться его же идеи, космические корабли «Союз», облёт Луны (Зонд 5-8), первые боевые ракетные комплексы с РДТТ, долговременная станция «САЛЮТ».

Всё, собранное мной, Шарыповой Анфисой Никитьевной, о Главном Конструкторе Космических кораблей Королёве Сергее Павловиче, его друге и соратнике Терентьеве Якове Матвеевиче передаю в музейный центр «НАСЛЕДИЕ ЧУКОТКИ» города Анадырь в Год Космонавтики 8 апреля 2011 год.

ШАРЫПОВА А. Н.

г. АНАДЫРЬ